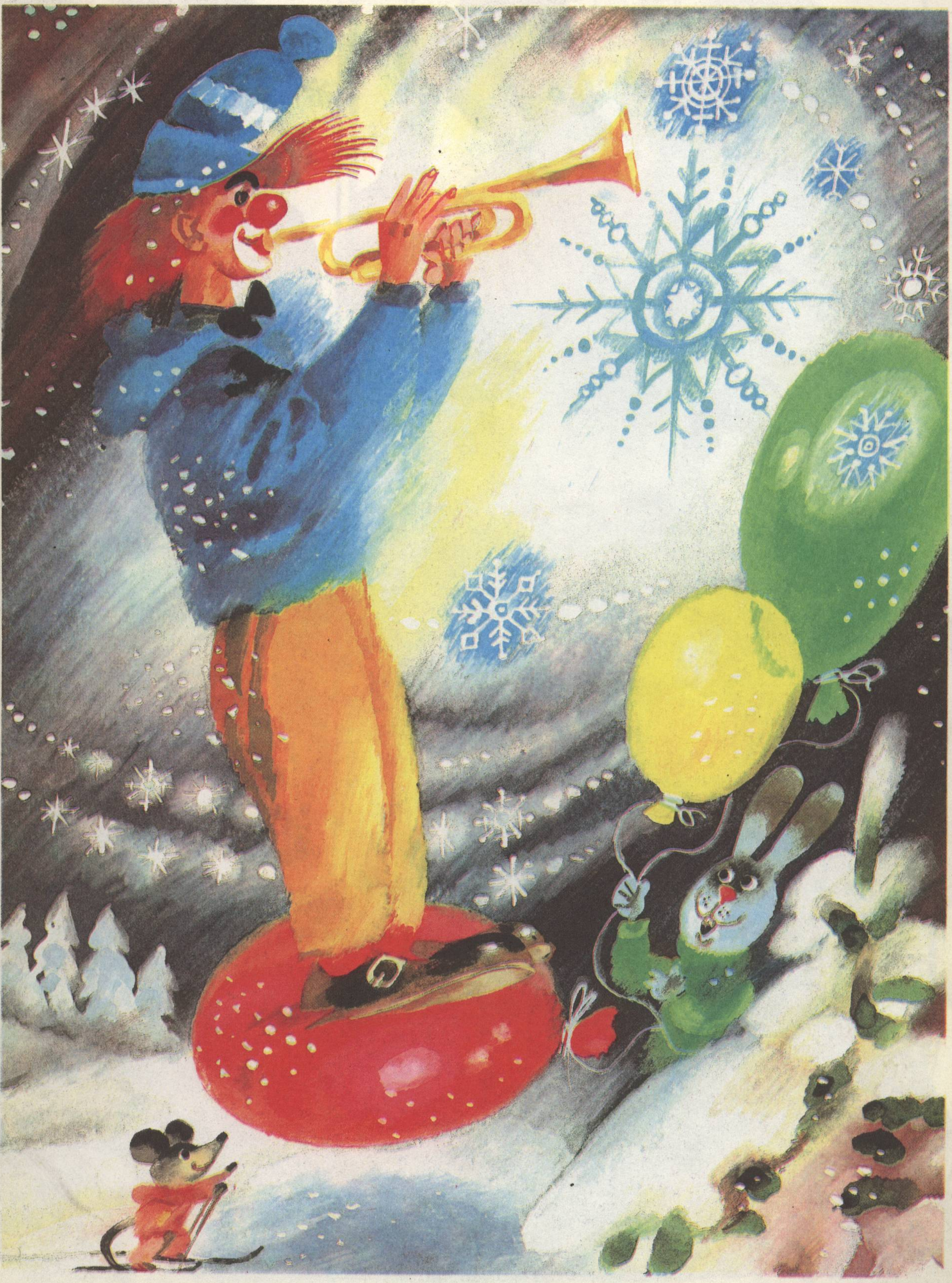
ISSN 0130—8009

ПИОНЕР

12'89

Коллаж И. ПАНКОВА.

Испокон заведено: встречая Новый год, принято оглянуться на старый, чтоб не забыть все лучшее из него взять в будущее и оставить в прошлом то, что отжило свой век, примелькалось или просто надоело.

Говорят, у жителей некоторых южных стран есть обычай — в новогоднюю ночь выбрасывать в окна стоптанные башмаки, обветшавшую мебель, прохудившуюся утварь, а заодно и устаревшие новости вместе со страницами тамошних газет.

В канун Нового года мы тоже перетряхиваем свое журнальное «хозяйство»: рубрики, клубы, разделы. Прикидываем, без чего не обойтись в завтрашнем дне, а от чего не худо бы избавиться. При этом главными критериями для нас остаются мнения и пожелания наших читателей.

Для некоторых из вас этот номер журнала станет последним: повзрослев, вы прощаетесь с нами. Что ж, это естественно. Спасибо вам за многолетнюю дружбу!

Ну, а тем, кто пойдет с «Пионером» дальше, мы обещаем не только продолжить рубрики, которые уже приглянулись вам и запомнились, но и представить на ваш суд новые. Готовятся к встрече с читателями герои только что законченных повестей, рассказов и стихов. Вас ожидают таинственные сказки, увлекательные путешествия и занимательные викторины. И, надеемся, новые открытия. До встречи в 1990 году!

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Москва, 1989
Издательство «Правда»

ЧИТАЙТЕ В ДЕКАБРЕ

На обложке: рисунок А. Борисова.

Думкопф повис вниз головой. С. 45.

Жирафы в Ливии водятся... В зоопарке. С. 27.

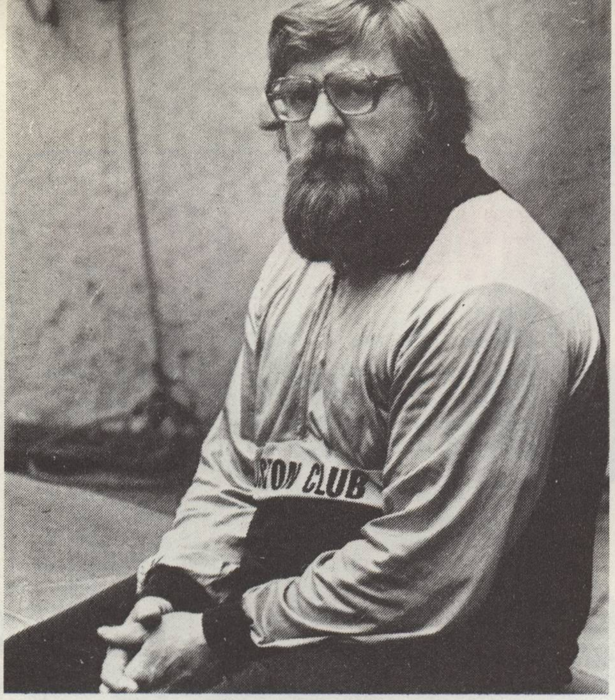

С. 14.

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

ВАЛЕНТИН ДИКУЛЬ ПРОТИВ РЭМБО,

КОТОРЫЙ ЖИВЕТ В КАЛУГЕ, НЕДАЛЕКО ОТ ВОКЗАЛА

...Очень известный силовой жонглер, человек-легенда сидел в своей гримерной и разглядывал на просвет, нацелив на яркую лампу, чей-то рентгеновский снимок. Черная пластина отсвечивала, с трудом просматривалась змейка позвоночника. На низком столике из таких снимков разложен целый веер.

До выступления оставалось часа два. Ждала на вешалке легкая, с блестками, плащ-накидка, что-то еще блестящее. Ждали в углу сапоги, на которых чуть потрескалась золотистая краска. Где-то под нами, где к арене ведет запутанный лабиринт коридоров, наряжали коней, доедал бутерброд клоун, сердились тигры. Скоро покатят в сторону арены тележку, груженную крытыми позолотой шарами, гирями, штангой и дисками к ней. Еле-еле толкают тележку вчетвером-впятером. Все это будет перебрасывать, поднимать, перекатывать на плечах один человек: силовой жонглер ВАЛЕНТИН ДИКУЛЬ, пока в конце не взгромоздит на себя рекордный вес — тонну или съедет ему на плечи «Волга» вместе с водителем, и он подержит ее на себе.

Многие это видели в цирке, или в известном фильме «Пирамида», или просто по телевизору.

И я видела, много раз. Сегодня я — без билета.

Теснятся в гримерной на полках, по углам толстые книги: медицина. Какие-то чертежи. На пишущую машинку вот-вот обвалится гора писем: **Москва, Цирк. Заслуженному артисту РСФСР В. Дикулю.** Или: **Директору Всесоюзного центра реабилитации больных со спинномозговыми травмами.** Или: **Члену правления Советского детского фонда им. Ленина.** Или: **Председателю Федерации инвалидного спорта СССР.** Или: **Депутату Верховного Совета СССР.**

Не имею права пропустить хоть одно звание или чин. Иначе не понять, кто таков Дикуль Валентин Иванович и почему я пришла.

...Пришла — и неловко. Среди тех писем, что получает Дикуль — с криком о помощи,— наше письмо окажется далеко не срочным... Вот оно.

«Здравствуйте, уважаемые люди в «Пионере»!

Меня зовут Рэмбо. Именно так, не удивляйтесь. В наше время очень трудно быть добрым, да и никому это не нужно. Я лично проповедую силу. За свои четырнадцать лет я понял, что жить надо по принципу: выживает сильнейший. Это естественный отбор, и если ты хоть раз дашь слабину́, то все, дальше не жить. Мой кумир — Рэмбо, я на него равняюсь. Я бы хотел сказать парням, чтобы не боялись бить других. Но нужно быть жестоким ко всем, раз и навсегда это решить. Жестоким и мягким одновременно, как в каратэ.

Вы считаете, наверное: пишет какой-то отъявленный бандит, тюрьма — его дом родной. Но это не так. Я не пью и не курю, таблетки и разного вида допинги не употребляю. Напротив. Все свое свободное время занимаюсь восточными видами борьбы плюс штанга, в общем, наращиваю силу. Рэмбо необязательно должен продираться в джунглях с автоматом наперевес. Я, Рэмбо, буду жить в наших прекрасных советских городах, ездить на авто, любить кого хочу и вообще добьюсь любого светлого будущего. Не потерплю, если кто будет стоять на дороге, мешать, выводить из терпения. Сила — это страх, это порядок. Учите подчиняться силе, а не словам, иначе вас уважать никто не станет. Кого вы там еще желаете воспитывать в такое наше время? Лучше напечатайте мой совет, и если кто захочет мне ответить, пишите в Калугу до востребования. Могу назвать и улицу, это недалеко от вокзала. Не боюсь.

С Новым годом — Рэмбо (Евгений Дорохов)».

...Улицу свою Рэмбо так и не стал называть, да и нужно ли это? Если Дикуль ответит, пусть прочитают все. «Нет надежды,— сказал он, отложив в сторону черный лоскут рентгена.— Только поэтому я и отвечу. На это ваше письмо».

Очень скоро он передал в редакцию ответ. Совсем короткий. Отпечатанный на машинке, он уместился на одном листке.

«Уважаемый Женя!

Мне в цирк принесли письмо, которое ты написал в журнал «Пионер». Признаюсь честно, не хотелось на него отвечать. Мне казалось, что время само поставит все на свои места и когда-нибудь ты сам посмеешься над своей наивностью.

Но наивным оказался я сам. Это я понял, когда на прием в мой Центр реабилитации привезли парнишку, чья судьба сломана каким-то твоим единомышленником. Еще и еще раз я вникал в диагноз, поставленный после увечья. Надежды нет. Этот мальчик никогда не сможет ходить. Что случилось? Минутная драка. Я бы мог описать ее подробности, так, как он рассказал. Но дело не в них, все было слишком просто. Шел по улице, «не понравился» встречному, возможно, такому, как ты, местному Рэмбо. Но если бы он и был перед тобой виноват самой смертной виной, уверен ли ты, что тебе дано право «наводить порядок», казнить или миловать?

Твой кумир мог бы позавидовать тебе в драке. Несколько ударов по голове, по спине — и человек, оставшись живым, навсегда выбыл из жизни, тело больше не слушается его.

Мне всегда казалось, что зрители, которые в самом деле видели Рэмбо в кино, не принимают его всерьез, по крайней мере, выходя из кинотеатра, не бросаются бить прохожих. В кино актер Сильвестр Сталлоне изображает машину, запрограммированную на убийство, а в жизни жалуется, что вышел из моды, что от одного вида оружия его тошнит. Не знаю, многих ли парней на западе Рэмбо сделал убийцами. Знаю только, что киношные жестокости сейчас меркнут перед тем, что происходит у нас на улицах Казани, меркнут перед «дедовщиной», которая из армии перекочевала во многие детдома. Доморощенные Рэмбо завелись и у вас в Калуге. И там, откуда привезли мальчишку с перебитой спиной.

Когда я читал твое письмо, я подумал, может, это тот случай, когда у человека «отнимается» душа, как могут отняться ноги. Ее парализует, и это не лечится. Во всяком случае, лечится с трудом. Но убеждать человека, что плохим быть плохо,— пустое занятие. Только сама жизнь, беда, потрясение могут заставить задуматься. Может быть, ты задумаешься, как случилось, что я, далеко не слабый человек, признаюсь тебе сейчас в слабости: я не могу убедить маму увечного парня увезти его домой. Не хватает мужества признаться, что я в ее случае бессилен, хотя многих обездвиженных вернул к жизни, научил заново ходить. Мне легче на арене поднять тонну, чем отнять надежду у матери. Я не Рэмбо, и, как видишь, победа не всегда на моей стороне.

В. Дикуль».

...Если представить, что на вокзальной площади, в Калуге, Женя Дорохов читает друзьям ответ на свое письмо, то скорее всего там решат, что великий циркач не настаивает на своей победе над ними: калужскими Рэмбо, Полурэмбо, Четвертьрэмбо... Во всяком случае, признает их опасность и силу, оттого в письме столько горечи. Дикуль не написал в письме самого главного: о себе. А ведь жизнь его — это и есть ответ всем, вместе взятым, Рэмбо... Так что будем считать, что ваш поединок продолжается.

...После того, как отгремят литавры, устанут и замолчат барабаны, Дикуль, откланиваясь, оставляет на барьере все свои золоченые шары, гири, штангу с дисками и всякое другое, что сверкало, летало в воздухе, держалось на его плечах. Весь антракт это не будут убирать. Сбежится народ, все будут смотреть, трогать шары и гири, пытаться поднять, приподнять или хотя бы чуть покатить их. Особенно стараются мальчишки: но нет, все неподъемное, настоящее, не сдвинуть с места!

А ведь с помощью технических ухищрений в современном цирке можно, оставив зрелище столь же эффектным и даже тяжести настоящими, можно было бы облегчить работу «человека с тонной на плечах». Иллюзионисты были бы тут как тут. И «Волга» вместе с водителем также держалась бы, не упала с его плеч.

Но нет.

Восьмидесятикилограммовые шары, стодвенадцатикилограммовая штанга... Дикуль увеличивал и все увеличивает понемногу их вес. Тонна на плечах? На тренировках он одолевает и полторы тонны. Во время съемок фильма «Пирамида» он пожелал поднять лошадь и понес ее на плечах по улице...

Стоит на своем: все настоящее!

Авторитетная комиссия, эксперты — асы мировой арены вот что писали в своем заключении: «Дикуль обладает феноменальной силой. Его композиция включает ряд уникальных элементов высшей сложности, которые никто никогда не исполнял. Он работает легко и артистично с самыми большими весами, превосходя в этом отношении лучших силовых жонглеров мира».

Культ силы? Дикуль сам говорит:

— Пусть видят, на что человек способен.

«Ну, и у нас — культ силы»,— скажут калужские Рэмбо и Полурэмбо. Все сходится! И нечего так косо смотреть на поклонников силы, на страдания культуристов при виде булок и варенья, на их самоистязания в спортивных залах.

Но не сходится ничего.

Артист цирка Валентин Дикуль мог бы колесить по земному шару, загрузив своими штангами и гирями отдельный вагон. Но львиную долю времени у него отнимают увечные, скованные недугом люди, которым разрешено являться к нему прямо в цирк. Хотя открыт уже и действует Центр реабилитации — в Москве, в Останкине, и к нему уже от метро на стенах домов, на заборах — мелом стрелочки: «Дикуль»...

Даже на гастролях он выкроит время, чтобы побывать в больницах. Там уже прошел слух: приехал тот самый циркач, что когда-то упал из-под купола и разбился. Врут, что ли, про то, как он поднимает «Волгу» и водитель даже не вылезает?

В больницах, пожалуй, он охотнее говорит о себе, долго, подробно — учит побеждать обреченность прикованных к постели.

Спрашивают обычно:

— Метров сто будет до купола?

— Метров тринадцать, это было в шапито.

...Шапито. Он был совсем молодым. Только-только начинал выступать. Бродячий цирк и был его школой. Еще маленьким, когда рос в детском доме, и в городе, на площади, появились шатры шапито, Валентин сам себе напророчил судьбу циркача.

Отговаривать было некому: отец погиб, и мамы рано не стало...

Бесплатным зрителем быть хлопотно, Валентин стал подметать арену, кормить зверей. Прошел не один год, и не в одном цирке он осваивал туго натянутый канат, летящие качели.

Выступал уже. И однажды, это было, кажется, в Вильнюсе,— беда. Лопнул штамберт, на котором крепятся приспособления для воздушного гимнаста.

А дальше все очень плохо. «Белая палата, белая сестра, Только б не заплакать! Боль остра...»

Он выжил, но — полная неподвижность. Больше двух с половиной лет. За это время, вопреки прогнозам врачей, он все-таки встал, хотя еще долго не обходился без костылей. Так по крохам, по капле, рождалась «адская школа», его собственная система: заставить двигаться руки, ноги, заставить себя сесть, потом подняться... Встать и идти. Он изучил анатомию и знал теперь, как работает каждая мышца и зачем. «Мышечный корсет» приведет в движение неработающие звенья опорно-двигательного аппарата. Не

работают ноги: он поднимал их тросиками, подвешивал грузы. Приспособил простой блок над койкой, и он больше двух лет натужно скрипел — почти без антрактов. Потом придумал очень простые приспособления — тренажеры, затем и станки — чтобы нагрузка на мышцы росла и росла... Система очень проста. И если мужество — это терпение, то человек добивается своего.

Во многих странах «по Дикулю» работают огромные центры. Дикуль не называет точную цифру тех, кого он поднял на ноги,— это сотни, сотни людей, но многие еще и сейчас, уже сами, должны продолжать «работу», чтобы довести ее до конца.

Изнуряющий тренаж. Где-то мелькнуло в газетах, что, если будут снимать большой фильм о Дикуле, сам «мистер Вселенная», актер, культурист Шварценеггер готов демонстрировать всю «адскую школу» Дикуля. Такой «бодибилдинг»! «Строительство тела» — как вы догадались — Шварценеггер раньше рекламировал как культурист, пока не стал совсем знаменитым в кино...

...Что ж, и это знакомо — изнуряющее терпение, сто потов сойдет, голова кругом — так только и дается Сила! — Так может сказать наш Женя Дорохов, он же Рэмбо. Драки? Это же только тренаж. Проба. Разминка. Только разминка чего? Мышц? Воли? Злобы?

Даже Дикуль не спасет того парня, избитого при чьей-то «разминке». Не поможет терпение. Станки и тренажеры. Не сработает воля. Есть и такие драки, после которых...

Вот что сталкивает вас на одной арене — силача с мировой славой и Рэмбо с привокзальной площади: беда.

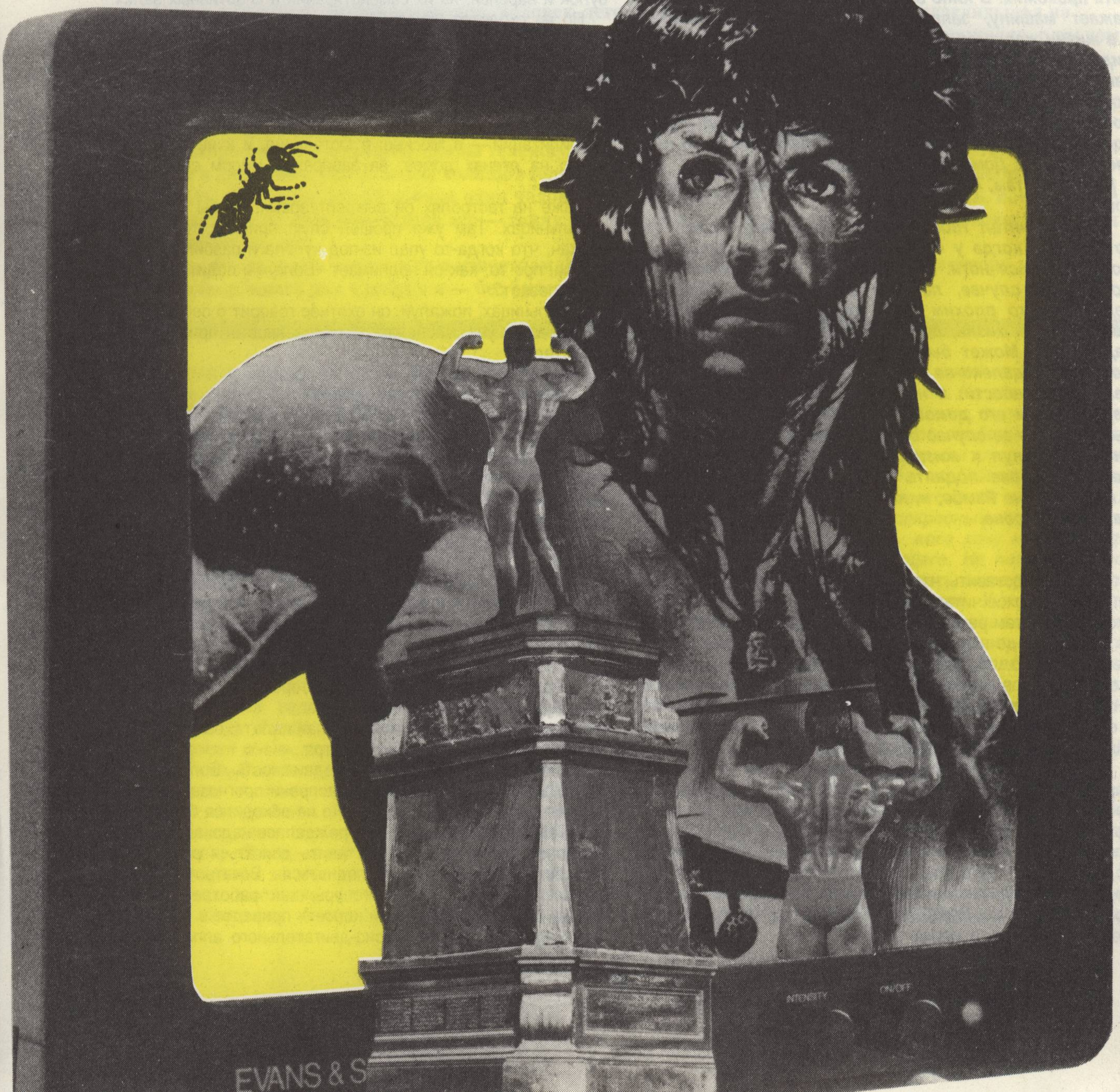
Что же? Нет надежды?

...Мне чудится: звенит на моем редакционном столе телефон. В трубке — негромкий, медленный голос Дикуля:

— Я придумал. Тренажер. Тренажер для парализованной души.

...Это очень долго — выздоровление. Много терпения. Первые трудные шаги. Вот идет навстречу тебе, Рэмбо, кто-то нескладный, неспособный дать сдачу. НЕ УДАРЮ! Над обрывом застыла девчонка, смотрит на чаек, внизу, далеко, клубится река. НЕ СТОЛКНУ! Барабанят в двери Полурэмбо, Четвертьрэмбо, вся команда: назначена ровно в полдень, на пустыре, драка, милиция далеко, не успеет. НЕ ПОЙДУ!.. Эй, кто там плачет, кто попал в переплет? Я РЯДОМ... Будет трудно сначала: ведь между злобой и добротой зияет черная, почти неодолимая пропасть...

Ада БЕЗБОРОДОВА

Коллаж А. БУХАРЕВА.

БОРОТЬСЯ И ИСКАТЬ, НАЙТИ И НЕ СДАВАТЬСЯ!

ЮНКОРОВСКАЯ ГАЗЕТА ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»

ВПЕРЕД

12/89

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Сегодня газета «Вперед» прощается с тобой, а ты — прощаешься с газетой. Но не будем лить слезы по поводу этого события. «Человечество смеясь расстается со своим прошлым». Вот и мы на прощанье, посмеиваясь (отнюдь не над тобой, читатель, а только над собой), расскажем, как все эти месяцы делалась газета «Вперед», чем жила ее редколлегия и что происходило в не видимом для тебя мире редакционных кулис.

ЧЕМ БОГАТЫ

За полтора года существования газета «Вперед» провела ОДИН большой конкурс-эксперимент и дала своим читателям ПЯТЬ небольших заданий при обсуждении различных проблем, ТРИЖДЫ обратилась к различным министерствам, получила от читателей 973 письма.

Взрослые сотрудники газеты «Вперед» побывали в ВОСЬМИ командировках,

90 самых активных юнкоров получили почетные удостоверения нашей газеты,

ТРИ юнкора — рекомендации на факультет журналистики МГУ.

Ведущий «Журсада» В. М. Сергеев за годы сотрудничества с нами вырос от зав. отделом журнала «Журналист» до зав. отделом правления Союза журналистов СССР и зам. председателя рабочей комиссии Верховного Совета СССР по выработке «Закона о печати».

Ай да мы!

Пишите, адрес тот же

М. МАТВЕЕВА, редактор отдела коммунистического воспитания журнала «Пионер».

Мы любили газету «Вперед». Любили, когда выбирали темы для очередных выпусков, когда искали юнкоров-помощников, когда читали ваши письма, ребята, когда собирали школьные новости, байки, проблемы, то есть проходили инструктаж у своих юных коллег на тему: что интересует подростков.

Но мы и уставали от газеты «Вперед». Когда спорили на взрослых редколлегиях, нужны ли детям факты о неблагополучном положении дел в наших школах, например, или стоит ли печатать детские письма-обиды на взрослых, и какие проблемы вообще должна поднимать детская газета...

Шли месяцы, и мы видели, как меняется почта газеты «Вперед». Все меньше приходило бодрых рапортов о том, что в таком-то городе провели «Сладкую ярмарку», а в таком-то селе появилась пионерская пасека. Теперь мы получали письма-раздумья, письма-сомнения. «Как мы будем строить коммунизм, когда у нас даже социализма нет?» «Справедливо ли это, что о Сталине нет ни слова в учебнике для 4-го класса?» «Так герой или нет Павлик Морозов, если все, что о нем пишут «Юность» и «Семья»,— правда?» «Я недавно сделал страшное открытие: взрослые используют дешевый детский труд»,— написал нам 14-летний мальчик из Воронежа, и дальше следовал рассказ, как проходила у них летняя практика в колхозе. «В заметке «Не жалея даже маленьких» вы написали, что Сталин выслал всех чеченцев из родных мест. Я спросила у дедушки, за что так поступили с чеченцами. Он мне ответил: «Когда гитлеровцы были на Кавказе, чеченцы предавали партизан». Кому верить, вам или деду? Помогите разобраться»,— просит нас восьмиклассница.

И мы поняли, что нельзя уже выпускать газету с бодренькой информацией о том, как все хорошо устраивается на местах, с шутками, которыми мило обмениваются знаменитый артист и его внук, с насмешками над страстью юных читательниц к столь же юным рок-звездам... Корреспонденты нашей газеты не отчитаться перед нами хотят, а разобраться в том, что вокруг происходит, спросить, понять, а иногда и выкричаться.

Поэтому мы расстаемся с газетой «Вперед», с какой-то, пусть небольшой, частью нашей жизни и вступаем в новую пору — пору работы над **«Пионер»ским Агентством «Факт»**. И приглашаем вас, читатели и юнкоры, работать вместе с нами.

Мы ждем от вас острых, «неудобных» вопросов, рассказов о том, что на душе наболело, советов, кого пригласить на страницы новой рубрики «ПАФ».

Пишите, адрес тот же.

«Охота» на взрослых

И. АНДРИАНОВА, литсотрудник журнала «Пионер».

Что греха таить: за юнкоровской газетой «Вперед» стояли не только ребята — детская редколлегия,— но и взрослые. Плечом к плечу. И нас, взрослых, было не меньше, чем юнкоров.

Чтобы юнкоровская газета получилась, заработала, привлекла ваш, читатели, интерес, сотрудники журнала прежде всего сколачивали коллектив авторов-единомышленников.

Где их искать? Мы решили пойти на факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова и развесить там объявления: «Внимание! Те, кому интересны пионерские, детские проблемы,— откликнитесь!»

Первым откликнулся студент (тогда III курса) Владислав Васюхин. Веселый, быстрый, как ртуть, теперь он работает в детской редакции Всесоюзного радио (слышали его в «Пионерской зорьке» и передаче «Игрофон»?). Но даже предпочтя газете «Вперед» «Пионерскую зорьку», Владик часто забегает к нам, и первый его вопрос всегда: «Что нового во «Вперед»?».

Еще нам выпала большая удача. Несколько выпусков «Вперед» согласилась подготовить писатель Наталья Зоревна Соломко. Ее книги вы наверняка читали. Слышали и радиоспектакль по повести «Пожарный кран № 1».

Наталья Зоревна привезла из Симферополя и из Калуги интересные выпуски, а поскольку она человек наиответственнейший, то самым серьезным образом начала «охотиться» на нас, сотрудников редакции,— следила за прохождением гранок, верстки, за всеми редакционными замечаниями.

...Взрослых за кулисами газеты «Вперед» было много: и робкие студенты, и журналисты со стажем, и взъерошенные абитуриенты, мечтающие о лаврах...

Многие из них не «прижились», не остались умножать славу юнкоровской газеты «Вперед». Но мы, сотрудники «Пионера», не в обиде. На обиженных воду возят, обиженным «Вперед» не сделать!

...О редакционных летучках, спорах, рождениях идей, телефонных разговорах, о юнкоровской почте можно, конечно, написать длинную сагу. Но...

Пусть сегодня о «Вперед» получится не сага, а несколько коротких песен ее неугомонных сотрудников. Вперед!

Тень акварельного транзистора

Владислав ВАСЮХИН, журналист.

Еще Вольтер заметил: «Искусство быть скучным состоит в том, чтобы говорить все». Поэтому не стану утомлять вас подробным описанием своего сотрудничества с газетой «Вперед», расскажу лучше, как я рисовал транзистор.

Ну, в том, КАК я его рисовал, ничего достойного внимания нет. Взял акварельные краски, поставил на стол старенький «ВЭФ-202»... Вопрос: зачем я его рисовал, мусоля кисточку?

Надеюсь, вы заглядывали в майский номер «Пионера» за этот год? Так вот, транзистора в том выпуске газеты «Вперед» нет. А замысел был блестящий: на фоне большого и красивого приемника, облепленного мальчишками и девчонками, размещаются заметки о «Пионерской зорьке» и других радиопередачах для детей, а также самые «ударные» строки из писем радиослушателей. (Это я решил посвятить бóльшую часть выпуска газеты «Вперед» Дню радио.)

На первых порах мой замысел в «Пионере» одобрили и поддержали. А потом... Лучше не вспоминать.

В общем, от моего акварельного транзистора на страницы журнала не попала даже тень антенны, не говоря уже о бóльшей части моих заметок.

Вот как серьезно редакция подходила к выпуску такой вроде бы несерьезной газеты.

В поисках темы

Андрей МУХАНОВ, теперь уже студент Полиграфического института.

Однажды в погожий майский денек я пришел в газету «Вперед» и предложил ее редакторам со мной сотрудничать. Редакторы мне ответили: «Ладно. Ищи тогда тему». И я отправился ее искать.

Сначала я ходил по самым бойким московским местам: по Арбату, по вокзалам, по «панкухам», где вечерами толкутся юные неформалы... А все оказалось гораздо проще: темы моих материалов были в читательских письмах.

Так появилась заметка о работе клуба «Поиск» школы № 806, мои, пусть робкие и не очень зрелые, размышления о Великой Отечественной войне, и, конечно, лжеинтервью с Юрой Шатуновым. Кстати, когда я только говорил своим приятелям, что будет в газете «Вперед» такая вот встреча, меня все уважительно расспрашивали: мол, как там Юра, да где он, да что? А вышел этот номер — все как взбесились. И многие грозились меня побить и даже снести мой панельный дом в отместку.

Теперь я зарекся: с поклонниками Шатунова я больше не шучу. Вы как хотите, мальчики и девочки, а я — пас.

Все мы — люди, человеки

Едва я в первый раз переступил порог редакции газеты «Вперед», как сразу получил задание: расспросить учителя одной из московских школ (не моей) о том, как у них создавался школьный совет. «Ну,— думаю,— из огня, да в полымя. Тут не знаешь, как к этим редакторам подойти, так тебя еще и к бичу школьников — учителям посылают?!» Но делать нечего, поехал.

Мучила меня по дороге одна мысль: «А будут ли со мной, школьником, учителя вообще разговаривать?» Как с нами взрослые в школах обращаются, сами знаете: и кричат на нас, и грубые замечания делают...

Приехал в школу и задаю первый вопрос. Отвечают. И на второй. И на третий! Обстоятельно так, вежливо, с улыбкой даже.

«Неужто,— думаю,— они тоже люди, или это на них так юнкоровское удостоверение подействовало?»

Никогда меня в школе учителя не принимали как равного, никогда не хотели расслышать мой голос. Да и я не пытался их понять, попробовать встать на их место. Только работа в газете «Вперед» показала мне, что все мы — учителя и ученики — люди, человеки. Так почему бы нам не найти общий язык?

Саша ФЕДОРОВ,
ученик 11-го класса.

Заметки были сданы в срок

(НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ЖИЗНИ)

Костя СТЕПАНОВ,
ученик 11-го класса.

...Впервые в «Пионер» я пришел в прошлом учебном году. Солидное здание, еще с десяток редакций в нем, милиционер у проходной, дяди и тети в кабинетах... Угнетающее впечатление. Дали мне задание написать о новых интересных делах в нашей школе. На уроках я сочинения быстро и легко пишу, а тут никак с мыслями не могу собраться, ну что у нас интересного может быть в школе? Кое-как накатал свой первый «шедевр», принес, а мне все забраковали. И предложения у меня слишком длинные, и слов живых нет — одни штампы. Обиделся я, конечно, ушел «в подполье». Через месяц звонят мне: «Ты куда там пропал? Умер, что ли? Давай, приходи!»

Пошел я в редакцию снова и сразу окунулся в работу: письма читателей в газету «Вперед» стал разбирать — целые мешки нам с почты приносили, с другими юнкорами познакомился и постепенно понял: мои критики были правы — писать заметки мне еще надо учиться.

...Летом я ходил в редакцию каждый день — как на работу. Сидим мы как-то с Сашкой, моим другом, одни в комнате, вдруг вижу — стоит на подоконнике необычный телефон: самого-то главного — диска — у него нет. Поднял я ради интереса трубку — никаких гудков. «О,— говорю,— жаль, а то бы мы в Кремль позвонили!» Это я в кино видел, по таким телефонам генералы в Ставку звонили. Посмеялись с Сашкой, а через секунду влетает в комнату серьезный мужчина начальственного вида и строго нам говорит: «Кто пользовался селектором?»

Не вполне понимая о чем речь, мы сразу вскочили и по школьной привычке: «Ничего не видели, ничего не делали!» Грозный мужчина ушел, и только тут мы догадались, что этот телефон без диска и есть селектор. А по селектору сотрудники редакции связываются с кабинетом главного редактора. Так, значит, это был главный редактор? Ну, думаем, и влетит нам сейчас! Но обошлось.

...Время от времени в газете «Вперед» начиналась безумная гонка. Требовались оригинальные заметки, свежие темы и нестандартные мысли, и все это быстро, быстро, быстро. В такой день я и получил задание написать эти картинки. И принести их в редакцию на следующий день, утром.

Вечером я проваландался с домашними делами и ничего не написал. Утром встал, как всегда, рано, разнес газеты (я еще подрабатываю на почте) и поехал в редакцию. Ехать мне целый час, по дороге решил и написать.

Писал я на коленке, сидя в поезде метро, писал, стоя на эскалаторе... Выходя на станции «Савеловская», я увидел знакомое лицо. «А вот и сотрудники «Пионера» идут на работу»,— подумал я и пристроился за женщиной, имеющей облик моей шефини. Так как я не хотел, чтобы в редакции из меня сделали фрикадельку, я писал на ходу, не теряя ни минуты, лишь краем глаза ловил знакомый силуэт.

Очнулся я на какой-то площади и обнаружил, что иду за незнакомой женщиной, мало того, я вышел за ней из метро не в тот выход и прошел с километр в противоположную сторону.

В редакции я получил нагоняй за опоздание, но заметки были сданы в срок.

КРОССВОРД

ДЛЯ ДОТОШНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЕД»

По горизонтали:

1. Ведущий «Журсада».

2. Гербы какого города были опубликованы в газете «Вперед»?

3. Автор «Песенки черепахи Тортиллы».

4. Приложение к газете «Вперед», выпущенное профессиональными журналистами на Всесоюзном сборе активистов перестройки в «Артеке».

5. Город в США, где несколько дней гостил член клуба «Здоровая семья».

6. Создатель коллекции детских рисунков, запечатлевших события 1917 года. Коллекция находится в Государственном историческом музее.

7. Как называется дружина в п/л «Артек», из которой корреспонденты газеты «Вперед» вели свой рассказ о Всесоюзном сборе активистов перестройки?

8. Первый гость «Завалинки».

По вертикали:

9. Из какого города был подготовлен первый специальный выпуск газеты «Вперед»?

10. Автор песни, напечатанной в первом выпуске газеты «Вперед».

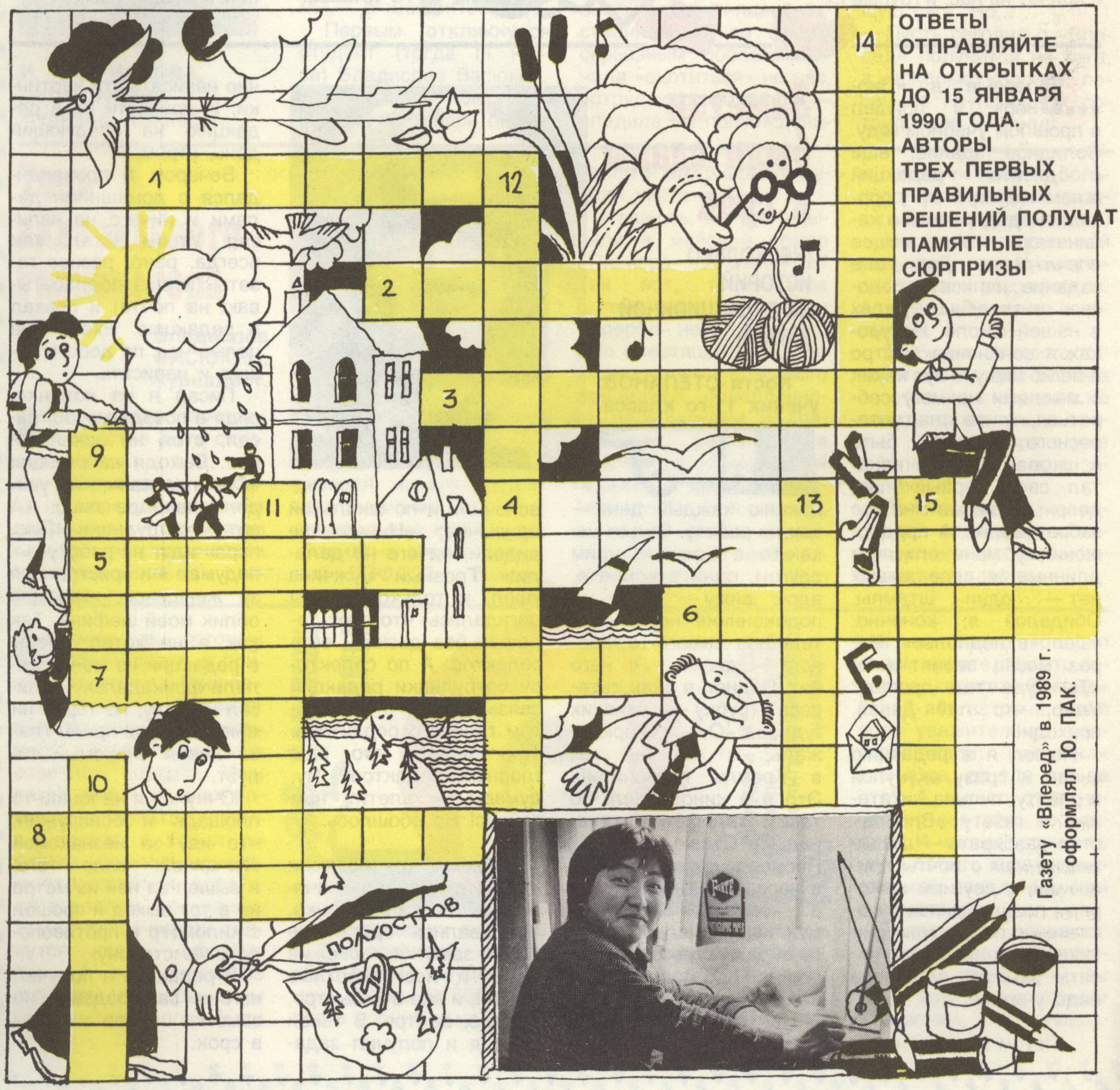
11. На каком полуострове строят АЭС, против которой выступили симферопольские юнкоры и газета «Вперед»?

12. Из какого места был подготовлен единственный сельский выпуск газеты «Вперед»?

13. Подростковый клуб, опубликовавший в газете «Вперед» открытое письмо руководителям города Калуги.

14. Как называется молодежное объединение, которое борется за охрану памятников архитектуры в Бауманском районе города Москвы?

15. Журнал, в который заносились отметки по поведению гимназистов, и рубрика газеты «Вперед».

ОТВЕТЫ ОТПРАВЛЯЙТЕ НА ОТКРЫТКАХ ДО 15 ЯНВАРЯ 1990 ГОДА. АВТОРЫ ТРЕХ ПЕРВЫХ ПРАВИЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ПОЛУЧАТ ПАМЯТНЫЕ СЮРПРИЗЫ

Газету «Вперед» в 1989 г. оформлял Ю. ПАК.

БЛОНДИНКА ИЩЕТ ДРУГА

Людмила МАТВЕЕВА

Однажды в вагоне метро я обратила внимание на девочку. Она читала книжку в пестрой обложке. Конечно, не из-за этого я стала приглядываться к ней: мало ли кто читает в метро. А эта девочка отличалась от всех тем, что она читала и одновременно сердилась. Хмыкала, фыркала, резкими движениями переворачивала страницы. Что же за книга у нее такая? Тут девочка захлопнула книжку, затолкала ее в сумку, рывком застегнула «молнию». Сидит, сопит, даже шепчет что-то.

Я решилась:

— Тебя книга расстроила? А почему?

Она недовольно глянула, но ответила:

— Да ну их. Книга о вежливости, представляете? Пришли гости, не забудь поздороваться. Всех развлекай разговором и играми. Если тебе принесли подарок, ты сразу его разверни и вырази радость. Ну чушь полная.

— Почему же чушь? Не все знают правила этикета. Есть такие люди — берут подарок и суют куда-то за вешалку. После, мол, разгляжу, а сразу как-то неловко. Оказывается, неправильно...

— Да не в этом же дело! — Девочка, видимо, считала меня не очень толковой.— Кто в наше время в гости приглашает? Спросите меня, когда я была в гостях у своих подруг? Есть они у меня, подруги-то? «Разверни подарок!» Да никто ни с кем не дружит сто лет. Во всем нашем распрекрасном пятом «А» ни у кого нет друзей. Вообще нет, понятно вам?

Тут поезд остановился, она сошла, на прощание сказала:

— Я не жалуюсь, перебьюсь как-нибудь без них.

И пошла по перрону независимой походкой, а я поехала дальше. Но девочка не выходила у меня из головы. «Не жалуюсь». Молодчина, конечно. А другие жалуются, и я им очень сочувствую. На моем столе сотни писем. Как только выходит книга, так начинают ребята писать и не только о прочитанной повести, а о себе. Недавно вышла моя повесть «Продленка», и пошли, пошли письма. Главная их тема — одиночество. Да, да, самое настоящее одиночество в одиннадцать, двенадцать, тринадцать лет. Как же так? Молодые, здоровые, должны быть радостными, казалось бы. А они грустят. В основном от девочек эти печальные письма. «Мне так хочется дружить, а со мной почему-то никто не дружит». И девчонки все умные, хорошие. Красивые (некоторые присылают фотографии). «Правда, я симпатичная? А вот мне нравится один мальчик, но он меня не замечает».

Тут уж не о дружбе, а о любви. «Мне так важно, чтобы он понял меня, отозвался. Мне так нужен друг».

Почему, ну почему же человек хочет найти друга, а не находит? Кто в этом виноват?

Вспоминаются объявления в «Рекламе». «Стройная блондинка хотела бы создать семью с интеллигентным мужчиной без вредных привычек». В каждом таком объявлении горькое женское одиночество. Блондины, так же как и шатены и брюнеты, редко дают объявления в рекламный листок. Все женщины. Стройные, обаятельные, умеющие вязать и готовить. И все до одной с веселым, общительным характером. Сначала я не собиралась упоминать о них здесь: у взрослых свои проблемы, при чем здесь читатели «Пионера»? Но ведь все взрослые проблемы начинаются с детства. И характер формируется в детстве, и привычки закладываются, и поведению человек учится в детстве.

А может быть, девочки, которые не находят друзей и страдают от одиночества среди тридцати одноклассников и одноклассниц, сами делают что-то не так? Давайте посмотрим вместе.

Вот письмо. Ларисе давно хотелось подружиться с Аллой. Все ей нравилось в Алле: остроумная, волевая. И вокруг Аллы всегда люди, она не стоит на перемене одна у стенки, как Лариса. Девчонки так и вьются вокруг Аллы, и мальчишки на нее поглядывают. А она с ними не очень церемонится, длинную косу за плечо перекинет, гордо поведет головой. «Вижу, что я тебе нравлюсь, но это твои проблемы, мальчик».

Лариса любуется Аллой, но близко не подходит, у нее свое самолюбие, у Ларисы. И вдруг Алла позвала. Вот счастливый день!

— Лариса, пошли сегодня в кино, фильм — обхохочешься.

Много ли надо для дружбы? После кино по-

бродили, поболтали. На прощание Алла предложила:

— Завтра воскресенье, приезжай на турбазу. Ты отлично бегаешь на лыжах, вместе покатаемся.

Скрыла Лариса свою великую радость. Позвала! Оценила! Вот и нашла подругу, вот и сбылась мечта.

Но рано она обрадовалась.

На турбазе среди яркого снега Лариса сразу увидела Аллу, светлая коса на синей куртке. Но настроение у Ларисы тотчас испортилось: вокруг Аллы был опять кружок, ее друзья, мальчики и девочки. Ну зачем, зачем этот хоровод? Алла заметила Ларису, помахала ей. Но Лариса сильно оттолкнулась палками, рванулась в другую сторону. Нет, не нужна ей подруга, окруженная толпой.

«Да, это была ревность,— пишет Лариса в своем письме,— но я такая, я хочу быть единственной ее подругой...»

Теперь Лариса опять одна.

Лариса, а вдруг ты не права? Иногда надо делать выбор: или отношения, или выяснение отношений. Если дорожишь, не надо выяснять и требовать. Будь благодарна, Лариса, что нашла близкого человека, не всем же удается найти. И еще, чтобы покончить с этим примером. Алла любит многих, она открытый человек, к ней все тянутся. Лариса, получается, любит только себя — «я ревнивая, я самолюбивая, я такая, другой быть не хочу». А ты захоти, веселее будешь жить на свете. Конечно, характер у Ларисы другой, его переменить трудно. Но ведь есть же и воспитание, и самовоспитание, наконец.

Кто виноват в одиночестве? Можно считать, что время стало таким,— нарушены связи, все спешат, не уделяют внимания друг другу. Можно считать — люди стали суше, жестче. Но ведь от этого не легче. И винить время и людей — пустое дело. Что изменится от этих обвинений? А вот если винить самих себя — тогда можно найти какой-то выход, наверное.

Совсем недавно я выступала в одной школе. Встреча с ребятами получилась интересной, ребята не только слушали, но и сами рассказывали разные истории. А на последней парте сидел учитель и заполнял классный журнал — выставлял оценки то ли за контрольную, то ли за сочинение. Этот пожилой учитель был терпелив, он не шикал на ребят, хотя они порядком расшумелись, рассказывали, перебивая друг дружку. И про поход с проливным дождем. И про то, как совсем чужая женщина угостила Сережу бубликом и бублик был горячий, а на улице мороз, все, как в сказке. Глаза у ребят горели.

И вдруг на последней парте поднялась большая рука. Это учитель, он серьезно спросил:

— Можно, я тоже расскажу одну историю?

И он рассказал вот что.

«В детстве мне часто велели гулять с младшей сестрой, ей было три года, а мне семь. И мне хотелось бежать к мальчишкам, а от нее нельзя было отвернуться, вертлявая девчонка не сидела на месте, убегала. А совсем рядом, в парке культуры, была парашютная вышка, и так хотелось постоять там, посмотреть прыжки. И я побежал вместе с ребятами. Белый шелковый парашют развернулся в небе, как огромный цветок. И мы все, задрав головы, смотрели, как медленно опускался смелый человек на зеленую траву. И я мечтал: когда вырасту, тоже

Фотография Н. БЛИКОВА.

обязательно прыгну с парашютом. Тут я обернулся и похолодел — сестренки нет! Я стал бегать по парку, звать, искать — нет нигде. Измученный, взмокший, прибежал домой, вдруг она как-нибудь сама отыскала дорогу и пришла? Нет, не пришла. Я говорю маме: «Потерял я ее». Жду, сейчас мама накажет. А она кинулась к двери. На всю жизнь я запомнил ее лицо. Умчалась. Вечер настал, мама все бегала, искала. Потом вдруг пришла незнакомая старушка, привела сестренку. Говорит, она уснула на скамейке. Тут и мама входит. Схватила малышку, заплакала, прижимает ее к себе. А меня так и не наказала. Только утром говорит: «Когда ты гуляешь с сестрой, ты не гуляешь, а работаешь. Так и запомни. Приведешь ее домой, тогда бегай».

И я стал с того дня ее за ногу к своей ноге привязывать, так и гуляли. Боялся отвлечься, на себя не надеялся».

Такую историю рассказал седой человек, давний случай. О чем? В первую очередь о чувстве ответственности. Пусть ему было всего семь лет, а он учился этому самому чувству ответственности. Оно и делает человека порядочным.

Но у меня возник другой вопрос: почему вдруг учитель захотел рассказать случай из своего далекого детства? Сидел, записывал что-то в журнал, слушал наши разговоры. И вот поднял руку. Почему же? А потому, я думаю, что он увидел: новый человек, писательница, слушает с большим интере-

Фотография А. КРУПНИКОВА.

сом, с настоящим вниманием. Вот и захотел рассказать. И приходит мне в голову такая невеселая мысль. Как редко в наше быстрое громкое время люди слушают другого. И эта невыслушанность сидит в каждом. И потребность рассказать о своем, о себе так и остается внутри. Набираются в человеке эти нерассказанные случаи давние, недавние. Телевизор смотрим, слушаем, а живых людей?

И вот я утверждаю: люди должны учиться слушать друг друга, все люди, с самого детства. А особенно девочки. Да, да, не удивляйтесь. Это, может быть, самое главное женское дело — слушать, сочувствовать, жалеть. Женское, а значит, надо с девчонок к этому прийти, постигнуть искусство слышания. И пока ты не умеешь быть доброй, внимательной, не надейся на дружбу, на любовь. Многие девочки ищут, кто их заметит и восхитится. А надо искать, кому ты поможешь, кому без тебя трудно. Это ведь совсем другая задача, правда?

И последнее письмо. Этот мальчик скромный, не обзывается и кличками не кличет никого. Кате он нравится. Она мечтает, что он позовет ее на каток, а потом они будут идти, и он понесет ее коньки, и они будут болтать и смеяться и понимать друг друга с полуслова. Но это мечты. Ни катка, ни прогулки, ни взаимоотношения. А в письме крик о помощи: поскорее ответьте, как мне поступить? Подойти к нему самой? Или ждать? А дождусь ли? Я все время думаю о нем и даже реву.

Как помочь? Человек страдает. Как дать совет? «Подойди, он обрадуется?» А откуда мне это известно? Вдруг не обрадуется? Есть множество мальчиков, которым активные, инициативные девочки вовсе не нравятся. Мальчик хочет сам выбирать и сам решать. А девочке, значит, быть терпеливой? Ждать, пока он сам догадается и что-то поймет? Его интересует больше всего футбол, например, а вовсе не девчонки. Ему важно нравиться не этим глупым девчонкам, а приятелям. Двенадцатилетние приятели ядовито дразнят тех, кто пытается дружить с девочками. Такое у них понятие о жизни, у этих парней. Точнее, не совсем такое. Честно говоря, в глубине своей мальчишеской души каждый из них не прочь бы подружиться с девочкой. Но это большая, глубокая тайна. А внешне он неприступный, мужественный футболист (или самбист, или даже филателист) и на девчонок плевал.

Вот и остается Кате вздыхать и надеяться. Иногда она готова даже позавидовать Надьке — эта всегда с парнями разного возраста. Громко хохочет, ярко красится, вызывающе одета, никого не боится. Носится с мальчишками по задворкам, легкая девчонка Надька. Хочешь, Катя, быть такой — негордой, общедоступной? Нет! Ни за что. От этой Надьки шарахаются и нормальные девчонки, и нормальные мальчишки. Что-то нечистое, позорное в этой Надьке. Уж лучше одной. Найдется же в конце концов тот самый, о ком мечтает Катя. Хорошо бы...

В конце письма Катя говорит: «Я красивая, все девчонки в классе так считают. И одеваюсь модно. Неужели так и не посмотрит он на меня?»

И опять спрошу: если ему будет в жизни трудно, он станет искать ту, что модно одета? Или все-таки чуткую, добрую, душевно тонкую? Вот и подумай.

Все на свете хотят, чтобы была любовь. Даже если человек уверяет всех, что это ему не нужно, он обманывает. Нужно, конечно. Как же без друзей, без любви жить-то? Все, все мечтают о любви и не хотят быть одинокими.

И вот тут под конец скажу еще важное.

Одинокие девчонки. Одна сидит и ждет: заметьте меня, оцените меня, я так одинока. Другая пригляделась к жизни, так много вокруг интересного, только успевай поворачиваться. Некогда сидеть и канючить. Кому-то помогла, в чем-то участвует, куда-то спешит, чем-то занята.

И вот такую, живую, добрую, занятую не только собой, обязательно замечают, к ней тянутся, она уже не одинока. Интересно с ней.

Вот и получается из всех приведенных примеров и писем один вывод: характер характером, а надо и самой стремиться вверх, расти и не замыкаться на своих обидах.

Одиночество печально, но бояться его не надо — оно же не на всю жизнь. Тем более и от тебя, как мы договорились, немало зависит.

Так я думаю, автор этих строк. А ты как считаешь? Соглашаешься со мной? Или хочешь поспорить? Напиши в «Пионер», какие мысли вызвал у тебя этот разговор.

Андрей УСАЧЕВ

СНЫ ПЕТУШКОВА

В центре

Вселенной нашей посреди
(Не сзади и не впереди)
Была одна планета.
Планеты этой посреди
(Не сзади и не впереди)
Был город в центре где-то...

А в центре города был дом.
А в доме том — квартира.
А посреди — стоял диван.
А на диване спал Иван...
Совсем не ведая о том,
Что спал он в ЦЕНТРЕ МИРА.

Мечта и потолок

Всякая мечта должна иметь свой потолок.
Мудрость.

Человек человеку — сосед.
Негласное правило жэк.

Иван Петрович Петушков
Любил купаться в ванне:
Приятно в ванне помечтать,
Ведь в ванне можно помечтать,
Что ты совсем не в ванне,
А в Тихом океане...

И вот представил Петушков,
Что он — огромный кит!
...И он плывет
Брюшком вперед
И важно так сопит:
— О, как прекрасно быть китом!
Тарам-парам-барам.
И бить мочалкой, как хвостом!
Парам-барам-тарам...

Насыпал в воду Петушков
Стиральных порошков,
И вот поднялся пенный вал,
А волны бьют с боков!
И волны хлещут через край...
И — кто б предвидеть мог! —
Промок соседский потолок,
Как носовой платок.

Но что такое потолки,
Откуда знает кит? —
Плывет себе брюшком вперед
И важно так сопит...
И только он — «парам-барам» —
Экватор пересек,
Как раздались удары в дверь
И зазвенел звонок.

Иван, ругая всех подряд,
Сопя, надел халат...
Взглянул в глазок и побелел,
Как сахар-рафинад:
Сосед с побелкою в усах
Глядел на дверь, как зверь,
А у соседки потекло
Лицо, как акварель...

Что было дальше, знает всяк,
Хлебнувший этих бед:
Нас пощадит скорее враг,
Но только не сосед...

И понял с горечью Иван:
Ему не быть китом,
Ни через год,
Ни через два
И никогда потом.

Фантазер

Иван Петушков был большим фантазером.
Он мог, например, становиться забором...
Вот встанет Иван, как забор, средь двора —
И лазит весь день по нему детвора!

Еще умел превращаться в слона
И так натурально трубил из окна,
Пугая соседей, прохожих, собак,
Что сдали однажды его в зоопарк.

А как-то Иван, притворившись жуком,
Решил по газону побегать ползком...
Уж так Петушков притворялся,
Что вскоре в траве потерялся.

Искали Ивана три ночи, три дня...
Представьте! На даче сидел у меня
И с видом задумчиво-грустным
Листом объедался капустным.

— Иван,— говорю.— Как же ты измельчал!
Забрался на грядку, сожрал мой кочан,
— Да, ты,— говорю,— стал обычным жуком!
А он мне в ответ: — С вами я не знаком!

И с тем же бессовестным хрустом
Жевать продолжает капусту.

Тогда вынимаю я пачку халвы,
И тотчас вскочил Петушков из травы,
Подпрыгнул и встал перед пачкой
На задние лапки собачкой.

— Ага! — закричал я.— Попался мошенник! —
И тут же надел на Ивана ошейник.

Заплакал Иван: коли жизнь несладка,
То может любой превратиться в жука.
Корми меня лучше халвою,
Я буду всегда сам собою!..

Сказал. И опять превратился в забор.
Такой уж Иван Петушков фантазер!

Шапита

Зачем эта ХТА обязательно ТА?
Б. Заходер.

Жил в нашем подъезде Иван Петушков,
Он был чемпионом среди чудаков:

Когда все гулять выходили в пальто,
Иван выходил в ПАЛЬТЕ,
А если знакомые шли в шапито,
Иван говорил: — Не поиду ни за что,
Чего я забыл в ШАПИТЕ!

Соседи под вечер стучат в домино,
Играют в лото или ходят в кино...
А он не любил ни ЛОТА, ни КИНА
И в руки не брал ДОМИНА!

Сидел себе дома Иван Петушков —
Уж больно Иван не любил шутников:
В МЕТРЕ ли поедет,
Поимает ТАКСЮ —
Смеялись они над Иваном вовсю.
Смеялись, в ПАЛЬТЕ ли он был, без ПАЛЬТА,
Смеялись в КИНЕ, в ШАПИТЕ...
Зато не смеялся никто никогда,
Когда он лежал на ТАХТЕ.

Спокойно залезет Иван на ТАХТУ.
— Да ну,— говорит,— эту всю ШАПИТУ!

Вид из окна

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко.
С. Маршак.

Перед сном Иван Петрович
Помечтать любил о том,
Что когда-нибудь построят
На больших колесах дом.

— Будет страшно интересно,—
Размышлял он иногда,—
Если дом помчит по рельсам,
Обгоняя поезда...

Ляжешь спать. Поспишь немножко,
Утром выглянешь в окошко:
— Что за город?
Говорят:
— Это город Ленинград!

Ты опять поспишь немножко,
Вдруг кричит сосед в окошко:
— Ты чего, Иван, храпишь?!
Надевай штаны, Париж!

Красота! Повсюду — глянец,
Новый дворник — иностранец,
Говорит: — ПАРЛЕ ФРАНСЕ?
Отвечаешь: — Я КАК ВСЕ!

День прошел. Опять в дорогу.
Привыкаешь понемногу,
И по-русски «караул»
Не кричишь на весь Кабул.

Ляжешь спать — кругом сугробы,
Утром вскочишь — небоскребы,
Пирамиды, Пальмы, Пляж...
Впрочем, это все мираж.

Спи хоть много, хоть немножко,
Как ни выглянешь в окошко —
Все один унылый вид,
Петушковский дом стоит.

Но порой, вскочив с постели,
Закричит Иван со сна:
— Что за город? Лондон? Дели?..
И отходит от окна.

Тот же двор. Забор. Помойка,
Две березки. Дом на снос.
Рядом, правда, новостройка,
Но опять же без колес!

«Что за жизнь такая!» — думал
Петушков, ложась в кровать,
И, закрыв глаза, наутро
Не хотел их открывать.

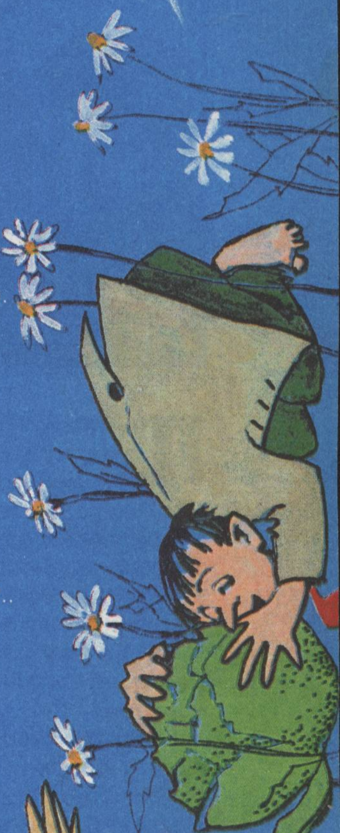

Рисунок К. ЯСИНСКОЙ

Владислав КРАПИВИН

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

ЗАСТАВА НА ЯКОРНОМ ПОЛЕ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 10, 11.

Мальчик по имени Матиуш едет в поезде по Большому Кольцу Полуострова. Мать дала мальчику прозвище Ёжики за колючий характер. Ее нет в живых, и отца тоже. Но Ёжики может слышать ее голос: записанный на магнитофонную ленту, он объявляет станции. Неожиданно объявляется какое-то «Якорное поле». Такой подземной станции на Большом Кольце никогда не было. Ёжики выходит из поезда и поднимается на поверхность. Он видит поле с лежащими на нем старинными якорями. Матиуш знакомится там с двумя мальчиками и девочкой — Рэмом, Филиппом и Лис. Филипп дарит Ёжики якорек. В главной диспетчерской Большого Кольца ничего не знают о таинственной станции. Все убеждают Ёжики, что такой станции нет. За Матиушем приезжает Кантор — ректор Особого суперлицея, где учится мальчик. Якорек, подарок Филиппа, исчезает. Он появляется у Гусенка — так про себя назвал Ёжики одного новенького ученика. Гусенок хочет вернуть находку хозяину, но Матиуш не берет якорька. За это Гусенок дарит Матиушу монетку, которая, как выясняется, тоже однажды принадлежала Ёжики. Монетку отняли у него мальчишки — «Садовые тролики», после испытаний вернув взамен монетки Яшку...

Про Яшку рассказывали всякое. Говорили даже, что он — пришелец из какой-то звездной системы, где кристаллическая жизнь. Мол, скорее всего летели эти жители в экспедицию к другим звездам, корабль взорвался, а Яшку занесло на Землю. От взрыва Яшка «сдвинулся в уме» и многое забыл. А может, он был просто пацаненок среди взрослых кристаллов-космонавтов и поэтому толком ничего объяснить не может. Как малыш, потерявшийся в центральном супермаркете...

Более рассудительные люди высказывали догадку, что Яшка — осколок кристаллической памяти со станции-спутника «Око». Эту станцию с искусственным мозгом Всемирный институт прогнозов запустил на дальнюю орбиту семь лет назад, чтобы вести наблюдения за всей жизнью планеты и давать предсказания во всех областях человеческой жизни. В общем, был это эксперимент большущего масштаба и ученые возлагали на всевидящее «Око» массу надежд. Но станция, выйдя на орбиту, рванула белым пламенем и разлетелась на мелкие осколки...

Взрослые, однако, утверждали, что память «Ока» была не кристаллическая, а из биомассы искусственных нейронов. Ну да взрослые всегда спорят с ребятами, а потом выясняется, что все напутали...

Несмотря на кашу в голове (если представить, что у Яшки была голова), знал он ужасно много. Примерно как целая Академия наук. Обладатель Яшки мог не заботиться о школьных письменных заданиях: маленький кристалл выдавал на принтер сочинения по любому вопросу, причем ловко подделывал стиль ученика. Он мог рассказывать сказки и всякие истории о людях из неведомых стран, делал расчеты для электронных моделей, показывал удивительные фильмы, о которых никто раньше и слыхом не слыхивал. Или просто болтал и пел песенки. Но все это — если Яшка был в ударе. В хорошем настроении. А случалось и так, что он показывал на экране большую стереоскопическую фигу и выдавал стихотворную дразнилку, да такую ехидную, что хотелось расшибить дисплей и самого Яшку (но его поди расшиби, он как алмаз). Бывало (и нередко), что Яшка просто нес околесицу — как справочный робот, у которого перепутались волноводы...

...Это все, конечно, Ежики знал, как и всякий мальчишка Полуострова. Сжал он холодный кристалл во взмокшей от волнения ладони и кинулся из бункера домой. Схватил там свой школьный «Собеседник», свинтил заднюю крышку (что, конечно, не разрешалось), выдернул блок расшифровки программ, разогнул контакты и вставил между ними Яшку.

Экран мигнул. На нем появился большой знак вопроса — в виде червяка с кукольной головкой: глазки, уши и капризный рот.

— Ну чего надо? — отозвался Яшка голосом невыспавшегося дошкольника.

— Я... не знаю... Здравствуй,— выдохнул Ежики.

— Чего-чего? — тоненько удивился Яшка.

— Здравствуй,— опять сказал Ежики и почему-то застеснялся.

— Это ты со мной здороваешься? — подозрительно спросил Яшка.

— Ну... да. А что?

— Тогда хорошо,— совсем по-мальчишечьи вздохнул Яшка. Знак вопроса исчез, побежали цветные волны.— Я думал, дразниться будешь.

— Я? Зачем?

— Не знаю... Все дразнятся. По крайней мере сперва, когда знакомятся.

— Не, я не буду...

Они оба замолчали. На целую минуту. Потом Яшка спросил:

— Тебе что? Сочинение?

— Нет... У нас ведь каникулы.

— Тогда кино?

— Нет. Я просто так. Поговорить...

— Правда? Тогда говори.

— Яшка... Ты кто?

Цветные полосы метнулись, на экране расплылась черная амеба. Яшкин голосок обиженно задребезжал:

— А говорил, не будешь дразниться!

— Да я же... Чего я такого сказал-то?

— Я тыщ-щ-щу раз объяснял: не помню я, кто я такой! Чтоб не приставали! А ты опять!

— Но я же не знал! Я с тобой первый раз!.. Яшка... ну, извини.

Махнуло розовым светом, затем почему-то появились на экране желтые одуванчики, по одному шла божья коровка.

— Ладно... Я же правда не знаю, кто я... У меня на этом месте скол...

— Что?

— Ну, ты же видел! С одного конца я острый, а с другого обломанный. Это я откололся от корня... Там, за этим обломом, осталось такое... ну, я не помню... Тебя как зовут?

— М-м... Матвей Юлиус Радомир.

— Покороче-то можно?

— М-м... можно... Ежики...

— Ежики... Ты почему молчишь?

— Не знаю...

— Нет, по-че-му?

— А что говорить?.. Мне тебя жалко. Что ты откололся,— признался Ежики.

Божья коровка улетела, одуванчики стремительно отцвели, опушились, потом на них дунуло, семена унеслись. Только один парашютик повис посреди экрана. Увеличился. Превратился в силуэт человечка. Смешно почесал ножку о ножку. Яшка сказал со снисходительным вздохом:

— Ты ничего парнишка. Я у такого давно не был...

— Можно я тебя с Яриком познакомлю? — неловко спросил Ежики.

— А он хороший? Как ты?

— Да в сто раз лучше! — искренне сказал Ежики.

Но с Яриком он Яшку не познакомил. Не мог решиться. Надо было тогда рассказать Ярику про все. И как струсил, отдал монетку. И как таскал «Садовым троликам» постыдную дань... Конечно, потом он выдержал испытание иттов и тролики его даже зауважали. Но ведь монетку он все равно не вернул...

«Это же пустяк,— уговаривал себя Ежики.— Она ведь не была еще йхоло. Зато — Яшка!.. Он же гораздо лучше этой денежки. И я выручил его от тех, кто его дразнил... А Ярику можно просто сказать, что выменял Яшку на монетку. Это почти правда.

Почти...»

Ежики знал, что соврать Ярику он не сможет, а сказать правду... надо собраться с духом. Он бы, конечно, сказал... Но скоро случилось то, что поломало жизнь. И стало не до Яшки. Лишь через три месяца Ежики побывал дома, забрал кое-какие вещи. Тогда и Яшку нашел в кармане старой капитанки.

Ночью, сделав шалаш из одеяла, Ежики устроился в нем с дисплеем.

— Яшка...

Экран ответил темной глубиной.

— Яш... — испуганно повторил Ежики.

— Чего? — Голосок был обиженный.

— Ты сердишься?

— Почему ты меня так долго не включал?

— Яшка... у меня...— Капля побежала по выпуклости экрана.

— Да знаю я, что тебе плохо,— насупленно отозвался Яшка.

— Все знаешь?

— Не все. Я ведь был отключен. Просто чувствую... Ну, чего там у тебя, говори...

Ежики, тихонько плача под одеялом, рассказал.

— Ты, значит, тоже откололся от корня... — тихим мальчишечьим шепотом произнес Яшка. Мелькнул на экране блеск стеклянного излома, затем — на полсекунды — возникло лицо растрепанного пацаненка с тоскливыми глазами и мокрыми щеками. Ежики судорожно вздохнул и погладил выпуклость экрана... Яшка сказал:

— А все-таки тебе легче...

— Почему?! — горестно возмутился Ежики.

— Ты хотя бы помнишь свою маму... А я...

— А у тебя... разве тоже была?

— Но ведь я живой! Кто-то меня родил на свет...

Тогда Ежики спросил о том, что давно его мучило:

— Яш... Есть на свете Судьба?

Взвихрились на экране спирали, пересеклись белые и черные линии, словно Яшка хотел выстроить схему Судьбы. Потом распались. Появился плоский ребячий рисунок: домик и человечек.

— Не знаю... — сумрачно сказал Яшка.— По-моему, никто во Вселенной не знает...

— А ты знаешь про всю Вселенную?

— Если это не за сколом... Зачем тебе Судьба?

— Яш... А может, это мне... то, что случилось...

это мне за то, что отдал монетку? Мама сказала, что на ней Хранитель. А я его... будто предал. И он меня не сохранил...

Человечек на рисунке заложил руки за спину, ушел в дом. На крыльце сердито оглянулся. Яшка отозвался взрослым тоном:

— Что за чушь говоришь. Судьба не может быть такая подлая, а Хранители не мстят. Особенно детям...

— Расскажи про Хранителей...

Рисунок стал цветным — синий вечер. В домике зажглось желтым светом окошко. Яшка сказал неуверенно:

— Про них много легенд. Но я путаюсь... Это как раз на грани скола... Опиши мне монетку. Она какая?

Ежики, вздыхая, рассказал про буквы, про колосок, про мальчика. На экране заметались пятна.

— Вот помнится что-то... а не знаю,— печально признался Яшка. И другим уже голосом, твердо пообещал: — Раз эта монетка такая дорогая тебе, то вернется.

— Теперь-то зачем? — горько сказал Яшка.— Чем она мне поможет?

Яшка, погасив экран, прошептал:

— Ну, не тебе, так мне... — И вдруг спохватился. Проговорил почти как мама:— Спи, Ежики, спи...

Она вернулась, монетка! Может, не та самая, но такая же! В этом было продолжение вчерашних чудес и тревог...

— Хранитель...— тихо сказал Ежики и поглядел на Гусенка.— Откуда?

Тот смотрел доверчиво, без всякой загадочности:

— У меня знакомый есть в Белогорске, у него коллекция... Таких у него много, он говорит, их в древнем городе Лехтенстаарне чеканили...

«Какой-то старый североевропейский язык. Лехтенстаарн — Свет звезды,— отметил про себя Ежики, знакомый теперь с азами сравнительного языкознания. Из коллекции? Значит, не та... Но все равно...»

— А этот мальчик на ней — он кто?

— Ты же сам сказал — Хранитель!

— Но я не знаю точно...

— Точно и я не знаю,— вздохнул Гусенок.— Его, кажется, звали Итан.— Он, говорят, спас город, когда напали враги. Заиграл тревогу, хотя его могли убить.

— Не убили?

— Нет... Его братишка спас: оттолкнул, и копье пролетело мимо... А может, это была сестренка...

Ежики спрятал монетку в кулаке. Все, что случилось, уже не помещалось в сознании. Надо было выплеснуть, рассказать, выяснить, обсудить! Спросить совета!

У кого? Только у Яшки. У того, кто все (или почти все) на свете знает и с кем Ежики в долгих разговорах много раз отводил душу.

Но Яшка остался в кармане форменных брюк, в камере хранения. Всегда-всегда Ежики носил его с собой, но если убегал на Кольцо — оставлял. Яшка был живой, значит — попутчик. А на Кольце, где Голос, Ежики хотел быть совсем один.

Солнце встало уже высоко. С лестницы видно было, как за платанами Бульвара Трех адмиралов ртутным блеском сияет море. Становилось жарко. Снизу по лестнице бежали стайки учеников. Хорошо, что пока ни одного лицеиста. Не увидят, как Ежики «линяет» от гимназии... Впрочем, Кантор сам разрешил не ходить сегодня на лекции.

Мальчик с якорьком нерешительно переступил рядом помидорными сандалиями. Словно напоминал о себе.

— Спасибо тебе,— шепотом сказал Ежики. И побежал вниз.

5. Реттерхальм. Кристалл

Ежики любил вокзалы. А этот, Южный,— с громадными подземными залами, запутанными переходами, с неожиданно открывающимися закутками кафе, видеокомнат, «зеленых уголков» с фонтанами — любил особенно. Здесь у Ежики возникало о ж и д а н и е. Странная надежда, что может в его жизни случиться что-то новое. Чувство это смешивалось с другим — с ощущением Д о р о г и.

Загадочная Дорога жила везде — в цветных светящихся указателях, в широких экранах оповещения и мерцающих табло, в шорохе эскалаторов и официальных голосах динамиков. В особом вокзальном запахе и мелькании тысяч людей.

Отсюда уходили за Перешеек дальние поезда, разбегались по всему Полуострову автобусы. Они увозили пассажиров и к взлетным полосам Воздушных линий, и к стартовым полям далекого отсюда Новочельского космопорта.

Ежики отсюда никуда не уезжал. Только на Кольцо. Но Кольцо — тоже Дорога. Думаете, замкнутая, без выхода? Но вот же — вывела на Якорное поле! О ж и д а н и е не обмануло...

Рассказать про все Яшке, спросить, что он про это думает... Бедный Яшка! Ежики теперь мучила совесть: оставил Яшку в глухой железной камере почти на сутки!

Прыгая по эскалаторам, виляя в толпе, как электронный заяц в старой игре «Ну, погоди!», ныряя под плывущие на спинах туристов рюкзаки, он примчался в зал хранения багажа. Вот и дверца с любимым числом 333, вторая снизу... Чуть присев, Ежики прижал правую ладонь к черной пластине дешифратора. Сейчас, в полсекунды, электронные датчики снимут рисунок кожи, проверят и пересчитают тепловые точки... Ну же!

Бронированная дверца не шевелилась. А над ней на матовом стекле зажглось:

«Извините, Вы пользуетесь этой камерой уже десятый раз. Следует заплатить 15 к.».

Новое дело! Вот тебе и любимые цифры! Брал бы каждый раз новую ячейку — никаких забот. А теперь... Конечно, пятнашка — сумма грошовая, да в кармане-то ничего, кроме нескольких мелких дырок. Будь у Ежики, как у взрослого, магнитная чековая плашка, прижал бы к дешифратору, и все дела. Плашка такая есть, с мамиными сбережениями, но она у Кантора. Чтобы получить мелочь на всякие пустяки, надо каждый раз идти, выпрашивать. Противно. А сейчас тем более: «Матиуш, я же просил вас не уходить из лицея...» Да и бежать туда-обратно — полчаса уйдет!

Ежики остервенело почесал затылок сжатым кулаком. А в кулаке-то — монетка...

Размером точно с пятнашку...

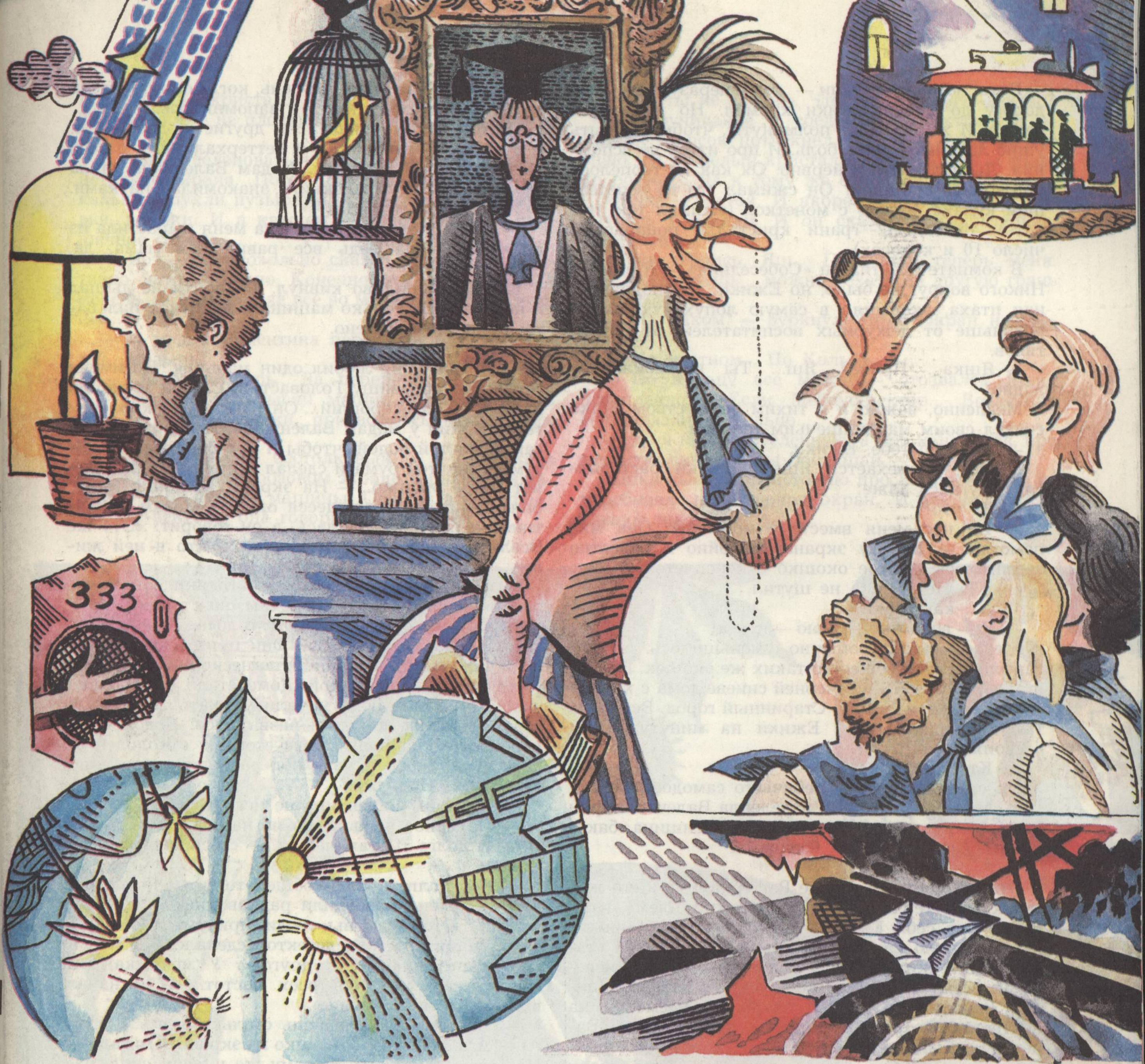
Попробовать?

«Не надо, Ежики. Один раз уже отдал...»

«Но тогда я с перепугу! А сейчас, чтобы Яшку выручить!»

«Полчаса-то еще он потерпит...»

Но сам Ежики терпеть столько не мог. И Яшкины слова, что монетка, если вернется, поможет ему, вспомнились отчетливо. Чего же тут думать!

А все же не по себе. Будто опять он делает что-то не то... Но ничего страшного с ним случиться все равно не может. Оно уже случилось год и три месяца назад...

Жаль монетку? Но из-за этой жалости он мучает Яшку. Один раз уже он получил его за денежку в десять колосков, надо и теперь... А то Яшка, чего доброго, обидится и разговаривать не станет...

Чтобы не мучить больше себя колебаниями, Ежики задержал дыхание, суетливо толкнул монетку в щель. Она звякнула где-то среди электронных потрохов. Надпись погасла.

Дверца не шелохнулась.

Ежики перепуганно, беспомощно дернул ее за рычаг. Потом уронил руки. Вот... Добился, дурак, чего хотел, да? Сразу все повернулось в голове по-другому: второй раз отдал монетку с Хранителем, вместо того чтобы сделать йхоло, сам накликал беду! Ничего страшного не может случиться? А если... если он больше не попадет на Якорное поле?

Показалось, что малыш Гусенок стоит сзади и с печальной укоризной смотрит в затылок. Ежики обернулся рывком. Проходили мимо люди, никто не глядел на мальчишку... А дверца камеры с никелированным рычагом на уровне живота была стальная, ей все равно... Ежики всхлипнул, еще раз дернул рычаг. И чтобы отомстить уже не дверце, а себе, трахнул по нижнему краю коленом!

Съежился, присел, переглатывая боль... Зажмурился... А когда разлепил ресницы, на матовом стекле горело крупно и ярко:

ВОЗВРАТ!

Звякнуло, выдвинулся рядом с дверцей латунный желобок. В него съехала монетка.

Милая ты моя! Он стиснул ее в кулаке, а кулак прижал к рубашке. Мячик сердца нервно прыгал и колотился под костяшками.

Ежики глянул на дзерцу: «А с тобой мы еще поговорим!» И тогда случилось второе чудо: он увидел, что дверца отошла — между ней и стенкой растет щель...

Бить ногой по стали — дело неразумное. Всю дорогу до лицея Ежики хромал. Но не шел — бежал. И жалел даже полминуты, чтобы накрыть ушиб ладонью, унять боль. И про иттов не вспомнил. Дышал часто и нервно. Ох как не терпелось поговорить с Яшкой! Он сжимал его во вспотевшем кулаке, вместе с монеткой (сжимал так, что потом оказалось: грани кристалла поцарапали число 10 и колосок).

В комнате схватил он «Собеседник» — и в парк. Никого вокруг не было, но Ежики, как подраненная птаха, уковылял в самую лопуховую чащу: подальше от дежурных воспитателей, от объективов.

— Яшка... Привет, Яш... Ты не обижайся, ладно?

Медленно, важно и с тихим торжеством Яшка сказал своим мальчишечьим голосом:

— Спасибо тебе, Ежики.

Может, насмехается Яшка? Ежики растерялся, испугался даже:

— За что?

— Ты нес меня вместе с монеткой. Она мне помогла...— В углу экрана спокойно и радостно засветилось желтое окошко с переплетом в виде буквы Т. Нет, Яшка не шутил.

— А... как помогла?

— Я — вспомнил! Знаю — кто я!

Желтое окно крошечно уменьшилось, вокруг зажглось еще множество таких же окошек. Вокруг них образовались в вечерней синеве дома с крутыми крышами и башни. Старинный город. Все было так неожиданно, что Ежики на минуту забыл о своих тревогах.

— Кто ты, Яшка?

Он сказал с ноткой ребячьего самодовольства:

— Меня вырастила и взлелеяла Валентина фан Зеехафен, самая ученая на свете женщина, бакалавр всяческих наук... Слушай...

Эта история — о городе Реттерхальме и его жителях. («Реттерхальм» — «Рыцарский шлем»,— отметил про себя Ежики). Случилась она давным-давно, однако уже и в те времена город был старинным. И жила там на улице Рыжего кота известная всему Реттерхальму очень мудрая женщина. Знакомые и друзья звали ее, несмотря на почтенный возраст и ученость, просто мадам Валентина. Была она добрая душа, хотя и со странностями. Одна из странностей — та, что среди друзей мадам Валентины водилось множество мальчишек...

Однажды мальчишки принесли и показали мадам Валентине монетку из города Лехтенстаарна... Да-да, в точности такую же: с профилем мальчика, числом «десять» и колоском. Эту монетку разглядел издалека (а вернее, ощутил с помощью нервовлучей) маленький кристалл, который подрастал у мадам Валентины на подоконнике среди кактусов.

И сейчас он, Яшка, сразу узнал монетку! А узнав ее — вспомнил остальное!

Да-да, он вырос в обычном цветочном горшке. Но вовсе не из обычного зерна, а из редчайшей звездной жемчужины, какие иногда прилетают на землю из космоса в период густых августовских звездопадов... И растила его мадам Валентина не просто так. Она создавала крошечную модель всеобщего Мироздания. Потому что была уверена: Вселенная имеет форму кристалла...

Обо всем этом кристаллический детеныш узнал впервые из разговора мадам Валентины с мальчишками — как раз в тот день, когда они принесли монетку. Потому так все и запомнилось...

Потом Яшка узнавал и другие подробности: и о мадам Валентине, и о Реттерхальме, и о всей Планете. И о Вселенной. Мадам Валентина учила его, читала ему умные книги, знакомила с науками.

И кажется, любила...

— Потому что она... раз она меня вырастила из капельки... она ведь все равно как мама, да, Ежики?

Ежики торопливо кивнул. Он почти не дышал и не двигался, только машинально тискал пальцами припухшее колено.

Яшка сказал:

— А еще меня любил один мальчик. По имени Лотик, по прозвищу Головастик. Самый младший из всех ребят. Хороший... Он сбежал от своих трех теток и жил у мадам Валентины. И поливал меня самой чистой водой, чтобы я рос быстрее... А потом из желтой бумаги сделал и приклеил на меня вот такое окошко...— На экране, заслонив город, опять выросло светящееся окно.— Мадам Валентина сперва рассердилась, а он говорит: «Это же Вселенная, значит, дом для всех, кто в ней живет...» Она тогда засмеялась...

— А потом? — тихо спросил Ежики. Он видел перед собой другое окно — там, на станции...

— Потом...— В Яшкином голосе послышался вздох.— Начались дожди. Они шли и шли, и совсем даже не стало солнца, на несколько лет. Что-то сделалось с природой. Дома стали сползать со склонов холма, люди начали уезжать... Наш дом тоже однажды пополз и развалился. Подоконник перекосило, на меня упала стена, я откололся от корня... А скоро я увяз под развалинами в жидкой глине. Надолго...

— А мадам Валентина не искала тебя?

— Наверное, искала, да не нашла...

— И долго ты там лежал? — стесненно спросил Ежики.

— Ой, долго... Но в общем-то я умею отключаться... Меня разбудили радиоволны. Защекотали так... Это когда вы, люди, придумали радио.

— Значит, ты как детектор сделался?

— Н-не знаю... Тут другое... У меня каждая грань — антенна для всех частот... И я начал впитывать информацию...

— Поэтому ты и знаешь столько всего...

— Ага...— Желтое окошко на экране замигало.— Но много путаницы. К тому же у меня скол, нарушенная структура... Я понимаю, во мне нет системы...

— А кто тебя нашел? — Ежики хотелось отвлечь Яшку от грустных мыслей.

— Мальчишки. Они приехали из школы, из города Черемховска, чтобы делать раскопки на месте Реттерхальма. Хотели найти всякую старину... Только ничего, кроме меня, не нашли...

— Почему?

— Тут у меня путается... Не могу толком объяснить. Но, видимо, потому, что мадам Валентина перенесла город на другую грань... Да, конечно! И ушла сама. Поэтому она меня и не отыскала. Так просто она бы меня не бросила... Она же... вырастила.

Желтое окошко разбилось на крупные капли, они скользнули на край дисплея.

— Как это «на другую грань»? — спросил Ежики. Под рубашкой скользнул холодок — зябкое касание тревожной и неясной догадки. Намека на догадку...

— Ну, как... Ты разве не учил в школе? Если

Вселенная — кристалл, у нее множество граней. Только они — не плоские как у меня, а каждая — целый мир...

Крупный зеленоватый кристалл возник в глубине стереоэкрана. Потом его плоские грани-зеркальца вспухли пузырями, в них появились деревья, домики. И в каждом пузыре зажглось крошечное солнце.

— Вот,— самодовольно сказал Яшка.— Примитивно, зато наглядно. Конечно, это очень простая модель, на самом деле все во множество раз сложнее...

— И мадам Валентина перенесла город в другой... пузырь?

Сам ты пузырь... Да, перенесла!

— Тут же сто тысяч машин и экскаваторов надо,— сказал Ежики, притворяясь глупее, чем он есть.

Ты совсем бестолковый! — взвинтился Яшка и мигнул на розовом экране черными зигзагами.— При чем тут машины! Она создала эффект Мёбиус-вектора, она говорила, что умеет...

— Да ты не злись!.. Что такое Мёбиус-вектор?

— Скручивание и соединение пространств...— Яшкин голосок потускнел.— Я ведь тоже не все знаю... Я не целый кристалл, не взрослый, а только росток... Да к тому же отколовшийся.

«Яшка — росток. И якорек — росток...» — толкнулось у Ежики. И он сказал примирительно, осторожно:

— Не сердись, Яш... Послушай теперь меня. Как ты думаешь... можно уехать на другую грань на поезде?

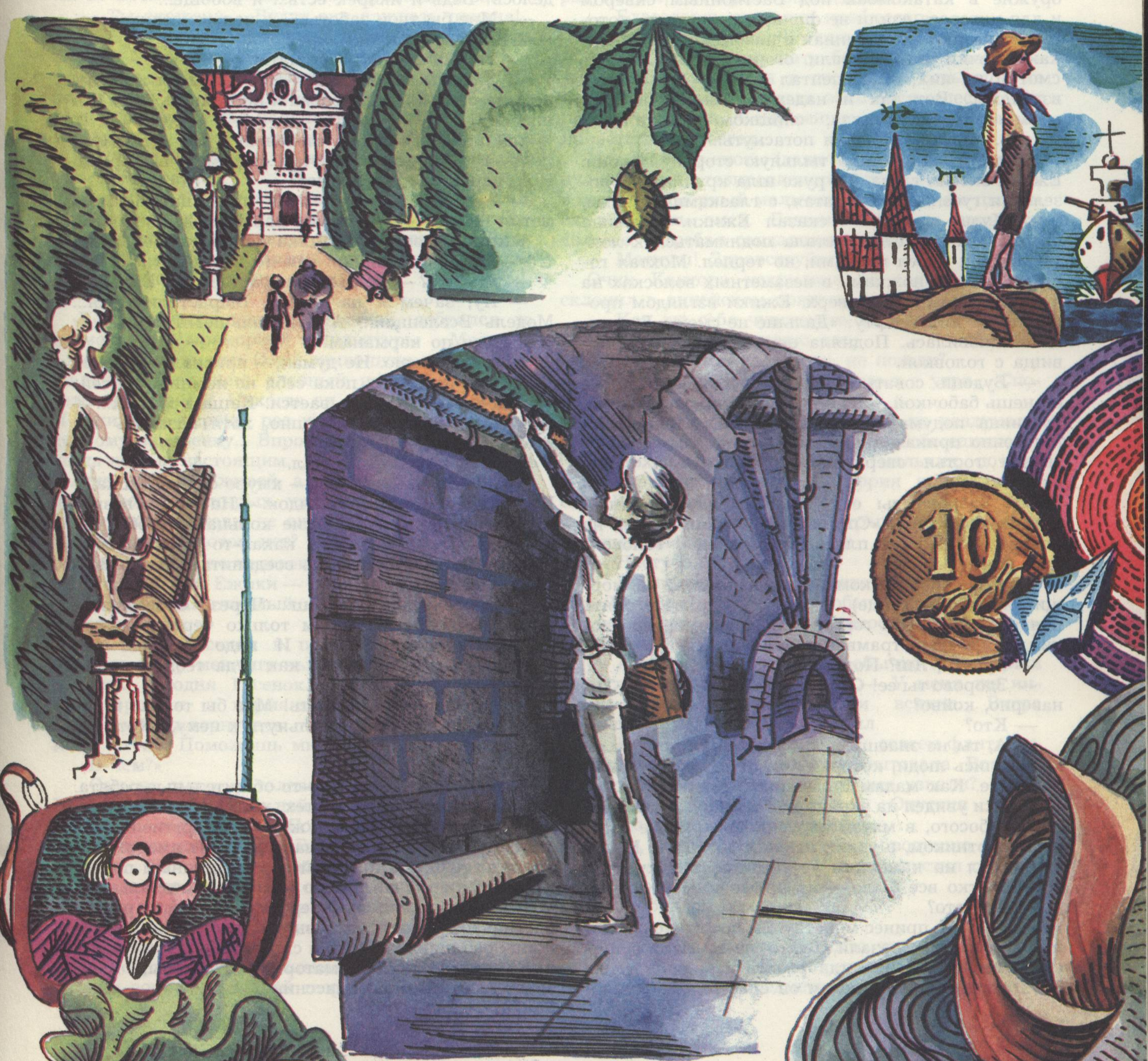
— На каком? — буркнул Яшка (экран не светился).

— На местном... По Кольцу.

По кольцу все можно, отозвался Яшка насупленно.— Если Мёбиус-вектор... Вселенная вся завязана в кольцо...

— Да я не про Вселенную, а про наш город, про местную линию... Ты послушай...

Яшка выслушал историю про Якорное поле, не перебивая, не включая экран. И молчал, когда Ежики закончил.

— Яш... Может быть т а к о е?

— Ты же сам говоришь — было.

— А как объяснить?

Яшка не ответил.

— Яш...

— Я думаю, не мешай...

— Ладно, я подожду.

Яшка молчал долго. Ежики сидел, откинувшись, упираясь ладонями в травянистую землю. Кругом просвечивали зеленью большущие, как слоновые уши, лопухи.

Ежики думал: отчего Яшка сегодня такой? Рассеянный какой-то и раздражительный. Озадачен своим открытием? Или обиделся? Почуял, что в истории про Якорное поле Ежики не сказал всей правды?.. Ежики умолчал о Голосе. О своем разговоре с диспетчером. Не мог он про это... Даже сам с собой говорить про это боялся. Отчаянная надежда, вспыхнувшая вчера, сегодня была уже крошечной, как еле живой огонек. Но ведь была... Однажды они с Яриком полезли искать старинное оружие в катакомбах под Бастионным сквером и для интереса взяли не фонарик, а свечки, которые зажигают на именинах и новогодних праздниках. Свечки потрескивали, огоньки дрожали. «Не смотри на них,— прошептал Ярик,— они боятся взгляда»... Вот так и надежда Ежики боялась внимательного взгляда, слишком пристальной мысли. Могла мигнуть и погаснуть...

...Что-то защекотало тыльную сторону ладони. Ежики скосил глаза. По руке шла крупная черно-зеленая гусеница. Мохнатая, с глазками-точками.

— Куда, глупая...— сказал Ежики. Гусеница преодолела запястье и стала подниматься к локтю. Ежики повел плечами, но терпел. Мохтая гостья путалась ножками в незаметных волосках на коже и упрямо шла вверх. Ежики взглядом провел ниже локтя черту: «Дальше не смей». Гусеница остановилась. Подняла переднюю часть туловища с головкой.

— Будешь соваться куда не надо, никогда не станешь бабочкой,— шепотом предупредил Ежики. Гусеница подумала и пошла назад. «Быстрее,— мысленно приказал Ежики.— Ну-ка брысь!» Незваная гостья свернулась калачиком и упала в траву.

...— Здорово ты ее! — звонко сказал Яшка. Ежики вздрогнул. «Собеседник» лежал рядом, на лопухе. На экране плясал человечек с головой-картошкой.

Ежики положил компьютер на колени (поморщился — больно еще). Человечек упрыгал, опять появился вечерний городок. Среди домов проскочил крошечный трамвай с огоньками.

— Ну что, Яш? Подумал?

— Здорово ты ее! Сделал черту и — щелк!.. Ты, наверно, койво?

— Кто?

— А, ты не знаешь... Так у нас в Реттерхальме назывались люди, которые умеют всякое необыкновенное. Как мадам Валентина... Или вот он...

Ежики увидел на экране мальчишку. Длинноволосого, босого, в мятой парусиновой рубахе с синим воротником, в узких штанах до колен. Мальчик стоял на каменном уступе, смотрел куда-то. И так четко все было — ну прямо кино!

— Кто это?

— Тот, кто принес монетку... А потом его выгнали из города. Сказали, будто из-за него сошел с рельсов трамвай, когда ребята играли у путей. Но это неправда... А потом он спас город. Остановил в полете бомбу, когда враги выстрелили с корабля.

— Как остановил?

— Посмотрел на нее, и она недолетела.

— Сказки,— вздохнул Ежики.

— Не сказки. Ему поставили памятник.

Мальчик на экране сделался неподвижным, потемнел. И стало видно, что он из бронзы...

— А ты тоже... Гусеницу остановил,— напомнил Яшка.

— Это же пустяк! Сравнил: гусеница и бомба!

— Все равно. В тебе особый талант.

— Ну, тогда здесь, в лицее, каждый — койво. У любого особый талант. Да и не в лицее тоже. Каждый умеет что-нибудь... такое. Ярик, например, может бумажными голубями управлять: запустит, и они летают, всякие петли делают...

— У тебя не только это...

— У меня, говорят, индекс воображения выше нормы... Вот, говорят, и представил себе Якорное поле... Яшка, ты скажи! Ты уже подумал? Разве может быть, чтоб такое просто привиделось? Ведь и якорек есть... и вообще...

— Мне бы твои заботы,— с человеческим вздохом Яшка выключил экран.

— Ты же обещал подумать!

— Я думал не об этом... Про Поле ты можешь решить сам. Поедешь снова и поглядишь: есть оно или нет.

Ежики опять зябко шевельнул плечами. Проще всего — поехать. Об этом он думает все время. Но... вдруг там ничего нет?

— А если скажу, что нет,— проницательно заметил Яшка, — ты ведь все равно поедешь искать.

Ежики вздохнул. А Яшка попросил шепотом:

— Ты лучше скажи: мне-то что делать?

— А... что? — не понял и растерялся Ежики.

— Ну, зачем я на свете?.. Вырастили меня... Модель Вселенной... А что дальше? Так и буду болтаться по карманам?

— Я... не знаю. Не думал,— признался Ежики.

— И я не думал, пока себя не помнил... И сейчас ничего не придумывается. Каша в мозгах... — Это было ничуть не смешно, хотя казалось бы: какие у Яшки мозги.

Ежики виновато молчал.

— Мне нужна система,— хмуро сказал Яшка.— Чтобы все привести в порядок.— На экране возникли белые концентрические кольца.— Чтобы ясность была... Мне нужна какая-то философская кон-цеп-ция... Ты можешь соединить меня со Всеобщим информаторием?

— Я... нет, наверно, Яш... Через «Собеседник» нельзя, с информаторием только через главный компьютер соединяются. И надо каждый раз Кантора спрашивать... И как туда тебя затолкаешь?

— Не надо меня толкать! Мне бы только к кабелю информатория. Прильнуть к нему... Хотя бы на часик!

В лицее жили не очень-то общительные ребята. А Ежики был вообще из тех, кого называют «рак-отшельник». Но не всегда же и он, и другие сидели в своих «раковинах». Случалось играть вместе, шастать по парку и по лицейским старинным подвалам. И Ежики знал, где по бетонному подвальному коридору (кстати, незапертому) тянется разноцветная лента пластиковых проводов и труб — жилы различных служб и связей. А то, что у кабеля Всеобщего информатория оранжевый цвет, знает каждый первоклассник.

Через дверь он все-таки не пошел. Отодвинул решетку подвального окошка в гранитном цоколе, среди высокого белоцвета. Пролез, прыгнул в сухую каменную прохладу (колюче отозвалось в колене). Апельсиновый пластик изоляции светился среди других проводов. Ежики двинулся вдоль линии, запинаясь в сумраке за неровности плит. «Собеседник» болтался на ремешке через плечо. В конце подвала, у самой стены был бетонный квадратный столб, провода уходили за него.

— Вот, Яшка, здесь тебя спрячу... Никто не увидит.

— Ага... Я чую провод... Ежики, ты на меня не обижайся.

— Я и не думаю...

— Нет, ты обиделся. Но не надо...

— Ладно,— тихо вздохнул Ежики.— Все равно, кроме тебя, у меня здесь друзей нет...

Яшка вдруг спросил:

— Из Опекунской комиссии нет новостей?

— Ректор говорит, пока нет.

— А почему ты сам не выяснишь? Обратился бы во Всемирный комитет по охране детства.

— Ты скажешь... Будут они слушать пацана!

— А на фига они нужны, если не будут?.. Ну, ладно... Устраивай меня. А завтра заберешь.

Ежики вытащил кристалл из компьютера. Прикинул, как его приспособить к пластику. Кабель был толщиной в два пальца, изоляция скользкая. Прижать соседним проводом? Но он тоже круглый и гладкий... Вот балда, не взял чем привязать. Не идти же обратно...

Морщась, Ежики нагнулся, рванул от сандалии мягкий ремешок искусственной кожи. С магнитной пряжкой и клепками. Обмотал вместе Яшку и кабель, притянул. Прижал пряжку к металлической клепке. Вот так, держись...

В парке он, хлюпая сандалией, добрался до скамейки у мраморной скульптуры «Мальчик с воздушным змеем» (змей символизировал мечту). Мальчик был ничего, славный, но змей тяжелый, тоже мраморный. Никогда он не сможет взлететь. И Ежики не первый раз уже посочувствовал кудрявому пацаненку... Впрочем, он каменный и никогда не был настоящим... А вот мальчишка в матроске — сперва живой, а потом из бронзы... Зачем? Людям, которых уже нет, хоть по тыще памятников поставь, не оживишь... Почему так — сперва есть, а потом нет? И зачем тогда все? Вот и Яшка, хотя и не человек, задумался — зачем он на свете? А сам Ежики — зачем?

Сверху упал тяжелый каштан, колюче прокатился по ноге.

Каштан... Гусенок в помидорных лапотках... («Что-то все у меня птичьи сравнения: вчера Вороненок, сегодня Гусенок...») Монетка (вот она, моя хорошая, в кармашке у пояса). Открыла камеру и сама вернулась... Теперь ты точно будешь моим йхоло. Поможешь мне?

«В чем?»

«Сам не знаю, в голове каша, как у Яшки... Хоть какой-то кончик найти бы у этого клубка».

Ежики соединил в «Собеседнике» разогнутые контакты дешифратора. Выдвинул на всю длину антенну. На цифровой клавиатуре набрал три ноля и пятерку — вызов общего пункта учебных консультаций. Звякнул сигнал ответа, на экране возникло внимательно-приветливое лицо дежурного учителя.

— Добрый день... Лицеист Матвей Радомир... У меня вопрос по общей теории Космоса.

— Добрый день, рад вам помочь, Радомир... А почему вас нет у меня на экране?

— Я не по общей связи, а через «Собеседник». Я... в парке занимаюсь.

— На лоне природы? Ну, что ж... слушаю вас.

— Можно узнать о теории кристаллического строения Вселенной?

— М-м...— Доброе интеллигентное лицо слегка затуманилось.— Зачем вам? Это же далеко за рамками учебных программ.

— Ну и что...

— Видите ли... Это даже не теория. Это одна из устаревших гипотез строения мира. Довольно наивная, давно признанная несостоятельной, исключенная из сферы научных проблем. Ну, скажем, как вечный двигатель... Заниматься ею сейчас — все равно, что возвращаться к вопросу: не стоит ли Земля на черепахе и трех слонах...

— Но если в историческом плане...

— В историческом... Но это за пределами нашего консультационного материала. Свяжитесь с отделом научных гипотез в Информатории. Только, разумеется, не через «Собеседник»...

— Благодарю, господин профессор.

Тот дернул бородкой, отключился.

Ежики отнес в комнату бесполезный компьютер. Потом спустился в столовую. Есть еще не хотелось, но потом, когда захочется, здесь будет полно лицеистов. А ему сейчас не до встреч, не до приветствий и бесед...

Пожевав без охоты (даже не заметил, что), глотнув какого-то газированного питья, опять пошел в парк. Мраморный мальчишка все так же пытался запустить змей. Бедняга... Ежики двинулся дальше, загребая сандалиями песок аллеи...

— Матиуш! Здравствуйте...

Очки Кантора искрились на солнце. Ежики склонил в лицейском поклоне голову.

— Как вы себя чувствуете, Матиуш?

— Вполне... Благодарю вас.

— На занятия, как вижу, не пошли?

«Как вижу»! Наверняка следил с утра... Спокойно, Ежики...»

— Я сперва пошел в гимназию, но раздумал... Сидел в парке, решал задачки с «Собеседником».

— Похвально... А скажи-ка, мальчик, почему тебя вдруг заинтересовала теория кристаллической Вселенной?

Надо было оставаться хитрым. Сдержанным. Ежики, однако, не сдержался:

— Настучали уже?

— Ну, право же, Матвей, что за термин... Учитель Бельский сообщил о необычном интересе лицеиста Радомира. Это обязанность любого консультанта.

— А что в моем интересе необычного? — Ежики глянул в сторону, усмехнулся.— У меня же индекс воображения, фантазии всякие. Вчера Якорное поле, сегодня Кристалл.

— Но... м-м ... Кристалл — не совсем фантазия. Такая гипотеза на самом деле бытовала. Вот мне и стало интересно: где вы про нее узнали?

— Я... — Ежики смешался. Опустил глаза. Сразу-то ничего не придумаешь...

— Ну, секрет так секрет,— добродушно сказал Кантор.— Дело ваше... — И тоже опустил глаза.— О... а что у вас с ногой?

— Оторвался ремешок.

— Я про колено...

— Стукнулся где-то. Прошло уже... — И опять не выдержал: — У меня привычка лупить ногой по неподходящим предметам.

Кантор проглотил и это.

— Сходите к доктору Клану.

— Ну вот, из-за каждой болячки ходить в медпункт.

— Я все-таки прошу вас...

Ежики поглядел в очки. И сказал, что думал (наплевать!):

— Вас интересует не нога моя, а голова. Чтобы доктор Клан проверил, не свихнулся ли я совсем.

— Радомир... Я знаю вашу антипатию ко мне, хотя и не понимаю причин. Однако есть же нормы приличий и лицейской этики...

— А я не соответствую, да? Но я сюда и не просился... Почему я не могу жить дома?

— Вот в чем дело! Понимаю. Но я не виноват... Хорошо, я сегодня же сделаю очередной запрос Комиссии.

«Сделаешь ты...»

— А к доктору все-таки зайдите, Матиуш, не ершитесь. Я вас умоляю...

Не пошел он к доктору Клану. Тот своей врачебной властью (с которой не поспоришь!) уложит, чего доброго, его в тихую палату. У тебя, мол, мальчик, нервное перенапряжение... Пока такого не случилось, подальше от лицея! И вообще, почему он, Матвей Юлиус Радомир, боязливо медлит? Давно уже мог бы оказаться *там*!

Это «*там*» все равно есть! Лишь бы неведомые силы не закрыли к нему путь...

Все как в прошлый раз. Хвостовой вагон — сперва почти пустой, потом пустой совершенно. Шуршит вентиляция, воздух шевелит рубашку и волосы. Успокаивает?

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Малый ипподром»...

«Скорее же, мама!»

— Следующая станция «Магазин «Радуга»...

— ...«Дом Капитанов»...

— ...«Отель «Кочевники»...

— ...«Эстакада»...

— ...«Солнечные часы»...

«Не обмани меня! Ну, пожалуйста!!»

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция «Якорное... поле».

6. Кронверк. Черный телефон

И здесь было все, как вчера. Знакомо-знакомо, словно Ежики приехал сюда не второй раз в жизни, а тысячный.

Поезд ушел. Ежики медленно и с облегчением оглянулся еще раз. Страх и напряжение оставили его. Он чувствовал себя, как человек, наконец-то укрывшийся от неясных тревог и угроз за стенами прочного дружеского дома.

Светило окно.

Хлопая сандалией с оторванным ремешком, прихрамывая, подошел Ежики к окну. Приласкал глазами старую модель... Ой, здесь была новинка. У точеного столбика подставки лежал на песке стеклянный шар! Зеленый... Из тех, какими играли вчера? Едва ли. Этот был оплетен сеткой из волокнистого троса. Было в нем что-то знакомое, где-то уже виденное. И Ежики вспомнил: в кино про рыбаков! Такие стеклянные шары в сетках служили в старину поплавками для сетей... Но ведь они были пустые, легкие, а этот — литой! Вон, даже пузырек виден в толще стекла... А, понятно! Такие подвешивались к нижнему краю сети. Грузила...

Эта маленькая догадка почему-то обрадовала и еще больше успокоила Ежики. Он постоял, тихо улыбаясь, покачал коленом якорную цепь (касание холодного металла прогнало остатки надоевшей боли). И неторопливо пошел к выходу на лестницу. Там оглянулся, еще раз посмотрел на корабль за т-образным переплетом...

На лестнице на сей раз не оказалось никаких находок. Ежики без задержки выбрался на свет.

...Неужели он так долго ехал сюда по Кольцу? Из лицея ушел он сразу после полудня, а здесь, похоже, близок был вечер. Как вчера светило из-за облаков невысокое чистое солнце. И опять — вместо липкой жары — прохлада с запахом воды и травяного сока. Те же седые от одуванчиков пригорки, те же якоря. Пусто. Тихо. Знакомо...

Ежики пошел к площадке, где вчера играл с ребятами. Сандалия болталась. Ежики разулся, оставил сандалии на приметной глыбе ракушечника рядом со врытым в землю метровым якорем-кошкой. Трава под ступнями оказалась мягкой и теплой. А парашютики семян так же, как и накануне, повисали в неподвижном воздухе.

На площадке с лунками никого не было. Ежики огорчился, но только чуть-чуть. В конце концов никто не знал, что он придет, никто не обязан был ждать.

Может, и лучше, что никого пока нет. Будет время поразмышлять, о чем он спросит ребят и как объяснит свое вчерашнее бегство...

А как объяснит?

Разве расскажешь почти незнакомым людям, *что* на душе? И какая там живет маленькая, но неистребимая тайная надежда...

Но беспокойства у Ежики не было. Неторопливо, почти бездумно сел он у края лужайки, прислонился спиной к упругому кусту сухого репейника... Солнце сквозь стебли мягко светило в затылок. А на северо-востоке висела в бледной синеве большая, но слабо различимая луна. Полная на две трети. «Лицо» ее было похоже на портрет человека с распухшей щекой. Это называется, кажется, «флюс». Раньше так распухали щеки у тех, кто не лечил зубы. Ежики смотрел старую кинокомедию про дядьку, от которого ушла невеста, потому что он показался ей трусом: не хотел идти к дантисту и ему перекосило физиономию... А Ежики пошел бы, если в зуб не безболезненным лучом, а стальным сверлом? Бр-р — плечи передернуло холодком...

А ведь и в самом деле зябко. Особенно после городской духоты. Рубашка невесомая, на голое тело... Сколько же так ждать? Ежики вытянул шею, глянул вокруг... Вздрогнул. Показалось: за кустами чертополоха человек.

Нет, это на торчащей из травы балке висела его капитанка!

Ежики вскочил, подбежал. Кто-то повесил капитанку на изъеденный червями дубовый шток скрытого в траве якоря. Ежики схватил ее за капюшон. Всегда такая легонькая, капитанка сейчас потянула руку вниз. Что-то увесистое лежало в кармане!

Ежики с натугой вытащил из самого большого, бокового кармана стеклянный шар.

На этот раз шар был бесцветный. Разве что с чуть заметным намеком на зеленоватость. Чей-то подарок? Напоминание? Намек?

Перекладывая шар из ладони в ладонь, Ежики натянул капитанку. Снова стало уютно, тепло на Якорном поле. Ежики вытянул руку, глянул сквозь шар на белый свет. Мир перевернулся, выгнулся в этой большой капле, сделался маленьким, но остался в шаре целиком: седое от одуванчиков поле с якорями, небо с ватными клочками облаков, красная полоска — кирпичный кронверк. И две искры: поярче — солнышко, побледнее — луна. Ежики смотрел, пока не устала рука. Потом глянул на шар вблизи.

Пальцы сквозь выпуклое стекло казались громадными. Рисунок на коже — как рельефный узор на подошвах кроссовок. Вот это увеличивает! Ежики поразглядывал ноготь, волоски на запястье, ткань капитанки (она превратилась в рогожу). Пуговицу, ставшую громадной, как блюдце... Сорвал травинку с крошечным, не больше песчинки, цветком. Цветок показался орхидеей...

Ежики подумал: что бы еще поразглядывать? И вспомнил — монетка!

И перепугался: не потерял ли?

Нет, она была на месте: в кармашке у пояса. Ежики положил ее на ладонь, под шар. Прижатая к стеклу часть виднелась четко, а края терялись в размытой глубине. Пошевеливая шаром, Ежики видел то большой глаз мальчишки, то вздернутый нос, то ухо — величиной как у настоящего человека. То кольца волос на затылке... Потом вдруг

показалось, что маленький Хранитель может обидеться на такое бесцеремонное разглядывание. И Ежики перевел фокус на буквы... «Фрее стаат Лехтенстаарн..» «Свободный город Звездосвет». Где он такой? Сейчас, наверно, и нет его на Земле... А как называлась денежка? Десять — чего? копеек, грошей, франков, пенсов? Зерен, колосков?..

Зернышки колоска были под стеклом каждое с ноготь. Усики — толщиной с карандаш. А на цифрах — борозды — следы царапин от Яшки... Ежики приставил монетку к шару ребром. Он думал — край гладкий. Но с широкой, как обруч, желто-белой полосы смотрела сквозь стекло выдавленная в металле буква...

— Ан веек нект штеен нект гранц фор фреенд...

Корни старых северных языков потолкались в памяти, подсказали перевод: «Не стой на пути, нет границ для свободных...» Или «для дружных»?.. Или вообще совсем не то?

Как бы ни переводились древние слова, к Ежики они отношения не имели. Может быть, это была поговорка жителей вольного города. Или девиз Хранителей... Но ведь можно понять и так: «Не останавливайся на Дороге, шагай через границу свободно!»

Что такое Дорога, Ежики знал. Она привела его сюда и теперь снова тонким звоном запела в нем. А граница?.. Ребята вчера сказали — здесь застава. Именно у границ бывают заставы...

Он бегом отнес шар к ракушечной глыбе, положил рядом с сандалиями. Монетку сунул в нагрудный карман капитанки — легче проверять, на месте ли,— и кинулся к тускло-оранжевому кронверку, что дугой раскинулся за пригорками, на краю Поля...

Прежде всего, если никого не встретит, надо подняться на башню. Рэм говорил: с башни виден город. И можно будет наконец сообразить: в каком же квартале мегаполиса это Якорное поле?

Вблизи кирпичные стены с окнами вовсе не казались приземистыми. А башня стала совсем высоченной. В ней был арочный проход с воротами из решетчатого железа. На них висел кованый средневековый замок. Но в левой створке ворот оказалась калитка — тоже из железной решетки с завитками. Ежики осторожно пошатал ее. Петли завизжали, калитка отошла.

Под кирпичными сводами было сумрачно и неуютно, даже мурашки побежали. Шумно отдавалось дыхание. В конце прохода видна была серая, из валунов, стена, из нее торчали ржавые петли (наверное, для факелов). Идти туда не хотелось, да и незачем. Нужно было на башню. Ежики потоптался, зябко поджимая ноги. И увидел справа и слева, в кирпичной толще, узкие двери. Обе они были приоткрыты (железные створки даже в землю вросли).

В таких случаях для Ежики не было вопроса, в какую сторону идти. В любой игре, или когда бродил по незнакомому саду, или среди запутанных улиц, если приходилось выбирать дорогу, он сворачивал налево. Мама говорила, что это у него с рождения запрограммировано: всегда поперек, всегда против часовой стрелки. И сейчас он, конечно, шагнул в левую дверь.

Потянулась наверх лестница — почти в полной темноте, среди тесных кирпичных стен. Ежики насчитал сорок две ступени и четыре поворота, когда забрезжил свет. За аркой открылся широкий коридор с окнами на две стороны. Он плавно изгибался.

Коридор явно уводил от башни, но иного пути не было. Не спускаться же обратно. Ежики осторожно пошел по холодному чугуну плит. Их рельефный рисунок впечатывался в босые ступни. Под высоким сводчатым потолком шепталось эхо. Изогнутые балки перекрытий подымались от пола между окнами и на потолке сходились стрельчатыми арками.

Слева светило в узкие окна совсем уже низкое солнце. И видны были все те же пригорки, деревья вдали и небо. Никакого города. Справа — тоже небольшие холмы, но слабо различимые. Небо стало там совсем вечерним, и луна теперь сделалась гораздо заметнее — розовая, выпуклая.

Странно все это было: слева почти день, справа почти ночь. И этот коридор — будто внутренность дракона с ребрами. И полное безлюдье...

Тревожное замирание стиснуло Ежики. Такое же случалось, когда он забирался в старые подземелья с надеждой отыскать редкости и клады. Но там он был не один и к тому же точно знал, где он.

А здесь? Зачем он сюда попал, куда идет?

Желание повернуть назад, помчаться прочь стало упругим, как силовое поле. Он остановился. Уйти?.. А там, сзади что? Лицей, прежняя жизнь. Вернуться в нее, ничего не узнав? Но... маленькая надежда, о которой он боится даже думать... она тогда исчезнет совсем.

И, кроме того, что написано на ребре монетки! «На дороге не останавливайся! Через границу шагай смело!» Ну, пусть не совсем так, но смысл такой!

Ежики ладонью прижал карман с монеткой. То ли ладонь была горячая, то ли сама монетка нагрета — толчок хорошей такой теплоты прошел по сердцу. И Ежики зашагал быстрее. Не бесконечен же путь! Куда-нибудь приведет!

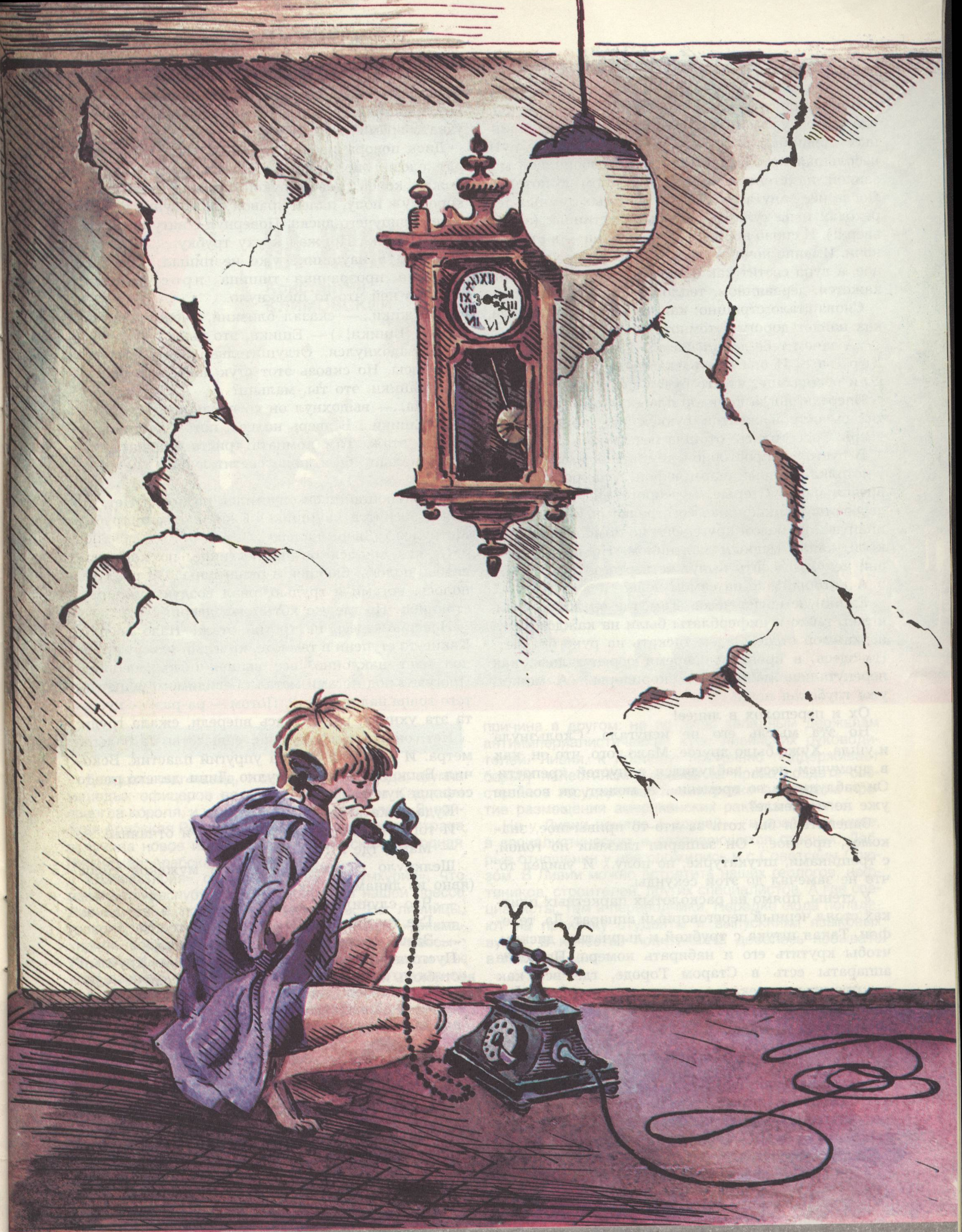
Коридор привел в квадратный зал с потолком-куполом. Там, в высоте, тоже сходились ребра перекрытий. Окна были круглые, небольшие, под верхним карнизом. На тяжелой цепи спускалась черная (наверно, из древней бронзы) громадная люстра без лампочек и свечей. Она висела так низко, что, если подпрыгнуть, достанешь рукой.

Ежики подпрыгнул — сердито, без охоты. Из чащи бронзовых загогулин вылетел воробей! Умчался в разбитое окно.

Ежики присел на корточки. Отдышался. Потом сказал себе: «Не стыдно, а?» Но сердце еще долго колотилось невпопад...

Потом он успокоился. Прислушался... И в него проникло то полное безлюдье, которое наполняло все громадное здание. Мало того, и за окнами — далеко вокруг — не было ни одного человека. Ежики теперь это чувствовал и знал точно. Даже всяких духов и привидений (если допустить, что они водятся на свете) здесь не было.

Нельзя сказать, что это открытие абсолютного

одиночества обрадовало Ежики. Но и бояться он почти перестал. Из квадратного зала он вышел в другой коридор, короткий, окнами к солнцу (оно уже висело у самой холмистой кромки, среди длинных облачных волокон)... Потом была на пути небольшая круглая комната с неразборчивой мозаикой на стене и овальным окном в потолке. После нее запутался Ежики в тесных темных переходах и на гулких винтовых лестницах (вверх, вверх!). И снова коридор. Теперь окна — в сторону ночи. Именно ночи, потому что небо там уже зеленое, а луна светит как фонарь. И на полу (теперь, кажется, деревянном, теплом) — полосы от окон.

Снова стало страшно: как он выберется отсюда, как найдет дорогу в темноте?

«А зачем тебе дорога назад? Тебе нужна просто Дорога...» И она опять зазвенела в нем тихонько и обещающе: что-то будет впереди...

Впереди, когда коридор плавно повернул, засветилась острой желтой буквой «Г» приоткрытая дверь. Засветилась, отошла без звука.

В пустой и просторной комнате без окон горел у потолка матовый шар-плафон. А напротив двери висели часы. Старые, музейного вида, в резном деревянном шкафчике, со стрелками и римскими цифрами на белом круге. Они по-домашнему щелкали, качая медным маятником. Но показывали они чепуху: десять минут четвертого.

А который час на самом деле?

Ежики не носил часов. Там, где он жил, гулял, играл, табло и циферблаты были на каждом углу, на каждой стене. Зачем таскать на руке браслет? Но здесь, в кронверке, время перепуталось, как перепутались лестницы и коридоры... А может, уже глубокая ночь?

Ох и переполох в лицее!

Но эта мысль его не испугала. Скользнула и ушла. Хуже было другое. Мало того, что он, как в дремучем лесу, заблудился в пустой крепости. Он заблудился во времени... А может, он вообще уже не на Земле?

Зацепиться бы хоть за что-то привычное, знакомое, прочное... Он зашарил глазами по голой, с трещинами, штукатурке, по полу... И увидел то, что не замечал до этой секунды.

У стены, прямо на расколотых паркетных плитках стоял черный переговорный аппарат. Да, телефон. Такая штука с трубкой и дырчатым диском, чтобы крутить его и набирать номера. Похожие аппараты есть в Старом Городе, где все как в прошлых веках: кино, кафе, автомобили старых марок. Даже лошади с экипажами. А из будки с телефоном каждый может позвонить домой или знакомым — как из прошлого века!

Ежики, когда гулял с мамой в этом городе-музее, сам звонил Ярику!

Ежики сел на корточки у телефона. Зачем-то оглянулся. Взял трубку. По-комариному запищало в наушнике. Действует! Значит, можно хотя бы узнать время!

Диск поворачивался с трудом, срывался, аппарат елозил по паркету. Ежики стиснул трубку между колен, левой рукой прижал телефонную коробку к полу, палец правой снова сунул в отверстие скрипучего диска. Повернул с натугой: ноль... ноль... один... Прижал к уху трубку.

Комар в наушнике уже не пищал. Там была большая прозрачная тишина п р о с т р а н с т в а. Вдруг в ней что-то щелкнуло.

— Ежики...— сказал близкий, очень знакомый голос («Ешики!») — Ешики, это ты?

Он задохнулся. Оглушительно застучали старые часы. Но сквозь этот стук донеслось опять:

— Ешики, это ты, малыш?

— Да...— выдохнул он со всхлипом.

— Ешики... В дверь налево, потом лестница на третий этаж. Там комната триста тридцать три. Беги, малыш, беги, пока светит луна...

Оглушающий звон опустился на него... Нет, это опять звенит в наушнике! Ежики бросил трубку. Метнулся... Дверь налево...

О, как мчался он по лестнице, по коридору, сквозь полосы бьющей в окна луны! Он рвал эти полосы ногами и грудью, рвал воздух, рвал расстояние!.. Но где же хоть одна дверь? Где?!

Наверно, здесь не третий этаж! Надо вверх!.. Какие-то ступени в темноте, круглый поворот стен, пол идет наклонно, все выше, опять поворот... Прогудел под ногами металл невидимого решетчатого трапа над пустотой. Потом — ра-раз! — пустота эта ухнула, раскрылась впереди, сжала грудь.

Нет, он упал не глубоко, с высоты не больше метра. И не на камни, на упругий пластик. Вскочил. Было пусто, темно, гулко. Лишь далеко где-то сочился лунный свет.

Куда бежать?

И тогда Ежики закричал в горе и отчаянье:

— Мама, где я?!

Щелкнуло в темноте. Мягкий мужской голос (явно из динамика) сказал:

— Что случилось?

— Где третий этаж?!

— Здесь третий этаж.

Пустота налилась розоватым светом. Круглый вестибюль и двери, двери, двери... Над одной пульсируют стеклянные жилки-цифры: 333.

Ежики задохнулся опять, со стремительного разбега ударился о дверь, откинул ее...

В белой комнате за черным столом сидели Кантор, незнакомый человек и доктор Клан.

Темно стало.

Ничего не стало...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

У СИНЕГО МОРЯ, НА КРАЮ САХАРЫ

Константин КЛИМОВСКИЙ

ЧТО ТАКОЕ «ДЖАМАХИРИЯ»?

Двадцать лет назад, 1 сентября 1969 года, группа молодых офицеров во главе с Муамаром Каддафи свергла короля, и на карте Африки появилась Ливийская Арабская Республика. Восемь лет спустя страна получила новое имя — Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия.

«Джамахирия» созвучно слову «джумхурия», что означает «республика». И поначалу в нашей прессе Ливию так и продолжали называть. Но ливийцы, говорят, запротестовали: перевод неверен. «Джамахирия» восходит к слову «джамахир» — «массы». И, стало быть, «джамахирию» можно перевести как «государство масс». В новом названии отразились важные перемены в жизни страны. Повсеместно стали создаваться народные собрания и народные комитеты, которым теперь принадлежит вся полнота власти на местах.

Название Ливийской Джамахирии довольно часто мелькает на страницах газет и журналов, в сводках радио- и теленовостей. Нередко это связано с обострением американо-ливийских отношений. Так было в апреле 1986 года, когда самолеты США нанесли бомбовые удары по городам Триполи и Бенгази. Так было в январе нынешнего года, когда американские пилоты сбили над нейтральными водами Средиземного моря два ливийских патрульных самолета. Предлог для подобных пиратских действий, как правило, один: борьба с международным терроризмом, к которому якобы причастна Ливия. Но подлинная причина в другом: не по душе западным державам антиимпериалистический курс ливийских руководителей. Ливия, к примеру, постоянно поддерживает борьбу палестинских арабов за право создать собственное государство. Ливия резко выступала против размещения американских ракет в Европе.

Но у Ливии немало и друзей — в арабском мире, в социалистических и развивающихся странах. Добрые отношения у нее сложились и с Советским Союзом. В Ливии можно встретить наших геологов, нефтяников, строителей, других специалистов. А где специалисты, там и переводчики. Нередко сюда попадают на практику студенты и выпускники языковых вузов. В качестве практиканта довелось побывать в Ливии и мне.

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Когда-то, в средние века, ее стен касались набегающие волны Средиземного моря. Сейчас же от водной глади она отделена дорогой, за которой шумит современный морской порт. А в самой крепости — национальный музей.

Каменные орудия и наскальные росписи эпохи палеолита. Экспонаты времен Пунических войн. Скульптурные работы и мозаики Древней Греции, Рима, Византии. Предметы быта и народного искусства кочевников-бедуинов. Документы и фотографии нефтяных промыслов в пустыне... Все это фрагменты истории Ливии, на территории которой оставили свой след различные цивилизации.

Полагают, что в античные времена на месте нынешней крепости стоял древнеримский храм. Арабы, пришедшие сюда в середине седьмого века, построили на его обломках цитадель. Возвышаясь на скалистом мысу, она оберегала жителей Триполи от нападений с моря.

Выгодное положение цитадели по достоинству оценили рыцари ордена иоанитов, основанного в двенадцатом столетии крестоносцами. Когда в 1523 году турки нанесли крупное поражение рыцарям на Ближнем Востоке, часть оставшихся в живых членов ордена перебралась на Мальту, другая же часть нашла прибежище в Триполи. Здесь они перестроили цитадель, укрепив ее тремя круглыми башнями, бойницами для артиллерии, амбразурами. Но это не спасло крестоносцев. Три десятилетия спустя турки добрались и сюда, и ливийские территории вошли в состав Османской империи, а крепость почти на четыреста лет стала резиденцией турецкой администрации. Перед первой мировой войной турок сменили итальянцы. Но на этот раз чужеземным захватчикам пришлось столкнуться с отчаянным сопротивлением местного населения. Начавшаяся в 1923 году война между итальянскими войсками и ливийскими патриотами продолжалась около восьми лет. Восставшие племена возглавил национальный герой ливийского народа, бывший учитель, шейх Омар аль-Мухтар. Но восстание потерпело неудачу, а сам Омар был ранен, взят в плен и казнен.

Казалось бы, поражение фашистской Италии во второй мировой войне открывало путь к свободе ее колониям. Но Ливия попала под управление английской и французской администраций. Властвовать новым хозяевам, однако, оставалось недолго. В 1951 году Ливия была провозглашена независимым государством, но король Идрис I не смог противостоять натиску империалистов Запада. В стране хозяйничали иностранные монополии, которых очень привлекали богатые месторождения нефти. А на ливийской территории появились сначала английские, а затем и американские военные базы.

Положение изменилось после революции 1 сентября 1969 года. Недавно ливийцы торжественно отметили ее двадцатилетие. Срок небольшой, но путь пройден немалый. Иностранные военные базы ликвидированы. Возводятся крупные промышленные объекты, строится жилье. Ведется борьба с неграмотностью. Образование и медицинское обслуживание бесплатны. Природные богатства, и главное среди них — нефть, служат народу.

«ТРИПОЛИС» ЗНАЧИТ «ТРИ ГОРОДА»

Сразу за Старой крепостью начинается «медина» — старый город. Глухие стены невысоких домов (окна, как правило, выходят во внутренние дворики). Приземистые мечети с вознесенными ввысь минаретами. В узких извилистых улочках легко заблудиться, хотя в конце концов они обязательно выведут путника к арабскому базару, на котором можно купить все что душе угодно, а главное — вдоволь поторговаться. Раньше здесь продавались преимущественно изделия народных мастеров, которые изготавливались тут же,— ремесленные лавки примыкали к базару. Ливийские умельцы славились шерстяными коврами, обычно красного или желтого цвета с четкими геометрическими узорами, золотыми и серебряными вышивками на мужской и женской одежде, кожаными и ювелирными поделками. Сейчас на базаре в основном современные товары: магнитофоны, косметика, «варенки», обувь, игрушки, которые после открытия в прошлом году границ Ливии с Тунисом привозят сюда деловитые жители соседней страны.

Рядом с базаром зеленый рынок. На больших подносах, а то и прямо на земле выложены горы душистых ливанских яблок, румяных тунисских груш, редких даже для Ливии ананасов и кокосовых орехов. Много цитрусовых: лимоны, мандарины, апельсины продаются буквально за копейки, именуемые здесь дирхемами.

Но самое распространенное и любимое лакомство ливийцев — это финики. Финиковую пальму на Востоке называют царицей всех деревьев. Только в Ливии насчитывается около четырехсот ее видов. Она упоминается в священной книге мусульман — Коране. Изображение финиковой пальмы можно встретить на коврах, одеждах, изделиях чеканки. Ее очертания просматриваются даже в силуэтах минаретов. Официальное название октября в ливийском календаре — «месяц фиников». В год, когда пальма впервые приносит плоды, арабы устраивают праздник. Всей семьей собираются они у дерева, читают молитву, благодарят аллаха за милость.

Чтобы вырастить плодоносное дерево, нужно пять — десять лет. Для нормального развития пальмы необходимы особые условия, чтобы, согласно арабской поговорке, «голова у нее была на солнце, а ноги в воде». И если с солнцем в Ливии нет проблем, то с водой дело обстоит хуже. Горячее дыхание пустыни ощущают на себе и жители прибрежной полосы субтропиков. Поэтому так радуются дождю ребятишки, которые нагишом выбегают на улицу и хором кричат разные стишки типа: «Лей, лей посильней! Будут финики вкусней!»

Большие надежды у ливийцев на проект «Великая река». Так назвали строительство трубопровода длиной в тысячу девятьсот километров, по которому из подземных кладовых Сахары жителям приморских городов Триполи, Бенгази, Сирта ежедневно будет доставляться около ста тысяч кубометров пресной воды. Эти источники обнаружены во время нефтеразведочных работ на глубине трехсот метров. Тогда-то и родилась идея доставить оттуда живительную влагу в густонаселенные районы, прилегающие к побережью. Но не только городам нужна вода. Часть ее пойдет на орошение полей и плантаций, чтобы обеспечить страну собственными овощами и фруктами...

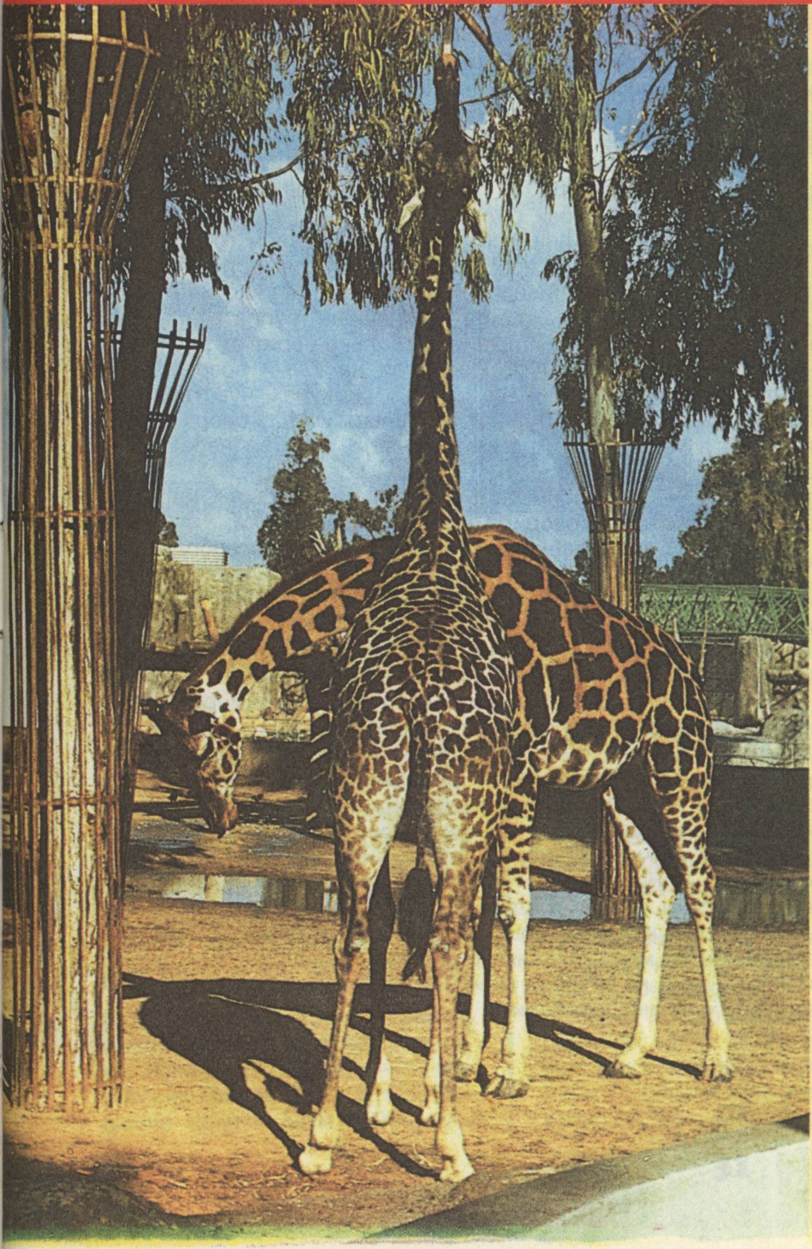
Есть в старом городе перекресток, на котором рядом с мечетью времен турецкого владычества стоит арка Марка Аврелия, названная так в честь римского императора, правившего во втором веке нашей эры.

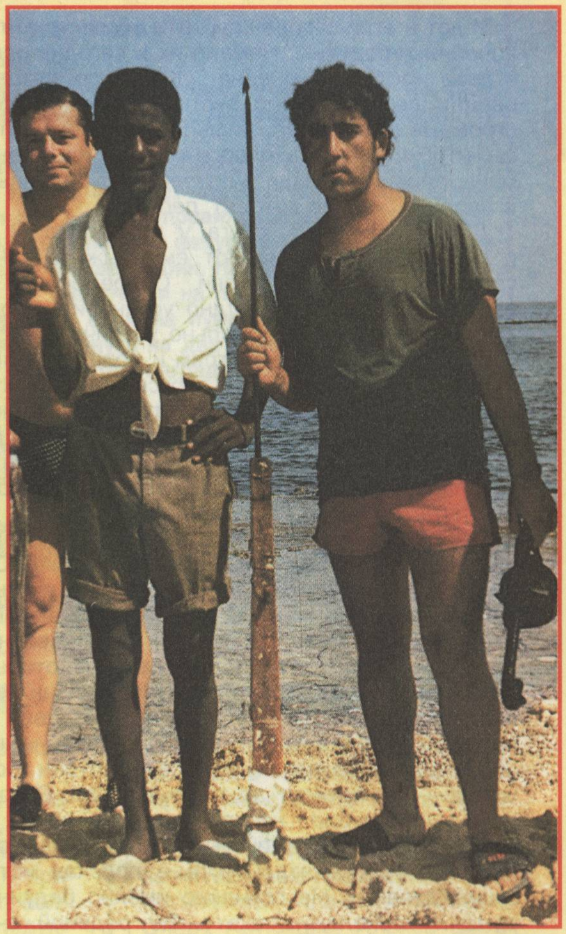
Эта арка — один из немногих уцелевших памятников древнего города Эа, заложенного еще финикийцами. Кстати, именно Эа да еще двум небольшим городам Лептис-Магне и Сабрате обязана столица Ливии своим названием. Ведь «Триполис» по-гречески означает «три города». Но если Эа «растворилась» в нынешнем Триполи, то Лептис-Магна и Сабрата существуют по сей день.

А к югу от средневековой «медины» выросли кварталы современного Триполи, высотные здания, красивые гостиницы. Здесь сооружены просторные автомагистрали. В городе много маленьких кафе, где можно посидеть, выпить чашечку чая или черного кофе. Сами же ливийцы предпочитают «капучино», кофе с большим количеством молока. Этот напиток итальянского происхождения, о чем нетрудно догадаться по его названию. На каждом шагу продаются кока-кола и «марада» — так здесь называют известную нам фанту. Спиртные же напитки, согласно

Фотографии автора.

Древнеримский театр в Сабрате.
Ловцы кальмаров.
В столичном зоопарке.

мусульманским предписаниям, продавать и употреблять запрещается. В стране сухой закон, и соблюдается он неукоснительно.

ПУСТЫНЯ И БЕДУИНЫ

Без этих двух понятий Ливию представить просто невозможно. Ведь Ливийская пустыня, одна из самых бесплодных и жарких областей Сахары, занимает более девяти десятых территории страны. Кое-где пески подступают прямо к морю, и порою кажется, что они способны поглотить водное пространство. Не этими ли картинами были навеяны стихи Николая Гумилева, посвященные Сахаре?

...пустынные ветры горды
И не знают преград своеволью,
Рушат стены, сады засыпают, пруды
Отравляют белеющей солью.
И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.
Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.
И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

И вот в этой суровой пустыне издавна жили люди, кочевники-бедуины. Немало их и сегодня среди просторов «золотого океана». Кочуя со стадами коз, овец и верблюдов по пустыне, они преодолевают огромные расстояния. Лишь изредка заходят в оазисы, чтобы обменять мясо и молоко на пшеницу, ячмень, оливки и овощи. Употребляют бедуины в пищу и саранчу: из нее готовят лепешки.

Два неразлучных друга у кочевника — палатка и верблюд. Они помогают ему выжить в нелегких условиях бродячей жизни. Современная палатка весьма удобна: ее нетрудно установить, можно быстро разобрать, она довольно устойчива и способна противостоять любым ветрам и дождю. Палатка делится на две половины — мужскую и женскую. Внутреннее ее убранство небогато: лишь циновки да ковры, на которых спят и едят, здесь же бурдюки с мукой и жидкостью, кое-какая кухонная утварь. При переездах все это укладывается на верблюда — и в путь.

Верблюд для бедуина и основная тягловая сила, и единственный вид транспорта в пустыне. О выносливости и неприхотливости «кораблей пустыни» известно всем. Но мало кто знает, что выращивание верблюдов — дело непростое. Эти животные чувствительны к сырости, подвержены некоторым заболеваниям, а продолжительность их жизни не превышает тридцати пяти — сорока лет. Недавно в Ливии принят закон о защите верблюдов. За умышленное убийство одного животного предусмотрен громадный штраф — от пятисот до тысячи динар. От одной до двух тысяч рублей на наши деньги.

Чтобы выжить в пустыне, надо было проявить немалую изобретательность в поисках источников существования. Не случайно именно бедуины «придумали» соколиную охоту. Ее родиной считается Аравийский полуостров, откуда она попала к кочевникам других арабских стран, а после стала популярной и в Европе. Любителей соколиной охоты можно встретить в Ливийской пустыне и сейчас.

Пойманного молодого сокола сначала приручают. Хозяин выбирает ему имя, начинает кормить с руки. Когда сокол приучается есть таким образом, его выпускают из клетки и, привязав к лапке длинную веревку, подбрасывают вверх. Птица должна откликнуться на зов хозяина и принять из его рук как пищу, например, дрофу, на которую ей в будущем охотиться. Кроме того, соколы используются для ловли кроликов и газелей. Обучение длится от десяти дней до месяца. Когда хозяин убеждается, что сокол окончательно приручен, он обрезает веревку и сажает птицу на плечо. Соколиная охота в наши дни — привилегия состоятельных людей, ибо птицы сто́ят недешево. Поэтому ею больше увлекаются шейхи племен.

НАСЛЕДНИКИ ОМАРА АЛЬ-МУХТАРА

Будучи в Ливии, я внимательно присматривался к жизни ребят: какие они, чем отличаются от наших? Я видел подростков, работавших в маленьких магазинчиках, в небольших ремонтных мастерских, помогавших пастухам и земледельцам. Однажды на берегу моря встретил двух мальчишек, возвращавшихся домой с неплохим уловом: на железном пруте висело с десяток кальмаров. А добыли они их во время подводной охоты при помощи самодельного ружья.

В Ливии, как и повсюду на Востоке, ребята рано приучаются к труду, они дисциплинированнее некоторых своих зарубежных сверстников. Хотя, по правде говоря, озорных и непослушных там тоже хватает. Наблюдая маленьких ливийцев в школе, в зоопарке, просто на улицах, я убедился, что они так же любознательны и непосредственны в своих поступках, как и наши ребята. И так же серьезны, когда заходит речь о судьбах родины.

Мне запомнилась встреча в древнем городе Лептис-Магна, где проходили съемки совместного советско-турецко-ливийского фильма. Для участия в некоторых эпизодах была приглашена группа всадников. Среди них оказалось и несколько ребят от десяти до шестнадцати лет. Несмотря на юный возраст, они лихо держались на вороных скакунах, чувствуя, что ни в чем не уступают взрослым. Из разговора с ними я узнал, что многие с раннего детства неразлучны с лошадью.

— Мы хотим быть такими, каким был Омар аль-Мухтар,— говорили маленькие всадники.

О легендарном герое национально-освободительной борьбы знает в Ливии и стар, и млад: день его гибели, 16 сентября, отмечается в стране как день памяти жертв итальянской оккупации. Но особенно популярен он среди подростков. Нужно было лишь однажды побывать на сеансе в столичном кинотеатре, чтобы убедиться в этом. Шла американская лента «Омар аль-Мухтар. Лев пустыни». Затаив дыхание, потомки и наследники аль-Мухтара следили за стремительными рейдами ливийских партизан. И хотя финал был известен заранее, ребята верили в победу своего кумира. Ведь в конце концов так оно и случилось: народ Ливии завоевал свободу.

...Недавно у стен Старой крепости построили бассейн, чтобы создать у посетителей иллюзию, будто она, как и встарь, стоит на самом берегу Средиземного моря, охраняя подступы к Триполи. Эта символика не лишена смысла: «пираты» в наши дни пока еще не перевелись.

Добрый день, друзья!

Помните, в № 6 за этот год мы опубликовали настольную игру художника Владимира Голицына «Пираты»? И..

Такого количества откликов в редакцию никто не ожидал — более 600! Почти в каждом письме — просьба продолжить знакомство с играми В. Голицына.

Сегодня предлагаем еще одну интереснейшую игру, под названием «Беглые».

Надеемся, что у вас, ребята, проснется яростный интерес к географии, истории, литературе. Именно эту цель и преследуют голицынские познавательные игры.

Ну, а самых-самых любознательных в конце ждет сюрприз. Внимательно читайте — не пропустите!

Но сначала — слово **Иллариону Владимировичу Голицыну**, сыну В. Голицына.

Дорогие ребята!

Я хочу сразу поблагодарить вас за письма про «Пираты». С волнением прочитал все до единого! Спасибо. Вы большие молодцы.

Игра «Беглые» — одна из редких НЕ морских игр моего отца, художника и изобретателя Владимира Голицына (1901 — 1943). Сделанная в 1938 году, она осталась в виде эскиза. В те годы не было никакой возможности ее напечатать.

Как всегда, отец оттачивал правила игры, по многу раз повторяя ходы, и находил лучшие варианты, играя с нами, его детьми, и нашими друзьями. Нам нравился забавный кубик, манили пути-дороги Древней Руси, удивляли таинственной красотою названия городов: Старица, Пошехонье, Суздаль, Белоозеро, Свияжск... Не очень хотелось, чтобы тебя зверь заел, не хотелось сесть в тюрьму или утонуть в болоте. Мы, дети, рвались на Дон, воображая себя смелыми, вольнолюбивыми казаками.

Отец дружил с историком, академиком Степаном Борисовичем Веселовским, и консультировался с ним по поводу игры «Беглые».

Сегодня, когда впервые появилась возможность опубликовать «Беглых», мы решили не перерисовывать карту, сохраняя очарование авторского эскиза. Правила игры и обозначение значков, написанные отцом на карте от руки, даны нами повторно.

Художник
Илларион Голицын

БЕГЛЫЕ,
или «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день»

Настольная игра для юных историков.
Составил В. Голицын

Игра на тему о крепостных крестьянах Кирилло-Белозерского монастыря, убежавших на Дон в царствование Федора Иоанновича и после ряда приключений ставших Донскими казаками.

ПРАВИЛА ИГРЫ: Играют 2—6 человек. Фигурки крестьян ставятся в Кирилло-Белозерский монастырь. По жребию бросают кубик. Выходить из монастыря можно, когда на кубике выпадет «побег», или «Юрьев день». Каждый «убежавший» выбирает себе дорогу по своему вкусу. Каждый ход, как правило, передвигает фигурку на один пункт. Около каждого пункта изображена одна или несколько условных фигур, объяснение коих дано на таблице на верху карты. Перед тем как ходить, каждый играющий бросает кубик. На кубике изображены те же условные знаки, что и на путях. Если на кубике выпадет тот же знак, что и на пункте, на котором стоит фигурка, то с ней поступают согласно указанной таблице. Например: если на пункте, где стоит фигурка, изображен конь и на кубике выпадет тоже конь, то фигурку можно двинуть на два пункта. На месте стоять воспрещается, если фигурка «свободна». Если на кубике выпадет «побег», то в награду играющий кидает кубик еще раз.

Выигрывает тот, кто первый дойдет до устья Донца.

Ребята, БЕГЛЫХ КРЕСТЬЯН вы можете сделать из бумаги сами. Примерный эскиз мы вам даем. Также самостоятельно смастерите КУБИК — на деревянную основу наклейте нашу развертку.

Внимание! В заключение — сюрприз. ВОПРОС ДЛЯ САМЫХ-САМЫХ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ:

Расскажите, что вам известно о Юрьевом дне? Почему именно в этот день крестьяне в 15—16-м веках имели возможность «бежать» от своих хозяев?

Тем читателям, которые дадут наиболее полные ответы, напишет И. В. Голицын — сын доброго художника, придумывавшего увлекательные настольные игры.

ТЕМ, КТО ИГРАЕТ В «ПИРАТЫ»

Хотим извиниться за ряд неточностей, которые появились по нашей вине. Спасибо Славе Дятлову, заметившему главную ошибку. Конечно же, на вертушке должен быть голубой цвет (свежий ветер) между красным (ураганом) и желтым (штилем).

Теперь о правилах игры «Пираты»: много вопросов возникло о количестве кораблей. Уточняем: испанских галеонов — 3, пиратских бригантин — 6. Соотношение один к двум самое лучшее — получается равновесие сил.

Есть вопросы по поводу «урагана». Корабль погибает, если ураган выбрасывает его на берег (там, где нет клетки), причем только в том случае, если «ураган» повторится в следующий по очереди ход.

Много жалоб на слишком маленькую карту. Конечно, большие (лист ватмана) игры Владимира Голицына при уменьшении много теряют, но, ребята, вооружитесь лупой, и вы все прочтете, а мы в «Пионере» будем думать, как сделать карты больше.

Особо хотим поблагодарить за интересные письма и игровую активность Алексея Куркина, Славу Артюхова, Алекса Цыганова, а Аню Бойко — за остроумие. Безымянному мальчику из Уфы, который живет по адресу: 50 лет СССР, дом 45, кв. 16,— спасибо за неравнодушное отношение к жизни.

БЕГЛЫЕ
Настольная игра юных историков сост. В. Голицын
Монастырь
Помещик
Острог
Заблудился в лесу
Зверь заел
Умер от болезни
Утоп
Утоп в болоте
Плен
Арест
Разбойник
Лодка
Лошадь
Побег
Юрьев день
Кирилло-Белоозерский м-рь
Белоозеро
Кадников
Вологда
Череповец
Грязовец
Чухлома
Пошехонье
Боровичи
Любим
Галич
Валдай
Молога
Кр. Холм
Макарьев
Выш. Волочек
Бежецк
Кострома
Углич
Ярославль
Кинешма
Юрьевец
Кашин
Калязин
Ростов К.
Осташков
Торжок
Тверь
Переславль
Шуя
Лух
Городец
Старица
Александров
Юрьев
Суздаль
Дмитров
Тр. Сер. Лавра
Стародуб
Ржев
Клин
Владимир
Нижний Новгород
Макарьев м-рь
Чебоксары
Свияжск
Казань
Зубцов
Волоколамск
Москва
Звенигород
Муром
Можайск
Арзамас
Казьма
Боровск
Выксунский м-рь
Алатырь
Коломна
Касимов
Малоярославец
Серпухов
Темников
Кашира
Калуга
Кадом
Симбирск
Алексин
Рязань
Мещевск
Перемышль
Тула
Лихвин
Козельск
Одоев
Белев
Скопин
Ряжск
Брянск
Болхов
Шацк
Волга
Ока
Кама
Сура
Мокша
Ветлуга
Вятка
Унжа
Сухона
Молога
Шексна
Тверца
Угра
Москва
Клязьма
Цивиль
Свияга
Мста
Жиздра
Дон

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ к игре «Беглые» ты найдешь на странице 61, а развертку кубика — на странице 62.

ЗИМНЯЯ ДЕВОЧКА

Сергей ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 11.

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО.

Однажды пожилая одинокая женщина находит на улице девочку. Она берет девочку к себе и называет ее Таней. Кто Танины родители и где они, неизвестно. Сама Таня смутно помнит только деда да еще какие-то ледяные горы, о которых умеет очень интересно рассказывать. Девочка растет. Она уже второклассница. Неожиданно Таня замечает в себе странные способности. К примеру, она умеет летать, читает чужие мысли, понимает язык животных и может с ними разговаривать. Как-то раз вожатый Тани, Вадим, просит ее помочь стащить у своего знакомого мальчика, Гришки, книгу, которую тот «заиграл» у Вадима. Таня помогает Вадиму, но обнаруживает, что книга имеет штамп библиотеки и, стало быть, ее нужно туда и вернуть. Девочка, влетев через форточку, забирает книгу у Вадима и отправляется в библиотеку. Гришка пытается ее удержать.

Будущий полярный летчик

Пасмурный ноябрьский денек стоял в ожидании вечера. Огромная церковь впереди — как говорят, самая большая в Москве — бледно светилась сквозь хмурь синим, белым и золотым. А за церковью — еще немного пройдешь — высокая ограда, и там, в глубине, среди деревьев стоит двухэтажный дом — старинный, с большими старинными окнами, со старинным балконом, сделанным из черных чугунных кружев. И название у дома старинное: особняк. В нем как раз и есть библиотека имени Пушкина.

Перед тяжелой железной калиткой Таня остановилась.

— Ладно, хватит тебе,— сказал Гришка.— Не ходи!

Она снова ему не ответила. Стояла и смотрела на дом, который ей очень нравился своей старинной красотой. Только было видно, что он очень устал. Но если б ему сделали ремонт, он бы сразу вздохнул с облегчением, смог бы отдыхать по ночам, а не стоять, сжавшись из последних сил, как ему приходилось теперь.

«Жалко, что я здесь никогда не бывала»,— подумала Таня. И вдруг, словно совсем ни с того ни с сего: «Жалко, что я здесь никогда больше не буду!»

Сразу сердце у нее заболело. Так, наверное, болит у бабушки, когда в квартире начинает пахнуть валокордином. И Таня крикнула себе: «Нет, буду, нет, буду!» — тоже вроде лекарства. И скорее пошла к дому, в то же время стараясь поздороваться с каждым деревом. Сзади она слышала Гришкины торопливые и нерешительные шаги — боялся. А все-таки шел!

Таня вбежала на крыльцо, быстро оглянулась:

— Дальше не ходи.

Открыла дверь — тяжелую, на упрямой пружине... Но стоило с нею потягаться: перед Таней была прямая белая лестница. И в конце ее, наверху, как вельможа или даже как сам царь, стояло неподвижно огромное, с полу до потолка, ясное зеркало в черной раме. Хотелось пройти эту лестницу не спеша, словно ты Снежная Королева... От этой мысли Таня почему-то вздрогнула и через ступеньку помчалась по лестнице — как в школе, когда опаздываешь из буфета на урок.

Так она и влетела в читальный зал, лишь тенью мелькнув в прекрасном зеркале. И сразу оказалась перед деревянным барьерчиком, за которым стояла женщина с тонкими накрашенными губами и взглядом, который как примагнитится к тебе, так не вырвешься. И еще было понятно, что она курит.

— Я нашла книгу.— Таня положила «Мертвые души» на конторку.

Женщина хотела сказать, что сюда не входят в верхней одежде... Да и ноги, наверное, эта девочка забыла выте... Но увидела книгу!

— Где же ты нашла ее?!

«А зачем ей — где?» И ответила:

— В сквере, там, возле церкви.

Женщина нервно и бережно полистала книгу. А взглядом ни на миг не отпускала Танины глаза:

— Видишь ли... Тут нет следов ни дождя, ни снега.

— Значит, я вам не скажу! — Тане стало нестерпимо жарко. Она скорее стянула шапку, расстегнула пальто.

— Так, может, это ты ее... отсюда потеряла?

— Я здесь первый раз! — И вдруг добавила: — А больше никогда не приду!

— Интересно... Книги, что ли, не любишь?

Нет, она любила, именно любила книги, и библиотеку эту, и людей на улице, и машины, и всю Москву, и всю жизнь.

— Что же ты молчишь?

— Я уезжаю.

— Далеко?

— Я не могу вам сказать... Я, вернее, не знаю.

— Странная ты девочка. Только не гордись этим. «Странная» еще не значит «хорошая»... Теперь ты мне должна сказать кто! — Она постучала ногтем по кожаному переплету «Мертвых душ».

— Зачем же я вам скажу?

— Затем, что он снова может украсть. А это опасно.

— Не украдет!

В последний раз Таня услышала отголосок разговора, который тихо выползал из нечитанной ею книги. Потом она вновь мелькнула мимо зеркала, сбежала по лестнице, по которой надо ходить медленно. Навалилась на дверь... Гришка ждал ее, стоя под крыльцом, как часовой.

«Хотя бы побуду немного в этом саду»,— подумала Таня. Направо от главной дорожки шла еще одна, узенькая. Она останавливалась у припорошенной снегом клумбы, посреди которой торчали забытые почерневшие цветы и просвечивала замороженная трава. «Еще оживешь»,— подумала о ней Таня и села на лавочку, покрытую снежной бумагой. Гришка стоял напротив нее.

— Нужно, чтобы я все тебе рассказала?

— Нет! — Он так замотал головой, как будто правда этого не хотел.

— А что?

— Ничего... просто... Давай я тебя буду встречать после школы?

«Я хочу, чтобы Вадим...» Но сказала:

— Зачем?

— Ты что? Глупая? — Он в первый раз улыбнулся спокойно. И губы его то ли заморозились, то ли просто перестали болеть.

— А потом что? — спросила Таня.— Жениться, да?

Он что-то стал говорить — такое, совсем не интересное: «Ну, ты даешь! Полный обвал...» А Таня увидела этого Гришку взрослым. Ему говорят:

— Ты бы, Григорий Иванович... Совсем-то с ума не сходи! Тебе, брат, ведь уже тридцать пять квакнуло...

А он отвечает:

— Найду, понятно вам? Все равно я ее найду!

И потом его бесшумный вертолет скользит, едва не задевая лапами зеленые ледяные верхушки. А Таня, спрятавшись за торосом, смотрит, как он летит и кружит — сперва где-то рядом, а потом улетает, улетает...

Убийца

Она снимала в прихожей сапоги, когда бабушка выглянула из кухни. Лицо такое, что будь готовой ко всему! Но жизнь не угадаешь. И в этом Таня убедилась уже через секунду:

— Тебе мальчик звонил!

Нет, жизнь ни за что не угадаешь. Она, как ноты: «до», а потом ни с того ни с сего «соль»! А дальше опять «до», а дальше «ми», «фа»! И ты стоишь, плечами пожимая: это все зачем?.. А получается мелодия.

Только сейчас, увы, получалась мелодия, от которой Тане приходилось краснеть.

— И... и чего, баб?

— Да рановато, милая! — Она вроде шутила, а вроде и нет.

Тут и зазвонил телефон.

— Тебя! — И бабушка ушла на кухню.

Чувствуя сквозь колготки бугры и щербины родного пола, Таня побежала в большую комнату:

— Але...

— Я понял: это ты украла! — крикнул Вадим. И Таня легко увидела его в съехавшей на бок шапке, с черным синяком под глазом. Стоял и царапал ключом стену телефонной будки.

— Во-первых, я отдала ее в библиотеку!

Это был хороший ответ. Кое-кого мог бы поучить вести себя!

— Дура! Никогда ты не суйся в чужие дела! Усвоила, нет, что ты дура набитая?.. Только не клади трубку, а то не узнаешь самого интересного.

— Спасибо большое. Я уже, честное слово, все узнала! — Это она хотела сказать с презрением. Да, к сожалению, не всем оно удается. И получилась только обида.

Но Вадиму-то было плевать на ее голос. Он мчался, как метеорит по небу, и весь горел на лету:

— Знаешь, кто ты на самом деле? Убийца!

Существуют слова, до ужаса от тебя далекие. Скажем, водолаз — мечтай, не мечтай, все равно водолазом не станешь, и никто водолазом никогда тебя не назовет. Или, там, купец. Тоже ведь невозможно себя представить купчиной или... купчихой... И это вот мерзкое слово тоже было неприменимо к Тане — так ей казалось всегда... Нет, не казалось, это было наверняка! Теперь вдруг ее назвали у б и й ц е й.

— Я сейчас приду,— она прошептала. И почувствовала, что удивительно какие-то особенно холодные слезы ползут по ее щекам.

Бабушка все оставалась на кухне, поэтому Тане ничего не надо было объяснять, она просто выбежала на улицу... И остановилась, опомнилась: в одном платье, на ногах колготы... Дело не в холоде, а в том, как сразу все удивятся, испугаются. Хорошо, что кругом никого, легонько подпрыгнула... Трудно ли ей было долететь до родного окошка?.. Но еще на лету жуткий испуг схватил ее: «А вдруг бабушка...»

Тут она и вошла!

— Таня?.. Ты что на подоконнике делаешь?

— Я... бабушк... форточку хотела прикрыть. Дует чего-то...

— А что колготки в снегу? — Тут увидела растерянное Танино лицо: — Ну, ничего, ничего... Просто не делай так больше.

Вадим и его дочь

Вадим стоял в будке около кино «Спартак»: шапка, съехавшая на ухо, «фингал» под левым глазом — в общем, все точно. Только про пальто она забыла — две пуговицы расстегнуты, а две другие вырваны с мясом... И к этому «летчику» она бы вышла из-за тороса и помахала б рукой — пусть он ее увидит.

Но знала: Вадим не станет полярником, а главное — никогда не будет ее искать... Тане представился денек, отделенный от этого дня многими годами. Вадим идет с дочерью. Наверное, из детского сада. Так же вечернее солнышко досвечивает, как сейчас, и метель, тоже как сейчас, крутит, не торопясь, подсыпает под ноги снежку. И Таня — невидимая, неслышимая — бежит им навстречу: «Это я! Это Я!» Но не может докричаться, не может попасться им на глаза... Так иногда бывает во сне, и, может, Таня просто вспоминает сейчас сон?..

Вадим по-прежнему ведет за руку свою дочь.

— Пап,— она говорит,— смотри, как снег красиво переливается,— и показывает прямо на Таню.

— Где снег? — говорит Вадим. Он и дочку-то свою не замечает, он все думает, думает.— Переливается?.. А, верно...

Вадим увидел быстро шагавшую к нему Таню:

— Слушай, как ты меня нашла? — но спросил это без радости, без удивления, а просто как ученый, который оторвался от микроскопа: мол, во, надо же, новая бактерия появилась. Посмотрел на Таню, задумчиво изучая,— правда, как на бактерию: — Ну, отвечай!

Таня подумала наврать. Причем что-то нескладное, длинное: якобы Гришка всегда звонит ей из этого авто... Она просто пожала плечами.

Вадим прищурился, закусил губу, так стоял некоторое время.

— Я не собираюсь узнавать, как ты залезла ко мне в квартиру и как ты своим рассказом усыпила Гриху-дурака. И как ты меня нашла... Мне чихать на это! Поняла? Я не собираюсь тобой восхищаться. Кто ты и как ты — да будь кем хочешь. Я с вами в эти игры про сказки не играю.

— Ну и не играй! — пролепетала она.— Тебя не заставляют...

— Помолчи! И послушай... Сумела мне все испортить, сумей починить... Хоть фокусы индийские показывай, а мне нужно, чтобы она осталась жива.

Таня, стоявшая до этого с опущенной головой, быстро глянула на Вадима:

— А?!

— Ворона-кума!

История совы

История совы?.. Да, так правильно будет назвать эту главу. История совы началась на Птичьем рынке в Москве. Его не стоит здесь описывать. Его уже описывали не раз. Скажем лишь, что он огромен, что зверей тут, наверное, больше чем в зоопарке. И даже, говорят, там задумчиво бродит человек с медведем на ремне. У него спрашивают: «Э, мужик, вы чего? Медведя продаете?» — «Ищу,— отвечает,— того парня, который мне год назад его за хомячонка подсунул».

Вадим бывал на Птичьем каждое воскресенье. Покупать не покупал. Но смотреть-то можно и задаром — правда? И вот однажды его остановил разговор:

— Она почему у тебя белая-то вся?

— Белая?... Окрас такой!

Вадим обернулся. Мужчина, несмотря на очень позднюю, почти что «зимнюю» осень, одетый всего лишь в легкий плащ, из-под которого виднелась красная от мороза голая грудь, продавал красивую и крупную носатую птицу, сидевшую в тесноватой, петушиной какой-то, канареечной клетке. Рядом стоял покупатель и, как водится, хаил «товар», сбивая цену:

— Седая какая-то... Она у тебя что, старая? Или несчастная? — И засмеялся. Такому человеку не то что сову, таракана, холерного микроба не надо продавать. У него была физиономия мальчишки-мучителя. Хотя он уже был парнем лет пятнадцати с соответствующей стрижкой и при рокерской куртке.

— Это полярная сова,— ответил продавец спокойно и даже чуть сурово.— Потому что я полярник!

Парень оглядел продавца с ног до головы... Продавец, конечно, не был полярником. И дело тут не в подозрительном плаще, а во всем его нечестном виде. И сову, вернее всего, он стащил у кого-нибудь.

Продавец и покупатель еще постояли друг против друга какое-то время, а сова словно совсем безучастно ждала, чем это кончится. Наконец они сторговались, будто речь шла не о живой птице, а о цигейковой шапке, покупателю хотелось получить сову, а продавцу — поскорей от нее избавиться.

— Ну и на что она тебе? — спросил продавец, который наконец-то мог не расхваливать сову на все лады.

— Чучело сделаю! — засмеялся покупатель.— Неужели кормить ее!

На что продавец был равнодушным человеком, но и он, казалось, испугался. Что-то там затоптался на грязном снегу, полез в карман. Но, видно, очень уж не хотелось ему возвращать деньги. И, засмеявшись опять, покупатель пошел прочь. А Вадим, крадучись, пошел следом: он-то испугался по-настоящему! А сова сидела в тесной клетке, ничего не подозревая, и только крылья ее, наверное, затекли, как затекают у человека руки, связанные веревкой.

Потом Вадим догнал этого парня, покупателя, которого фамилия, как потом выяснилось, была Прибылов... Он догнал Прибылова и спросил как бы небрежно, правда ли тот собирается делать чучело. Если да, то он, Вадим, мог бы посоветовать первоклассного чучельника.

Прибылов был человек безобидный, но когда где-то слышался запах выгоды, он ее первый как раз и слышал! Денька два Прибылов поскучал в ожидании чучельника, потом еще денька два слушал рассказы Вадима, что, мол, у полярных сов сейчас начинается линька и данная птица должна стать нежно-синей с лазоревой окантовкой... Дверца при этом была надежно заперта на висячий замок, а сама клетка цепью прикована к батарее.

Еще через денек Прибылов сказал словно бы просто с неба:

— Продавать не буду, а поменяться могу!

Вадим понял, что играть в прятки тут больше нечего, и они приступили к переговорам.

Странно, конечно, было, что здоровый пятнадцатилетний дядя что-то будет требовать с простого шестиклассника. Но дело в том, что Прибылов безошибочно чувствовал, где можно что-то ценное вытребовать, а где нет. Поэтому он бы и с грудного младенца тянул, если б знал, что дело «выгорит».

И он сказал, что за сову ему нужна книжечка, прижизненное издание какого-нибудь классика.

— Что такое «прижизненное»? — просила Таня.

— Ну вот смотри: Пушкина или Гоголя сколько хочешь книг, и у тебя есть, и у меня, и у всех. Но это новые книжки. А Прибылову нужно старую — чтобы она еще при жизни вышла того, кто ее сочинил.

— А зачем?

— Ну, ценится у этих, у коллекционеров... Дорого стоит!

Оказывается, Прибылов собирал книги: ему «умные люди» объяснили, что книги никогда не подешевеют, а будут только дорожать. Не простые, конечно, а старинные. А чучело совы он хотел посадить наверх, на книжные полки. Потому что сова в старые времена обозначала мудрость.

У Вадима план был уже готов. Он пошел к Гришке: «Хочешь денег заработать?» А Гришка

ведь сам не знает, чего он точно хочет. Но «денег заработать» теперь считается, что этого хотеть хорошо. Гришка и говорит, дурачок: «Хочу! Конечно!»

Тогда Вадим отвел его в читальню Пушкинской библиотеки... А там много лет работала Вадимова тетя — пока не умерла. «Вот шкаф,— говорит,— вот вторая полка, вот эти две книги, хватай любую... А вот ключ от шкафа». Там буквально ничего не изменилось с тех пор, как тети не стало... А что там, собственно, может измениться?

Гришка взял газету «Советский спорт», сел за столик и принялся якобы читать, а Вадим стал звонить из автомата якобы взволнованным голосом: «Татьяна Михайловна, ай, Татьяна Михайловна, ой...» А библиотекарши, они в общем-то никогда ничего плохого не подозревают. Хотя их и обманывают довольно-таки часто! И пока она кричала в трубку, мол, кто там да что случилось, Гришка вытащил одну из приказанных ему книг да и был таков!

— А что ж ты сам не украл? — спросила Таня, но не потому, что интересовалась, а потому, что хотела, пусть и немного, отомстить Вадиму.

Но сей ехидный вопрос совсем на него не подействовал:

— Не украл почему? Да потому! Надо, чтоб у меня рука осталась чистая. Иначе я лечить не смогу.

И он рассказал, что великий профессор Пирогов будто бы говорил: врачом может быть лишь человек, никогда ничего не укравший.

— А как же у Гришки?!

Вадим небрежно махнул рукой:

— Не считается. Это же я просто жулика наказал!

Тут Таня опомнилась: совсем не время сейчас препираться, ставить Вадима к стенке всевозможными ловкими приемами:

— Послушай, а зачем обязательно воровать-то? Я у бабушки денег попрошу!

— «Денег». Да он, если ее чучелом продаст, столько получит — твоя бабка в жизни не отстегнет!

Таня остановилась перед этой фразой, как перед колючей проволокой. Вот как! Сова была жива, и это мешало ей стать «по-настоящему дорогой»!

Прощайте!

Она была одна в своей комнате. Говорила себе: «Ну, давай думай. Устроила беду, теперь думай!» Но другой голос в это же время отвечал: «Я же поступила честно, а раз честно, значит, правильно».— «Правильно? А сову за твою честность убьют». Вот как бывает!

Надо было спасать. Прибылов сказал: «Через двое суток сове «секир-башка». Вадим: «Врет он, не сделает, ему же надо выкуп получать». А вдруг сделает?

Таня попробовала представить, как идет к Прибылову, как открывает дверь... И вдруг поняла, что не сможет ее открыть. Тогда она представила, что выходит во двор прибыловского дома, чтобы

подпрыгнуть, и... тоже не смогла. Она поняла, что не сможет туда проникнуть. Поняла, что никогда не увидит сову!

Разучилась я, что ли?.. Значит, я стала, как все? Но знала: никогда не стать ей просто девочкой!

Из-под двери из большой комнаты, где была сейчас бабушка, к Тане ползло беспокойство. Тихо она выглянула в бабушкину комнату... у них комнаты смежные; только выгляни — вот тебе и бабушка, Тане это всегда очень нравилось... А говорят, что смежные комнаты не ценятся. Ерунда какая-то!

Бабушка отчего-то волновалась — сама не могла понять отчего. То схватится за вязанье, то бросит и подойдет к окну. Невольно Таня подумала: «Как Гришка». И тут же услышала бабушкины мысли. Они были какие-то вообще не бабушкины. Они метались, словно стаи птиц по московскому небу, когда во время праздников их гоняют лучи прожекторов. Бабушке все казалось, что куда-то ей надо пойти. Она даже надела платье и шапку, но стояла посреди комнаты в растерянности.

— Да ты куда, ба? — спросила Таня.

Бабушка наконец заметила ее:

— Никуда... Просто масла подсолнечного купить.

— Есть ведь у нас...

— Ну так это... словом...— она не знала, что сказать, и мучилась.

Таня попробовала ей помочь:

— Муки, бабушк, муки, да?

— Нет. И мука у нас есть! — сказала бабушка растерянно.

Она тоже чувствовала, что будто бы сама себя выгоняет зачем-то из дому.

— Знаешь, просто я пройдусь. Мне что-то пройтись захотелось...

Ушла... И тут неожиданно Таня придумала, как ей спасти сову. Казалось, кто-то нарочно отвлекал ее от бабушки, так странно ушедшей.

А придумалось вот что... Сперва Таня легко и ясно представила себе деньги, которые потерялись за эти дни, пока шел снег. Под снегом ведь много чего теряется, и денег в том числе. А потом, когда наступают март и апрель, это все вытаивает и многое находится. Но теперь Таня поняла, что и за эти несколько первых дней тоже много потерялось! Сейчас она как бы летела по улицам и легко видела, как под снегом лежат оброненные копейки. Таня еще немного постаралась, и вот монеты стронулись с места и поползли! Но под снегом, а значит, все так же невидимо.

Таня едва успела распахнуть форточку — в окно к ней стали влетать пятаки, гривенники, пятиалтынные, то есть монетки в пятнадцать копеек, и алтушки, то есть монетки по три копейки, а то и двугривенные, а то и полтинники!

Таня, став на колени, собирала их, складывала в мешок из-под сменной обуви. Мешок быстро наполнялся, и Тане тяжело было возить его за собой по полу. «А куда я их потом высыплю? — она подумала.— А никуда. Мне же этот мешок больше не понадобится». И остановилась, удивленная: как не понадобится?.. Медленно, по монетке, высыпала в мешок горсть мелочи... «Откуда у меня взялась эта мысль?»

Когда мешок был полон, она стала ссыпать деньги в свою шапку. И опять неизвестно откуда подумалось: «Сыпь, не понадобится!» И опять стало не по себе... Но почему не понадобится?!

Словно в ответ ей зазвонил телефон. Звонок

был, кажется, обычный. Но Тане услышались в нем ветер и вьюга. И стук оленьих копыт по твердому насту. Хотя она никогда не слышала оленьего топа. И еще много было всего в этом простом звонке. Со страхом, с радостью Таня подняла рубку:

— Але!

И сразу поняла, что это дед. Ее родной дед!

— Я иду к тебе! — сказал он спокойно и властно.— Отворяй!

Секунды не медля, Таня побежала в прихожую. На вешалке увидела свое зимнее пальто... Не понадобится теперь... Настежь открыла дверь. Поняла: дверей недостаточно для ее грозного и доброго деда. Бегом вернулась в свою комнату, распахнула окно, и тогда он явился.

Налетела метель, всю обсыпала Таню чистейшим, невесомым снегом. Тотчас сугробы выросли по углам, на диванчике, где сидели Танины куклы, в секунду остудили жаркую батарею. Что-то менялось у Тани в душе, будто б она все это видела не раз, будто она привыкла к тому, что на кровати вместо перины и одеяла лежит гора снежинок.

Тут дед и обнял ее — огромный, с огромной седою бородой. Его объятия были не холодны и не жарки. Они были просто родные, и Таня знала, что никогда не сможет ослушаться деда... Он сказал:

— Ну, пора.

Однако Таня не могла уйти. Она не могла ослушаться деда, но и уйти она не могла. Ей страшно было испугать бабушку этими сугробами и паутиной инея у потолка. Дед понял ее. Он лишь повел плечом — явился ветер. Таня впервые видела его за такой аккуратной работой. Буквально по снежиночке он вынес сугробы в раскрытое окно. Причем не обронил их на землю, а утащил куда-то на небеса — может, обратно в тучу, из которой они просыпались.

И тогда на полу открылись мешок для сменной обуви и Танина зимняя шапка. Невольно Таня наклонилась к ним, с превеликим трудом подняла и теперь стояла перед дедом с оттянутыми вниз руками.

— Что это? — спросил дед грозно и с испугом.— Брось! Это гадость!

Но Таня покачала головой, ухнула мешок и шапку на стол. Теперь ей надо было написать записку. Она оглянулась в поисках какого-нибудь клочка. Ветер, который все еще был здесь, сейчас же угадал ее желание. Схватил тетрадку по русскому языку, взъерошил и перелистал страницы, а потом быстро вырвал листок и, красиво кувырнув его в воздухе, положил перед Таней.

И Таня поняла, что может, что должна отдавать приказания этому ветру, метели, холоду, снежным тучам на небесах... Но сейчас ей нужна была одна человеческая вещь — хотя и простая, однако абсолютно не подвластная ее могучим слугам и даже ее могущественному деду. Тане нужна была школьная шариковая ручка.

Вдруг на короткое мгновение наступил ужасающий мороз — у тополя, что рос внизу, под окном, с выстрелом отломилась ветка. Сейчас же ее подхватила метель, вынесла в Танину комнату. Корявая ветка поползла по тетрадному листку. Ветер старался, как мог,— ему приходилось угадывать Танины мысли, такие трудные даже для самого умного и ледяного ветра.

Веточка плясала над листом, пачкая его своей замерзшей кровью, корой и смолою — получались буквы и слова: «Бабушка! Это Вадиму на полярную сову». И больше палочка не смогла станцевать ни слова. Ветер немедленно вышвырнул ее в окно — всю промерзшую до костей, истертую, искрученную. Но некому и некогда было думать о ее грустной судьбе.

Дед положил Тане руку на плечо. Они посмотрели друг на друга. Взгляд этот был, наверное, еще короче, чем тот ледяной удар, который сумел оторвать ветку от родного тополя. Но Таня услышала все, что должна была услышать.

Ее жизнь среди людей кончалась навсегда. Ее полюбили здесь. И она полюбила. Ее обидели здесь. Но и она оставила после себя беду...

— Дед! А сову спасут?

Он не ответил ей, как будто не слышал...

И теперь уж она никогда не будет равнодушной к людям. Тут Таня вспомнила тех, на льдине, полярников, которых она боялась. Потом пронеслись лица всех, с кем она познакомилась в школе, на их улице, во дворе. Кого видела по телевизору...

— Я хочу остаться с ними, дед!

Нельзя. И как только кончится это мгновение, все, кто знал, кто когда-нибудь видел Таню Зайцеву, забудут о ней.

У тебя, бывшая Таня, судьба другая и другая роль. И другая жизнь — почти что бессмертная... А впрочем, не стоит загадывать.

— Но я хочу, дед! Последнее желание: пусть бабушка меня помнит. Никто не помнит пусть, а бабушка пусть помнит!

— Нельзя.

— Можно!

Что-то изменилось в его лице: дед не решился с нею спорить!

— Да, можно, хорошо.— Он снял руку с ее плеча.— А теперь уходим!

Коротким невидимым огнем вспыхнул в комнате ветер, вздрогнул лист с корявыми, непонятно как написанными буквами. И все, и пусто, и — надо же, как бывает — метель, что разыгралась на улице, словно балуясь, плотно прихлопнула распахнутые неведомо кем створки окна.

Комната стала потихоньку наполняться теплом.

До самой смерти

Ведь это не бывает, чтобы все вдруг сразу забыли одного человека. Но так случилось: словно бы звучала в душе какая-то песенка и — нет ее!

Учительница получила от сына письмо. Сын писал, что поправляется, что нога срослась хорошо и костыли ему скоро не понадо... Тут учительница вдруг сказала себе: «Все, как она мне обещала...» Она? Кто «Она»? Поглядела на улыбающуюся фотографию сына. Потом зачем-то взяла классный журнал. Она сидела в учительской, и совершенно одна.

Открыла страницу, стала читать имена своих учеников: Артемов Женя, Бахтина Алла, Беляев Володя, Викторов Боря, Васильева Гуля, Ельчина Лида, Журавлева Люда, Заславский Игорь, Иванова Галя... Бред, конечно, но все же на «з» была еще одна фамилия: Заславский и... Сколько у меня в классе народу? Тридцать три?.. В журнале их было тридцать два!

Она посмотрела страницу на свет — она была опытная учительница и легко заметила бы любую, даже самую искусную подтирку. Но бумага везде была одинаковая, довольно плохая, на просвет грубоволокнистая, как у всех журналов. И быстро учительница положила его на стол: не дай-то бог, зайдут и увидят... Вряд ли она смогла бы это объяснить как-то вразумительно. Больше учительница ни разу не вспомнила про тридцать третьего своего ученика.

Вадим нетерпеливо встал, прошелся по комнате — как делал какой-то разведчик из телеспектакля... Надо Таньке позво... Потом внутри у него вспыхнуло и погасло. Что такое? Вадим увидел себя в своей комнате. Он все отлично помнил, он никогда не чувствовал себя так хорошо. Пеструха глядела на него с дивана, ожидая, что, может быть, он предложит ей прогуляться...

Вроде бы я кому-то собирался звонить?.. Сова — вот в чем дело, сова! Двое суток осталось! В конце концов можно просто пойти в зоопарк: они же покупают животных... Но не хотелось, чтобы сову из одной клетки пересадили в другую... И он стал думать — думать про сову. «Стой! Ведь я что-то забыл!» Но и эта мысль сразу забылась...

Гришка отчетливо видел девочку, летящую к окну шестого этажа. Только зачем она летит, Гришка вспомнить не мог... А, ну это же мне снилось, он подумал, это же сон. И тогда ему явился еще один — про ту же девочку: как она едет среди торосов на огромнейшем медведе. Сперва подумал, это диван, а потом видит — нет, медведь!

И сказал себе: я найду ее!.. Ты рехнулся, да? Найдешь? Это же был сон. Неважно! Все равно я стану полярным летчиком. Буду там летать и найду. Но никому, конечно, ничего он сказать не мог о своем решении... Тебя ведь сразу за шизика сочтут, скажут: «Нанюхался клопомора — так и говори...»

Бабушка вдруг заметила, что по глупой задумчивости своей она уехала бог знает куда — на другой конец Москвы. Двери вагона с шипением раздвинулись, бабушка вышла на станции «Измайловская»... У московского метро много красивых станций, а такая все же единственная. У нее платформа на улице, и с одной стороны ничего особенного — просто улица, довольно обычная, какие часто бывают на окраине. Зато с другой — чистейший и белый березовый лес!

Бабушка здесь давно не бывала — лет пять или

больше. Теперь она с какой-то непонятной грустью и тревогой глядела на эту простую красоту... Ну понятно: мне же надо Танечке позвонить. Умчалась неизвестно зачем, а девочка там одна...

Бабушка подошла к автомату, и вдруг он зазвонил. Невольно бабушка сняла трубку и невольно произнесла свое обычное:

— Слушаю.

Трубка сказала:

— Это говорит ее дед!

Есть такое выражение: потемнело в глазах. Бабушка, по правде говоря, не верила в него. Но сейчас она увидела серый снег и почти черные березы — будто смотрела через закопченное стекло.

Когда бабушка была маленькая, она через такое стекло однажды смотрела на солнечное затмение... Это ей все вспомнилось так быстро, как, поскользнувшись, люди падают навзничь...

Она поняла все... и не надо было ей задавать этого вопроса! Но не смогла себя удержать:

— Я больше ее не увижу? — Да и к чему ей теперь было удерживаться? К чему ей теперь нужна была эта гордость! — Я не увижу ее?

Он не ответил... Но ведь он зачем-то позвонил? А! Чтобы я не бегала по милициям. Но ведь мог... чтобы просто я все забыла! Ей стало страшно.

— А вы, извините... вы колдун?

— В каком-то смысле,— ответил он, и, показалось бабушке, растерянно.

— Тогда, прошу вас, оставьте мне память!

— Оставлено,— ответил он, помолчав, словно думал, признаваться ему в чем-то или не признаваться.— Вам оставлено...

И бабушка догадалась, кто это сделал. И заплакала.

— Вы знаете, кто у вас жил? — спросил дед бывшей Тани.— У вас жила Снегурочка.

Бабушка кивнула, не в силах отвечать и вытирая рукой слезы. Вот, значит, как ее звали, Танечку мою...

— Вы заслуживаете награды!

Опять она не могла ответить, лишь покачала головой. И, навéрное, Дед Мороз увидел это.

— Прошу вас: никогда, никому!

И бабушка ответила:

— До самой смерти!

Эпилог

На том обрывается история про бывшую Таню. Больше мне ничего не известно... Впрочем, одно: маленькая повелительница праздничного холода так никогда и не узнает, удалось спасти ту полярную сову или нет. Ни разу не смогла она заглянуть в окно человека по фамилии Прибылов. А полярные совы — единственные из всего, что есть на свете — не понимают ее слов. И, может быть, поэтому — замечали, наверное? — Новогодний праздник, такой веселый, как будто все-таки немного грустный... Мы говорим: торжественный. Но торжественность тут ни при чем!

Кто-то подумает: «Господи, да неужели из-за одной совы?..» Но кто действительно так подумал, тому не стоит читать мои книги!

А бабушка часто думала: «Как же я не догадалась — как же у меня ни одной ее фотокарточки нет?» А потом: «Да разве я так тебя не помню!»

Ни разу не было ей ни письма, ни открытки, ни птичьего перышка. Лишь одно. Когда в середине ноября объявят в прогнозе погоды, что наконец нынче ночью в Москве вместо мороси местами выпадет снег, знает бабушка: ее чисто выметенный балкон будет поутру белым, как зимняя лесная поляна.

— Спасибо тебе!

И если подует ветер, то можно услышать, будто бы кто-то ответит:

— Пожалуйста.

Один раз в году.

КОНЕЦ.

«ВЕРА».
Света Румянцева, Яна Гасюль, Наташа Смирнова.

«НАДЕЖДА».
Володя Лубенко, Юля Есаулова, Илья Каушанский.

«НЕБЕСНЫЙ КОНЬ».
Лида Михайлова.

Вике ИВЧЕНКО 9 лет, живет она в Киеве, учится в 4-м классе, занимается музыкой. Стихи пишет на двух языках — русском и украинском.

Семья

Мама-конь идет домой,
папа-конь — на водопой.
А ребенок-жеребенок
пьет из миски голубой.

Декабрь

Прискакал к нам новый день, как олень.
Почему длинна так ночь? Чем помочь?

Зима

Скоро будет Новый год.
На дорожках — скользкий лед.
Дед Мороз до самой стужи
в холодильнике живет.

Манная каша

Течет молочная река.
В ней берега из молока
и острова из манки.
А ложка — маленький корабль,
застывший у стоянки.
Как грустно в льдинах кораблю!
Я просто кашу не люблю.

Туман

Утром осень несла молоко.
Не разлить молоко нелегко.
Поскользнулась она и упала.
И туманное утро настало.

Держат небо дома на руках,
а деревья плывут в облаках.
Я до школы бегу и пугаюсь:
вдруг в тумане одна потеряюсь!

Бабье лето

Затихает город.
Листья опадают.
Бабье лето бродит
по пустым трамваям.
Паутинки манят
в дальнюю страну,
где старуха Осень
чешет седину.
Как причешет косы,
заспешит домой,
чтобы по дороге
встретиться с Зимой.

Конкурс красоты

Сегодня выставка собак.
И мы решили с мамой
проехать в город просто так
на стадион «Динамо».
Тут очень важное жюри
решало: кто возьмет Гран-при?
Собачий конкурс красоты
ценил и морды, и хвосты.
Вот пробежал огромный дог,
с собой мальчишку проволок.

А белая болонка
сбежала от девчонки.
Все любовались пекинес —
одной из маленьких принцесс.
Лишь бедные дворняжки
вне конкурса, бедняжки...
И вот парад. И впереди —
те, кто с медалью на груди.
Я с завистью смотрю им вслед:
ведь у меня собаки нет.

* * *

Сегодня в классе было обсужденье:
к кому приходит папа в день рожденья
и в руки нам сует пакет огромный,
чтоб целый год жить в трубке телефонной.
Пусть на портретах папины улыбки,
а я хочу аквариум и рыбки.
А я хочу кататься с ним на лыжах
и папу знать, как дедушку, поближе.
Сидела я и думала печально:
все говорят, что папа мой — начальник.
Что он со всеми добрый на работе.

Но любит не меня — чужую тетю...
Его лицо — как за окном трамвая.
Я постепенно папу забываю.
Он для меня уже почти прохожий,
хоть, говорят, я на него похожа.
А у меня сестра выходит замуж.
А у меня болеет часто мама.
А я расту, как сквозь асфальт травинка.
Ах, папа, папа! Я твоя кровинка.
Таких травинок много под ногами,
и потому мы льнем поближе к маме.

В опере

Пел Ленский посреди метели
за две минуты до дуэли.
Я думала наоборот:
поэт Онегина убьет
или вмешается случайность

и даст осечку пистолет.
Тогда бы не был так печален
известный пушкинский сюжет.
Ведь как несправедливо это —
убить поэта!

УЗЕЛ СВЯЗИ

Здравствуйте!

С наступающим

Новым годом!

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ЛАКОВАЯ ОБУВЬ – ЭТО ПОЛЕЗНАЯ ПОЕЗДКА?

«Дорогая редакция! С четверга на пятницу мне приснился сон, я его запомнила в подробностях. Подруги мне сказали, что с четверга на пятницу сны вещие, сбываются. Тогда я пошла на рынок и купила там у одной женщины «Сонник» — толкователь снов. Теперь любой сон мне понятен.

Посылаю и вам «Сонник». Может, пригодится вам и вашим читателям.

Света Закурнаева, 6-й класс, г. Ногинск».

Случилось так, дорогие читатели, что после получения Светиного письма я тоже попала на один из московских рынков: для того, чтобы овощей да фруктов купить. И увидела: там тоже продают «Сонники», напечатанные на фотобумаге, а народ не ленится, расхватывает их... Купила и я экземпляр, чтобы из любопытства сравнить со Светиным «Сонником». Что же вышло?

Светин вариант	Мой «Сонник»
Абрикосы — идти в баню	Абрикосы — обманутая надежда
Армия — заведутся мыши	Армия — пожар
Веснушки — радость	Веснушки — разочарование
Вокзал — печаль	Вокзал — дорога, удовольствие
Ершей ловить — строить дом	Ершей ловить — счастье без заслуги
Записку писать — грядет диктант	Записку писать — новости
Лаковая обувь — ссора	Лаковая обувь — полезная поездка
Папироса — пожар	Папироса — потеря времени
Обезьяна — идти в гости	Обезьяна — ложный друг
и т. д.	и т. д.

Да уж! Белибердистика какая-то!

Лучше спать себе спокойно, не думая, что каждый сон твой «подстрахован» вещими «Сонниками». А если уж приснилось нечто непонятное — порадоваться собственной фантазии. И в «Сонники» не заглядывать. Ведь совершенно не ясно, какой из них «правильный»: Светин, ногинский, наш, московский, или владивостокский какой-нибудь.

Не будьте суеверны, друзья, в Новом году! А то суеверные в грядущем году Лошади на каждой второй контрольной получат двойки и по нечетным месяцам заболеют ОРЗ!

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ПОСВЯЩЕННЫХ В «УЗЕЛ СВЯЗИ»

Ребята!

Давайте расстанемся в этом году весело! А расставаясь, возмечтаем о новой встрече и возьмемся за ОДНО ОБЩЕЕ ВЕСЕЛОЕ ДЕЛО.

Присылайте в «Пионер» СОННИКИ, ГАДАНИЯ, ТОЛКОВАТЕЛИ ПРИМЕТ и так далее, случайно или не совсем случайно к вам попавшие (как в случае Светы Закурнаевой).

Даем слово: самую интригующую информацию из присланного НАПЕЧАТАТЬ. А также по возможности СЛИЧИТЬ различные варианты гороскопов, «Сонников» и прочих «рыночных произведений» — шедевров суеверия. ПОКУМЕКАТЬ, что к чему. Может, идея какая родится. А идея в нашем деле — всё.

На конверте напишите пароль: «Лаковая обувь».

До свидания! До встречи!

Последний в этом году выпуск «Узла связи» подготовила И. АНДРИАНОВА.

Рисунок К. ЯСИНСКОЙ.

О Дойвбере Левине

Его звали Боря, Борис, а друзья — просто Бобой. По-взрослому, с отчеством — Борис Михайлович. Но когда он стал писать и начинал печататься, уже был один писатель с тем же именем, отчеством и фамилией — правда, живший в Москве,— Борис Михайлович Левин. И двух Борисов Михайловичей Левиных, наверное, стали бы путать, а в литературе это и не принято и неудобно. И тогда Самуил Яковлевич Маршак, который, кажется, и привлек Бобу Левина в детскую литературу, спросил его: «А как вас назвали при рождении? Наверное, по-древнееврейски — Дойвбер?» — «Да, Дойвбер»,— сказал Боба Левин.— «Вот и хорошо,— сказал Маршак,— с этим именем вас никто не спутает с другим Борисом Левиным». Так в литературе появился новый писатель, Дойвбер Левин.

Дойвбер Левин был родом из Белоруссии, из местечка Ляды. В семнадцать лет он поехал учиться в Петроград и в ту пору, когда с ним познакомился Маршак, учился в Институте истории искусств на театральном отделении, потому что собирался стать актером и режиссером в театре.

Но, как всякого молодого и талантливого человека, его влекло в разные искусства: учился на театральном, а в это же время писал рассказы и повести.

Тут судьба свела его с такими же молодыми, как он, и очень талантливыми поэтами: Даниилом Хармсом, Александром Введенским, Николаем Заболоцким... Они, конечно, дружили и мечтали о новых, никем еще не пройденных путях в поэзии. Бобе Левину было с ними очень хорошо. Он тоже мечтал о своем, не похожем ни на чей театре.

А друзья как раз затевали объединиться в литературно-театральную группу. Она вскоре обосновалась в стенах ленинградского Дома Печати на Фонтанке. И к имени каждого прибавилось необычное, происходящее от названия этой группы прозвище — обэриу́т. Обэриут Даниил Хармс. Обэриут Александр Введенский. Обэриут Борис Левин... Когда обэриуты начали готовить свой первый большой вечер — с чтением стихов, представленьем по пьесе Хармса и показом кинофильмов собственного изготовления,— Бобе Левину, помимо участия в постановке пьесы, было поручено едва ли не самое сложное — придать вечеру особую театральность, неожиданные эффекты. В афише так и значилось: «Театрализация вечера — Б. Левин».

В другой раз, в спектакле «Зимняя прогулка», по пьесе обэриутов И. Бахтерева и Д. Хармса, он артистично, великолепно сыграл одну из ролей.

Однако ни актером, ни театральным режиссером Боба Левин все же не стал, а стал писателем и прежде всего — писателем для детей, хотя писал и совершенно «взрослую прозу», я даже назову заглавие одной из его повестей — «Похождения Феокрита». К великому сожалению, рукописи «взрослой прозы» Дойвбера Левина не сохранились, ими жгли печку в блокадном Ленинграде.

Первым напечатанным рассказом Дойвбера Левина и был странный, почти фантастический рассказ «Полет герр Думкопфа». Веселое заложено уже в самом названии рассказа, потому что по-немецки «герр» — уважительная приставка к фамилии. Как по-русски — «господин». А «Думкопф» значит по-немецки дурак. Вот и судите сами, как это смешно. А рассказ начинается как бы с серьезных вещей, с мыслей о том, какие бывают на свете изобретатели.

Дойвбер Левин написал для детей несколько очень интересных книг: «Десять вагонов», «Вольные штаты Слави́чи», «Улица Сапожников», «Лихово»... Это были повести о жизни еврейского местечка, о детях, застигнутых там гражданской войной. Наверное, когда Дойвбер Левин писал их, он вспоминал свои Ляды, детство... Все эти книжки вышли в 30-е годы и с тех пор не переиздавались.

Когда началась война, Дойвбер Левин ушел на фронт, в Действующую Армию. Из письма его жены мы знаем его последний адрес: 618-й пулеметно-стрелковый 1062 стрелкового полка 1-й батальон, 1-я пульрота, 2-й взвод. Дойвбер Левин, прекрасный детский писатель, был командиром стрелкового взвода и погиб в бою под Ленинградом, у станции Мга, в декабре 1941 года. Ему было 37 лет.

В повести «Десять вагонов» он вывел себя под именем писателя Ледина. Вот Ледин знакомится с детдомовцем.

«— Меня Иёня звать,— сказал мальчишка.— А тебя как?

— А меня Ледин,— сказал гость.— Борис Михайлович Ледин.

— Педагог ты, что ли? — спросил мальчишка, внимательно оглядывая гостя.

— Нет, не педагог,— сказал тот,— писатель я. Книги пишу.

— Ну? — усомнился Иёня.— А какие, например, книги?

— А всякие,— сказал гость,— и для ребят писал.

— А где писал? — все еще не верил Иёня.

— Вот в «Пионере» писал,— сказал Ледин.— «Пионера»-то читаешь?

— Читаю.

— Рассказ про ученого немца читал?

— Читал.

— Так это я написал.

— Ну! — обрадовался Иёня и вдруг перешел на «вы».— Читал я ваш рассказ, честное слово, читал. Так это вы написали?

— Я.

— Здорово! — Иёня гордо оглядел ребят,— какого, дескать, зверя привел, а? — Вот здорово! — крикнул он.— А немца этого вы знали, что ли?

— Как я его мог знать, когда он умер лет сто назад? — сказал Ледин.— Рассказывали мне про него...»

Рассказ «Полет герр Думкопфа» (в первом варианте) был напечатан в «Пионере» шестьдесят лет назад, теперь этого номера журнала уже и в библиотеках не найти. А так хочется, чтобы и сегодня читатели «Пионера» узнали про писателя Дойвбера Левина и прочли один из лучших его рассказов!

Владимир ГЛОЦЕР

ПОЛЕТ ГЕРР ДУМКОПФА

Дойвбер ЛЕВИН

РАССКАЗ

Рисунки Л. ТИШКОВА.

Я зашел в Комитет по делам изобретений при ВСНХ * в Ленинграде. Меня провели в комнату, заваленную папками и бумагами, к сотруднику патентного отдела.

— Что вам угодно? — спросил меня сотрудник патентного отдела.

— Я хочу стать изобретателем,— сказал я.— Что я для этого должен сделать?

Сотрудник повертел в пальцах крышечку чернильницы и сказал:

— Что вы хотите изобретать?

— Я еще сам не знаю,— сказал я,— но изобретать мелочи я не хочу. Я хочу изобрести что-нибудь очень важное и полезное.

Сотрудник встал, подошел к подоконнику, порылся в папках и снова вернулся к столу, держа в руках две бумажки.

— Вот,— сказал сотрудник,— я прочту вам две заявки на изобретения, поданные двумя изобретателями. Выслушайте их и скажите, какое из этих изобретений для нас важнее и полезнее.

Я сел и приготовился слушать.

— Вот,— сказал сотрудник,— первое изобретение. Автор его — Лямзин. Изобретение его называется «Солнцетермос» **. Изобретение состоит вот в чем: два шара из стекла помещаются на высокой мачте. Устройство дает ослепительный свет на весь мир, от которого можно укрыться только за плотными шторами.

Второе изобретение:

Изобретатель Серебряков. Он изобрел способ производства картона из отбросов бумаги, опилок, древесной коры и мха.

— Конечно,— сказал я,— важнее и полезнее «Солнцетермос»!

— Тогда,— сказал сотрудник,— я вам не советую заниматься изобретательством. Изобретение Серебрякова для нас и важнее и полезнее.

— Почему? — удивился я.

— Очень просто! — ответил сотрудник.— «Солнцетермос», может быть, и замечательная штука. Но, во-первых, он не осуществим, так как он совершенно не подтвержден научными данными, а во-вторых, он нам сейчас и не нужен вовсе. А вот производство картона из отбросов, если оно будет применено по всей бумажной промышленности, даст нам в год 23 миллиона рублей экономии... Или вот такое незначительное на вид изобретение, как золотник для паровоза, представленное Тимофеевым, даст нам в год экономии 5 миллионов рублей.

— Что же надо изобретателю, чтобы делать полезные и нужные изобретения? — спросил я.

— Во-первых,— сказал сотрудник патентного отдела,— изобретателю надо много учиться. Мы часто видим, что за крупные задачи берутся люди без научной подготовки. Вот посмотрите, например, как описывает изобретатель Лямзин устройство своего «Солнцетермоса», я вам сейчас прочту. Слушайте и не пугайтесь мудреных слов: «Два шара из стекла, дающего беспрерывную де-радиоактивность и беспрерывную вулканизацию камней (эти физиологические породы участвуют в движении земного шара и планет), помещаются один внутри другого на высокой мачте. Внизу под мачтой помещается гигантская икс-мачта».— Вы что-нибудь поняли?

— Нет! — сказал я.

— Мы тоже ничего не понимаем,— сказал сотрудник патентного отдела.— Задачу человек поставил себе солидную — взять и осветить одним фонарем весь мир, но то, что он нам предлагает, бессмысленно и невыполнимо.

— Хорошо! — сказал я.— Для того, чтобы стать изобретателем, нужно много учиться. А что нужно еще?

— Во-вторых,— сказал сотрудник патентного отдела,— изобретатель должен знать все, что сделано в его области до него. Не то он может запоздать со своим изобретением лет на 50. Один изобре-

---

* ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства *(Ред.)*.

** Все указанные изобретения действительно были представлены в Комитет по делам изобретений при ВСНХ. Номер заявки на «Солнцетермос» 2767 (1927 год).

татель изобрел двухконечные спички, то есть спички, которые можно зажигать с двух концов. Изобретатель имел благую цель — экономию древесного материала. Но его труды пропали даром.

— Почему? — спросил я.

— Потому что такие спички изобретены уж в Германии ровно 20 лет тому назад,— сказал сотрудник.— В-третьих, запомните: всякое изобретение должно быть экономно. Один человек изобрел способ механической разводки пилы. Способ сложный и дорогой. А к чему он нам? Разводка пилы от руки и проще, и удобней, и дешевле. И, наконец, всякое изобретение должно быть разумно. К нам за год поступает больше 20 000 заявок на изобретения. Вы подумайте: 20 000 за один год! Среди очень ценных и полезных изобретений попадается немало вздорных и нелепых. Слыхали вы о таком Маковском?

— Нет! — сказал я,— не слыхал!

— Замечательный человек этот Маковский! — сказал сотрудник,— к нам от него поступает множество изобретений. Вот одно из них.

Сотрудник порылся в папках, нашел бумажку и прочел:

«Зонтик для работающих в поле. Делается он так. На деревянные стойки натягивается полотно. Стойки ставятся на колеса. Ты работаешь на поле и по мере работы на другом месте передвигаешь за собой палатку».

— Да зачем же это нужно? — спросил я.

— То-то и оно-то, что не нужно! — сказал сотрудник.— А вот изобретение другого такого же изобретателя.

«Способ раскроя платья: животное (изобретатель, по-видимому, подразумевает шкуру убитого животного) **рубят на две части. Срезывается шея и хвост, и получается два пиджака. Один из них со стоячим воротником».**

— И портных не надо! — сказал сотрудник.— А вот новый способ самосогревания.

— Какой же это способ? — спросил я.

— Способ простой,— ответил сотрудник,— проще быть не может.— Он достал другую бумажку и прочел:

«Способ самосогревания. Дыши себе под одеяло, и тепло изо рта будет омывать тело. Одеяло же сшей в виде мешка».

Я захохотал.

— Это еще что! — сказал сотрудник улыбаясь,— тут нам один человек принес способ окраски лошадей!

— Зачем же их красить? — спросил я.

— Ясно, ни к чему! — сказал сотрудник,— вы послушайте способ окраски:

«Чтобы лошадь окрасить в другой цвет, надо связать ей передние и задние ноги и опустить ее в чан с кипяченым молоком».

Я хохотал на всю комнату.

— Подождите! — крикнул сотрудник,— вы прочтите-ка вот это объявление из американской газеты. Оно перепечатано в советском журнале «Изобретатель».

Я взял журнал и прочел следующее:

НОВО! НЕБЫВАЛО!
НЕОБХОДИМО ВСЕМ И КАЖДОМУ!
Прибор, помещающийся на голове, при помощи которого шляпа снимается автоматически. Достаточно небольшого наклона головы, чтобы шляпа приветственно взвилась вверх.
НЕЗАМЕНИМО, КОГДА ОБЕ РУКИ ЗАНЯТЫ ЧЕМОДАНАМИ.

— Достойные последователи старика Думкопфа! — сказал сотрудник, когда я кончил читать.

— Какого Думкопфа? — спросил я.

— Вы не слыхали про Думкопфа? — сказал сотрудник.— Но вы непременно должны узнать его историю. У нас тут работает талантливый изобретатель, немецкий инженер Хаген. Если хотите, он вам подробно расскажет историю изобретателя Думкопфа.

— Конечно, хочу! — сказал я.

Сотрудник патентного отдела приоткрыл дверь и крикнул:

— Товарищ Хаген! Подите сюда!

В комнату вошел инженер Хаген. Сотрудник патентного отдела познакомил его со мною и попросил рассказать историю его земляка Думкопфа.

I

В городе Швабштадте на главной площади стоит памятник: снизу — глыба, на глыбе — шар, на шаре огромная бронзовая муха, а на мухе верхом сидит маленький старичок в халате, в туфлях и держит в руке будильник. Надпись на лицевой стороне памятника гласит: «Герр Думкопфу от благодарных сограждан». «1743—1816 гг.»

Этот Думкопф был знаменитым в свое время изобретателем. О нем говорил весь Швабштадт. Еще и по сей день существует немецкая поговорка: «Умен, как Думкопф» *.

Всю свою жизнь герр Думкопф служил писцом в городской ратуше Швабштадта. Он был низкого роста, плешивый и бритый. Жил он на Урштрассе у толстой немки фрау Маргариты, жил одиноко, никуда не ходил, ни с кем не дружил. Когда ему минуло 60 лет, он прославился.

Началось с того, что однажды утром 7-го августа 1802 года фрау Маргарита, возвращаясь с рынка домой, принесла с собой будильник.

— Посмотрите,— сказала она Думкопфу,— я купила будильник.

Герр Думкопф взял будильник и внимательно его осмотрел: он снял стеклышко, поднес будильник к уху и послушал его ход. Будильник шел мерным ходом, и обе стрелки двигались по циферблату.

Герр Думкопф задумался. «Эти стрелки,— подумал он,— все время двигаются слева направо. Хорошо. А что будет, если мы их пустим справа налево?» Он так и сделал. Но только двинул герр Думкопф стрелку назад, как в будильнике что-то заворчало, потом послышался хрип, потом раздался звон, а потом невидимый голос вдруг запел: «Финкель пинкель тра-ля-ля!»

Герр Думкопф пришел в восторг. Он снова двинул стрелки, и будильник снова пропел: «Финкель пинкель тра-ля-ля!»

— Замечательно! — сказал Думкопф.— Фрау Маргарита,— сказал он,— я сейчас сделал открытие: если стрелки будильника двигать обратно,— будильники начинают петь.

* Думкопф по-немецки — дурак.

— Замечательно,— сказала фрау Маргарита, прослушав песенку.

Тогда герр Думкопф решил, что он, Думкопф, человек весьма сообразительный. И с тех пор он принялся размышлять обо всем, что попадалось ему на глаза.

II

Почему на памятнике Думкопфу сидит бронзовая муха?

Однажды утром герр Думкопф проснулся от непривычного шума: что-то рядом с ним жужжало и трещало, как молотилка.

Герр Думкопф открыл глаза и увидел, что над самым его носом летает большая мохнатая муха. Герр Думкопф долго следил за полетом мухи, а потом подумал: «Эта муха,— подумал он,— летает не так, как летает птица. Птица для того, чтобы летать, машет крыльями, а муха крыльями не машет *. Хорошо. Допустим, что у мухи крылышки только для того, чтобы держаться в воздухе. Но чем же она летает?»

Герр Думкопф поймал муху и придержал ее за ножки; муха жужжала, трепыхала крылышками, но улететь не могла. Когда Думкопф отпустил ее, она сейчас же улетела.

— Вот оно что! — вскрикнул Думкопф,— муха летает ножками! Когда я держал ее за ножки, она летать не могла,— но стоило отпустить ножки, как она тотчас же полетела. Это так! А крылышки ей служат лишь для того, чтобы держаться в воздухе.

Через некоторое время герр Думкопф подумал опять: «Муха,— подумал он,— летает ножками. Хорошо. А что будет, если человек поднимется на воздух и начнет махать ногами, как муха?»

— Тогда этот человек полетит,— ответил себе герр Думкопф.

III

На следующее утро между герр Думкопфом и герр Доннером — бургомистром Швабштадта — произошла такая беседа:

Герр Доннер. Чем могу служить?

Герр Думкопф. Видите ли, герр Доннер, я решил лететь!

Герр Доннер (с изумлением). Как так лететь?

Герр Думкопф. Очень просто, как муха.

Герр Доннер открыл рот, помолчал с минуту и вдруг захохотал:

— Ого-го, как муха, ого-го.

Герр Доннер хохотал так громко, что доктор Вундеркинд, ученый советник бургомистра, приоткрыл из соседней комнаты дверь и просунул в комнату свое длинное лицо.

— В чем дело, герр Доннер? — сказал он.

— Доктор Вундеркинд, послушайте-ка! — сказал бургомистр,— этот человек собирается летать, как муха.

— Как так? — сказал, вступая в комнату, доктор Вундеркинд.

— Очень просто,— ответил Думкопф,— я вчера открыл, что муха летает ножками. Крылышки служат ей лишь для того, чтобы держаться в воздухе. Если вы дадите мне два воздушных шара, чтобы держаться в воздухе, то, махая ногами, я полечу не хуже мухи.

* Конечно, муха машет крыльями, но машет очень быстро. А попробуйте быстро вращать картонное колесо,— вам будет казаться, что колесо не движется.

— Вот оно как! на шарах! — сказал доктор Вундеркинд,— да ведь на шарах люди уже не раз поднимались на воздух *

— Они летали, куда хотели? — спросил Думкопф.

— Нет,— ответил доктор Вундеркинд,— не куда хотели, а куда их несло ветром.

— А в тихую погоду? — спросил Думкопф.

— В тихую погоду они висели в воздухе,— ответил доктор Вундеркинд.

— А я вот,— сказал Думкопф,— полечу, куда захочу и когда захочу.

Доктор Вундеркинд с улыбкой посмотрел на бургомистра.

— Что ж? — сказал он,— коли охота, пусть летит.

— Пусть летит! — повторил бургомистр.

IV

Итак, полет герр Думкопфа был решен. Бургомистр сам наметил маршрут полета.

— Двенадцатого числа сего месяца июля,— заявил он Думкопфу,— в 12 часов пополудни, независимо от состояния погоды и от направления ветра, вы поднимаетесь на воздух.

— Так,— сказал Думкопф.

— Проделав в воздухе,— продолжал бургомистр,— один маленький круг над площадью ратуши и один большой круг над всем городом...

— Два круга над городом,— сказал Думкопф.

— Хорошо... И два круга над всем городом,— вы берете направление на юг. Двадцать километров вы летите над гористой местностью, десять километров равниной, пересекаете Великий Рейн и 13-го июля на рассвете вы прилетаете в Майнц. В Майнце остановка...

— Майнц,— сказал Думкопф,— я пролечу без остановки.

— Хорошо. Майнц вы пролетаете без остановки. Из Майнца, миновав Аппенгейм, Армсгейм, Вестгофен, вы прилетаете в Вормс.

— Так,— сказал Думкопф.

— 14-го июля на рассвете,— продолжал бургомистр,— вы вылетаете из Вормса и мимо Вестгофена, Армсгейма, Аппенгейма летите обратно в Майнц. В Майнце остановка.

— Майнц,— сказал Думкопф,— я пролечу без остановки.

— Хорошо, Майнц вы пролетите без остановки. Миновав Майнц, вы пересекаете Великий Рейн, десять километров летите равниной, двадцать километров над гористыми местами и 15-го июля в 12 часов пополудни возвращаетесь в Швабштадт.

— Хох! * — закричал герр Думкопф.

— Хох! — повторил бургомистр, обнимая Думкопфа.

V

За три дня до полета Думкопфа, 9-го июля рано утром, из ворот Швабштадта выехала громоздкая телега, нагруженная тюками. На передке телеги, свесив ноги, сидел худощавый человек с красным носом и с огромными оттопыренными ушами. Это был почтальон Хакеншрит. Он развозил почту по окрестным городам и селам **

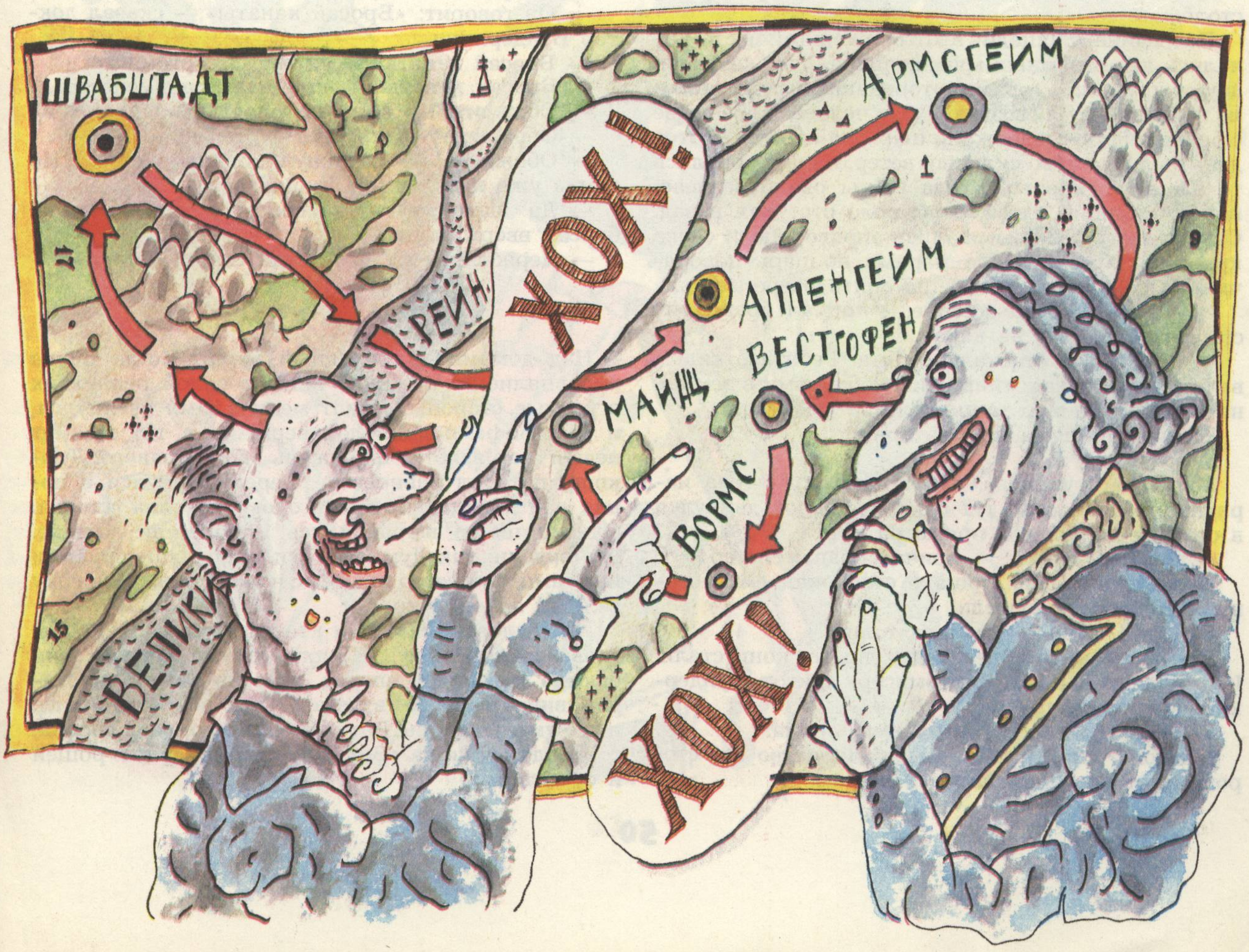
Лошадь лениво трусила по шоссе. Телега громыхала и тряслась. А Хакеншрит, не переставая, чесал себе правое ухо и бормотал:

— Ишь ты! полетишь... как муха...— бормотал

* Первый воздушный шар был построен братьями Монгольфье в 1783 году. Пилатр де-Розья и Д'Армант поднялись на воздух. С тех пор люди неоднократно поднимались на шарах.

* «Хох» — по-немецки «ура!».

** В то время почту развозили на телегах.

он,— попробовал бы ты на моей телеге потрястись, а потом и говори: «в Вормс», а то «полечу, как муха», полечу... Летать и я может быть умею. Ишь ты! как муха!..

Приезжая в деревню или в городок, почтальон Хакеншрит слезал с телеги, разносил по домам почту, а потом приходил к местному старшине и говорил:

— Сообщаю вам, господин староста, что мимо вашего села (или города) на днях пролетит герр Думкопф. 12-го июля он вылетит из Швабштадта и полетит в Вормс. Велено вам, господин староста, оказывать ему в пути всяческое содействие, как-то: днем указывать дорогу колокольным звоном, а ночью — горящими факелами. И еще велено вам, уважаемый староста, угостить меня добрым стаканом пива.

Выпив пива, почтальон снова залезал на телегу и ехал дальше. Всю дорогу до следующего села или города он чесал правое ухо и бормотал:

— Ишь ты, летит... ишь ты, как муха.

VI

Наступило 12-е июля 1803 года. В этот день Думкопф должен был вылететь. Город Швабштадт с утра принял праздничный вид. На домах были развешаны флаги, здание ратуши было украшено зеленью, а жители города были одеты в лучшие платья. Всем хотелось видеть, как герр Думкопф взлетит на воздух. Правда, полет Думкопфа над Швабштадтом каждый мог видеть из своего окна, но всем хотелось увидеть, как Думкопф оторвется от земли. Поэтому уже к 10 часам утра все жители собрались на площади возле ратуши, толкали друг друга, становились на цыпочки, вытягивали шеи, а некоторые смельчаки влезли даже на фонарные столбы.

Посредине площади, в отгороженном месте качались два огромных мягких шара. Они казались двумя круглыми горами, оторвавшимися от земли и повисшими в воздухе. 12 человек во главе с брандмейстером держали шары за канаты. В этот день был довольно сильный ветер, и шары рвались то влево, то вправо. Когда шары рвались влево, народ, стоящий слева, с руганью отступал назад. Спустя минуту шары рвались вправо. Люди слева кричали «хох» и шли за шарами, но шары поворачивали обратно, и храбрецы опять разбегались.

— Держи, ребята, крепче,— кричал брандмейстер, наваливаясь на канат.

— Держим,— отвечали ребята. Ребята откидывали головы назад, упирались каблуками в землю, но шары медленно тащили их за собой.

Вдруг в толпе раздались крики:

— Едут! едут!

Толпа расступилась, и к шарам подкатила нарядная коляска. Но тут один из шаров двинулся в сторону коляски — прямо на коней.

— Держи! держи! — кричал брандмейстер.

Было уже поздно, лошади с фырканьем повернули коляску и понесли.

— Стой! стой! — кричала толпа.

Кто-то схватил коней под уздцы, и кони стали. Из коляски вышли: бургомистр, доктор Вундеркинд и герр Думкопф.

— Ура! Думкопф! — крикнула толпа.

Думкопф снял шляпу, раскланялся во все стороны и важно направился к шарам.

VII

Дойдя до шаров, Думкопф влез на бочку и сказал, обращаясь к толпе:

— Многоуважаемые граждане города Швабштадта,— сказал он,— прошу обратить внимание: вот перед вами два воздушных шара. Всем видно? Хорошо! Шары, как видите, простыми веревками привязаны к широкому кожаному поясу. Этот пояс я надену на себя, шары поднимут меня на воздух, и, махая руками и ногами, я полечу, как муха.

— Как муха! — сказал бургомистр.

— Как муха! — крикнули в толпе.

— Я полечу в Вормс и обратно,— продолжал Думкопф,— 15-го июля в 12 часов пополудни я вернусь назад.

— Он вернется назад,— сказал бургомистр.

— Ура,— крикнули в толпе.

Думкопф кивнул брандмейстеру и сказал:

— Внимание! — сказал он,— я надеваю пояс и лечу!

VIII

— Разойдись! — крикнул брандмейстер, когда пояс на Думкопфе был застегнут.

Толпа подалась назад, и места стало больше. Шары продолжали мотаться из стороны в сторону, то волоча Думкопфа по земле, то поднимая его на аршин кверху. Думкопф что-то кричал, но вокруг стоял такой шум, что слов не было слышно. Бургомистр бегал за Думкопфом, но Думкопф, размахнувшись по воздуху, летел прямо на бургомистра, и бургомистр бежал обратно.

— Тише! — кричал он, но толпа шумела все громче.

— Слушайте, что говорит Думкопф! — кричал бургомистр.

Толпа ревела.

— Он говорит: «Бросай канаты»,— сказал доктор Вундеркинд.

— Бросай канаты! — крикнул бургомистр.

— Бросай канаты! — крикнул брандмейстер.

— Обождите! — долетел голос Думкопфа.

— Обождите! — крикнул бургомистр.

— Обождите! — крикнул брандмейстер. Но шары уже неслись над площадью.

— Да здравствует Думкопф! — орала толпа, бросая вверх шапки.

— Держите меня! — кричал сверху Думкопф.

IX

Над домами дул сильный ветер. Когда шары поравнялись с крышей, ветер с силой рванул их в разные стороны. Канат между ними натянулся, и Думкопфа подкинуло вверх, но в тот же миг левый шар взлетел на сажень выше правого. Думкопф потерял равновесие, перекувырнулся и повис над площадью вниз головой. Толпа ахнула. Однако шары выравнялись и полетели дальше. Все видели, как Думкопф усиленно машет руками и ногами. Тут ветер рванул с новой силой, и кверху взлетел левый шар.

— Упадет! — крикнул кто-то в толпе. Но шары снова выпрямились. Подхваченные ветром, они быстро понеслись вперед, взлетая вверх, спускаясь вниз и снова взлетая. Они всё отдалялись и всё уменьшались. Вот они стали с орла, с ворона, с дрозда, с чижа. Вот они сверкнули за рощей и скрылись.

ТИШКОВ

X

На крыше дома стояли двое мальчишек — Фриц и Куно — и тоже следили за полетом Думкопфа.

— Полетит,— говорил Фриц.

— Не полетит,— говорил Куно.

— Вот он полетел! — закричал Фриц, когда Думкопф поднялся на воздух.

— А сейчас он упадет! — крикнул Куно, когда Думкопф перекувырнулся и повис ногами вверх.

— Летит! — крикнул Фриц, когда шары выпрямились.

— Падает! — крикнул Куно, когда один из шаров снова залетел вверх и Думкопф снова повис вниз головой.

— Полетел! — закричал Фриц, когда шары, подхваченные ветром, понеслись вперед.

Думкопф летел очень быстро и становился все меньше и меньше. Вот он уж стал величиною с муху, а шары с грецкий орех. Мальчишки бегали по крыше с места на место, приставляли к глазам руку, смотрели в кулак.

— Вот он! — кричал Куно.

— Это не он — это птица,— кричал Фриц.

— Нет, это он — Думкопф! — кричал Куно.— Да он уж спускается! — закричал он вдруг.

— Где спускается? Что ты врешь! — крикнул Фриц.

— Вон! над рощей! — крикнул Куно.

— Это не Думкопф — это галка! — крикнул Фриц.

— Сам ты галка! — сказал Куно и толкнул Фрица в бок.

— Эй, куда забрались? — раздался голос снизу,— слезай сейчас же!

Мальчишки приумолкли и слезли вниз.

XI

В тот же день, в городке Вильдэ, за десять километров от Швабштадта, все жители были испуганы страшным криком:

— Летит! — кричал рыжий извозчик Гане.

Он несся по городу на своем дилижансе и стегал кобылу кнутом. У гостиницы «Двух ослов» дилижанс остановила густая толпа. Извозчик соскочил на землю и, размахивая руками, принялся что-то рассказывать. Но никто ничего не мог понять. Понятно было только, что кто-то летит. Но кто летит, куда летит, зачем летит,— понять было невозможно. Наконец из толпы выступил булочник Магенбаух. Схватив извозчика за грудь, он его хорошенько встряхнул и сказал:

— Если ты, болван, мне сейчас же не скажешь, кто летит, то — видишь? — И показал ему кулак, величиной с дыню.

— Вот я и говорю,— сказал извозчик,— что еду я по дороге из Брокена. Вдруг навстречу мне бежит человек и кричит: «Летит!»

— Ну? — грозно сказал булочник Магенбаух.

— Вот я и говорю, бежит человек и кричит: «Летит! летит!» Я его спрашиваю: «Кто летит?» А он и говорит: «Сам не знаю, кто, а только иду я мимо городских огородов и вижу — бегут крестьяне и кричат: «Летит! летит!»

— Ну? — повторил булочник.

— Я их спрашиваю, кто летит? а они и говорят: «Сами не знаем, а...»

Булочник Магенбаух размахнулся и хотел ударить извозчика. Но вдруг он остановил руку и задумался. Все обступили Магенбауха.

— Господа,— сказал вдруг Магенбаух,— да вы знаете, кто это летит?

— Кто? — спросили шепотом стоящие вокруг.

Булочник Магенбаух сделал шаг вперед, грозно посмотрел на извозчика, уперся руками в бока и произнес не особенно громко, но так, что все ясно слышали:

— Летит не кто иной, как сам герр Думкопф.

XII

12-го июля поздно вечером в город Майнц вошел человек в зеленой широкополой шляпе, с палкой в руках. Это был путешественник Кляус Фогель. Дойдя до главной площади города, Кляус Фогель увидел, что тут собралось много народа. На балконе ратуши стоял бургомистр, а рядом с ним человек с двумя горящими факелами в руках. Бургомистр кричал:

— Влево! вправо! вверх! вниз! — а человек махал факелами.

— Что такое они делают? — спросил Кляус Фогель своего соседа слева,— высокого одноглазого человека.

— Дорогу указывают,— ответил человек.

— Кому указывают дорогу? — спросил Кляус Фогель.

Человек удивленно смерил его своим единственным здоровым глазом и ничего не ответил. Вместо него ответила маленькая старушка.

— Дум-ко-пу, сынок,— прошамкала старушка,— Дум-ко-пу!

Вдруг раздались крики:

— Летит! летит!

Кляус Фогель посмотрел вверх и действительно увидел, что летит.

— Думкопф! Думкопф! — закричал и Кляус Фогель.

— Сюда! сюда! — кричал бургомистр.

Но Думкопф, а может быть, и не Думкопф, хотя, может быть, и Думкопф, впрочем, я и сам не знаю,— Думкопф летел дальше. Тогда бургомистр во главе толпы бросился за ним следом. Бургомистр пробежал весь город, громко повторяя: «Сюда! сюда!» — Рядом с ним бежал человек и махал факелами. Но Думкопф все же не остановился. Он пролетел городской вал и скрылся во мраке.

XIII

В городе Аппенгейме, как и во всяком городе, есть пожарная каланча. На этой каланче день и ночь стоит дозорный и все время глядит по сторонам. Если в городе пожар — он бьет в набат. Случается, что дозорный глядит-глядит, а потом и заснет.

В ночь с 13-го на 14-е июля дозорный на аппенгеймской каланче спокойно спал, а на рассвете, проснувшись, увидал странную штуку. По небу летела бочка — бочка большая, ведер в семьсот. А на бочке, поджав под себя ноги, сидел человек, высокого роста, с длинными рыжими волосами. В руке он держал меч. Дозорный протер глаза и снова посмотрел — летит! Тогда он закричал во всю глотку:

— Стой!

Но человек летел дальше.

— Стой! — крикнул дозорный.

Человек летел дальше.

Дозорный разозлился, снял сапог и бросил в человека. Сапог полетел вверх, стукнулся о бочку, отскочил и стукнул дозорного по голове.

— Погоди ж! — крикнул дозорный и с силой ударил в набат.

Весь Аппенгейм пришел в смятение. Захлопали окна и двери. На улицу выскочили полуодетые, взлохмаченные, заспанные люди.

— Где пожар? — кричали они.

На шум прибежал местный ученый, доктор Авербах.

— Успокойтесь! — кричал он, размахивая ночным колпаком, как флагом.— Успокойтесь! это Думкопф!

— Где Думкопф? — закричали все.

Но Думкопфа не было. Только вдали на горизонте маячила черная точка. Может быть, это был Думкопф, а может быть, маленький жаворонок.

XIV

В этот же день вечером Думкопфа видели над Немецким морем. Видел его, знаменитый в то время, нидерландский капитан Кох-Бот.

А на следующий день Думкопфа видели:

над Аугсбургом,
над Штутгартом,
над Хёмницем,
над Гёрлицем,
над Кёльном,
над Лейпцигом.

Над Аугсбургом Думкопфа видели летящим на воздушной ладье,

над Штутгартом — на вороне,
над Хёмницем — на зонтике,
над Гёрлицем — на ковре,
над Кёльном — на обруче,
над Лейпцигом — ни на чем. Высоко над городом Думкопф лежал на животе и махал руками и ногами.

Везде говорили о Думкопфе. Его видели то тут, то там. Одновременно видали его в разных концах страны. Народ терялся в догадках, а ученые без конца спорили об его истинном местонахождении.

XV

15-го июля, с утра, на Швабштадтской площади перед ратушей собралась огромная толпа. У застав стояли скороходы. На крышах сидели дозорные и внимательно обозревали горизонт.

— Летит? — кричали им снизу.

— Не видать,— отвечали сверху дозорные.

Швабштадт встречал Думкопфа.

На середине площади сидели доктор Вундеркинд, бургомистр и брандмейстер. Доктор Вундеркинд, не отрываясь, глядел в подзорную трубу.

— Не видать еще? — поминутно спрашивал его бургомистр.

— Я всегда говорил, что он не вернется совсем,— ответил доктор Вундеркинд.

— Может быть, Думкопф действительно обратно не прилетит? — шепотом сказал брандмейстер.

— Прилетит! — ответил бургомистр.

— А может быть... — начал снова брандмейстер.

— Непременно прилетит! — повторил бургомистр.

— Тогда ему уж пора...— сказал брандмейстер.

— А вот, глядите! — сказал бургомистр.

XVI

По площади во всю прыть бежали скороходы.

— Летит! летит! — закричали в толпе.

— Едет! едет! — кричали скороходы.

— Летит! летит! — кричали в толпе.

— Едет! едет! — кричали скороходы.

— Да кто же едет? — вскрикнул бургомистр.

В эту минуту в конце площади показалась телега. На телеге сидел высокий бородатый мужик. Рядом с ним сидели мальчишки Куно и Фриц. А сзади сидел человек без шляпы в грязном изодранном сюртуке. Человек был похож на куст. Из его волос торчали сухие ветки, к сюртуку прилипли листья, а штаны были во мху.

— Это еще кто такой? — сказал бургомистр.

— Думкопф! — ответили в один голос Куно и Фриц.

— Какой Думкопф? — сказал бургомистр,— откуда он взялся?

— Мы его в роще нашли! — сказал Куно.

— Он в роще лежал! — сказал Фриц.

Бургомистр схватил человека за плечи.

— Думкопф? — крикнул он.

— Думкопф! — ответил человек.

XVII

— Но где шары? — сказал доктор Вундеркинд.

— Улетели! — сказал Думкопф.

— Как улетели? Куда улетели? — сказал бургомистр.

— Оторвались и улетели! — сказал Думкопф.— Третьего дня оторвались и улетели.

— А как же вы-то остались?! — сказал бургомистр.

— А я в рощу свалился! — сказал Думкопф.

— Хо-хо! в рощу свалился! — крикнули в толпе.

— Но я открыл замечательную вещь! — сказал Думкопф.

— Как бревно, в рощу свалился! — кричали в толпе.

— Я открыл замечательную вещь! — повторил Думкопф.

— Тише! — крикнул бургомистр.

— Бревно!— кричали в толпе.

Думкопф встал на ноги и крикнул:

— Я открыл!..— крикнул Думкопф. Но голос у него сорвался.— Я охрип,— сказал Думкопф.

— Тише вы! — крикнул бургомистр.

Думкопф откашлялся и сказал свистящим шепотом:

— Я открыл,— сказал Думкопф,— что муха летает не ножками, а крыльями!

— Что? Что? Что? Что? — кричали из толпы.

— Думкопф открыл замечательную вещь! — сказал бургомистр,— герр Думкопф открыл, что муха летает не ножками, а крыльями!

— Крыльями! — крикнули в толпе,— ура! крыльями!

— Ура, Думкопф! — крикнул бургомистр.

— Уррра! — подхватил брандмейстер.

— Урррраа! — покатилось по площади.

— А ну, ребята, качай Думкопфа! — крикнул брандмейстер.

Думкопфа подхватили и подкинули на воздух.

— Качай! качай! веселей! — кричал брандмейстер.

— Ура! Думкопф! — кричала толпа.

Думкопф взлетал над толпой, болтая руками и ногами.

— Вот теперь-то он летает, как муха! — сказал почтальон Хакеншрит.

⟨1929⟩

Подготовил к печати Владимир ГЛОЦЕР.

Леонид ЯХНИН

ФРЕСКИ НА ОБЛАКАХ

Потолок дядюшки Эмиля

Двадцатилетний клерк адвоката Дюконсея в свободное время занимался странным делом. Он с увлечением расписывал потолок в особняке своего богатого дядюшки Эмиля Жерара. Снисходительный дядюшка посмеивался, посматривая на заляпанного краской юношу. Не пугал его и темно-синий потолок с густо-красными охристыми пятнами.

Племянник, сын любимой сестры, тайком от отца занимался живописью.

Если бы знал честный торговец зерном Эмиль Ипполит Анри Матисс, что в конторе сын его Анри заполняет превосходные листы гербовой бумаги не сухими судебными определениями, а баснями Лафонтена! К счастью, судья, к которому поступали эти бумаги, подписывал их, не глядя.

Отец оставался еще долго в счастливом неведении. Зато мать поощряла живописные занятия своего Анри и даже купила ему в подарок этюдник.

Первой студией Анри Матисса была Школа Кантен Латура. Учили там композиции узоров для вышивок. Но можно было и рисовать с гипсовых слепков. Каждое утро с семи до восьми, до начала работы в адвокатской конторе упорный юноша рисовал античные гипсы. Шло последнее десятилетие XIX века.

Договор на шедевры

Целое десятилетие Анри Матисс беспрерывно учился. Менялись школы, студии, учителя, менялись авторитеты и пристрастия. Подготовительная мастерская Академии Жюлиана. Вечерние курсы Школы декоративных искусств, школы изящных искусств. И параллельно чуть ли не ежедневные посещения Лувра, где Матисс делал копии с картин старых мастеров. Сколькими современными ему художниками и живописными направлениями он «переболел»! Дерен. Синьяк. Сезанн. Фовизм. Пуантилизм. Импрессионизм. И одновременно Анри искал свою манеру, формировал свой взгляд на мир, на живопись.

Просто удивительно, как целенаправленно он «выбирал» из всего виденного и прочувствованного именно то, что выводило его на ту единственную дорогу, по которой он шел всю жизнь и пришел к воплощению своего гения. Он смотрит картины Сера и думает о «взаимодействии цветов». У Гогена находит мысль «о чистом цвете». Изучая живопись Сезанна, говорит: «Я нашел, что солнце нельзя изобразить и можно только представить». У Ренуара он находит идеи локального цвета. В 1898 году он специально едет в Лондон, чтобы увидеть «цветовое построение» картин великого Тёрнера. «У меня всегда была страсть к цветам радуги»,— говорил Матисс.

В непрерывном учении формируется незаурядный художник. Но картины почти не покупаются.

От возмущенного отца поддержки никакой. Трудно прокормить семью. Матисс даже подумывает о том, чтобы бросить живопись. Он приходит к некоему Гастону Бернхейму с просьбой взять его рабочим типографии. И тут судьба улыбнулась ему. Братья Гастон и Жосс Бернхеймы, любители живописи и негоцианты, оценили гений художника. И вот уже подписан договор, по которому все картины Анри Матисса вне зависимости от сюжета покупаются по довольно высоким расценкам. Сначала на три года, а затем еще почти на пятнадцать лет.

«Отныне,— шутил Матисс,— я приговорен создавать шедевры».

Рыбы в саду

Осенью 1911 года по приглашению известного коллекционера живописи Сергея Щукина Матисс побывал в Москве. Он восхищался древними иконами, его поразила страна: «Какое будущее у этой страны, она так всем богата!»

Матисс остался в России своими картинами, собранными Щукиным, и по сей день украшающими залы наших музеев.

Одна из таких картин, особенно мною любимая,— «Красные рыбы». Любимая, может быть, потому, что в детстве самой большой драгоценностью были для меня две золотые рыбки в пол-литровой банке. А среди искусствоведов картина эта ценится как вершина цветовых поисков Матисса.

Крупные цветовые пятна, заполняющие плоскость картины, положены словно бы детской, наивной рукой. Художник избегает нюансов, постепенных переходов от одного цветового пятна к другому. Цветом решается все — и перспектива, и форма предметов, и композиция. Сильный, открытый, насыщенный и яркий цвет создает ощущение праздничной, ликующей природы, почти слепит, как солнечный бьющий прямо в глаза свет.

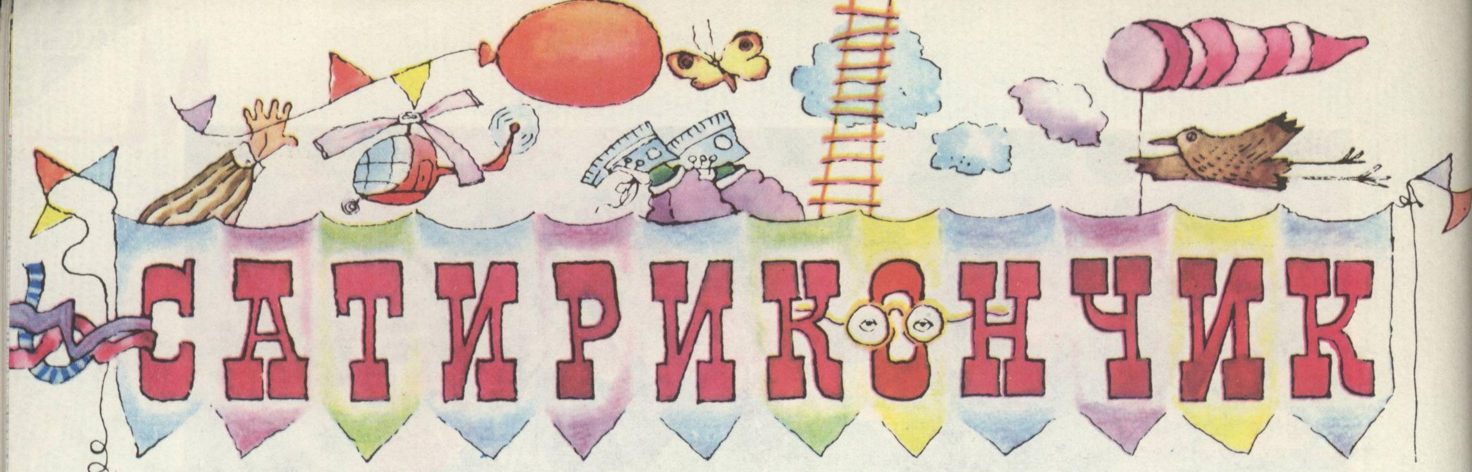
На картине не вообще сад, не вообще рыбки, а конкретный, именно этот уголок природы, именно в это время, существующий сию минуту. Рама картины кажется рамой окна, в которое ты видишь живую трепещущую листву, бегущие солнечные блики и глубокую весомую фиолетовую тень на земле.

Зритель видит локальные цветовые пятна — зеленую листву, красных рыб, фиолетовую тень, а в его восприятии эти крупные пятна дополнительных цветов смешиваются, создавая многослойную мерцающую гамму. Таково уж свойство человеческого глаза, тонко учтенное художником.

Это неуловимое качество картин Анри Матисса очень точно и образно подметил писатель Луи Арагон: «Матисс пишет фрески на облаках. Они все время меняют форму, как мысль, и на них забавно смотреть».

Анри Матисс «КРАСНЫЕ РЫБЫ».

Ребята, внимание!!! Сегодня мы начинаем показ фильмов-минуток про пионера Федькина. Показывать их будем в вашем воображении. Может быть, кому-то захочется и нарисовать некоторые кадры из этих фильмов. Мы не против... Сядьте поудобнее, расслабьтесь. И...

Пионер Федькин едет в метро...

Он сидит. Рядом стоит старушка.

Федькин встает и говорит ей тихо: «Садитесь, пожалуйста!»

Старушка со слезами на глазах гладит пионера по голове. Федькин обводит взглядом сидящих пассажиров. Две женщины напротив, переговариваясь, одобрительно смотрят на Федькина: «Какой молодец!.. Не то что другие...»

Федькин стоит, потупившись, ему очень приятно.

На остановке он резко срывается и перебегает в соседний вагон: есть свободное место! Федькин стремительно занимает его, осматривается. На другом конце вагона, у дверей, инвалид...

Федькин встает и громко, на весь вагон, кричит инвалиду: «Садитесь, пожалуйста!!!»

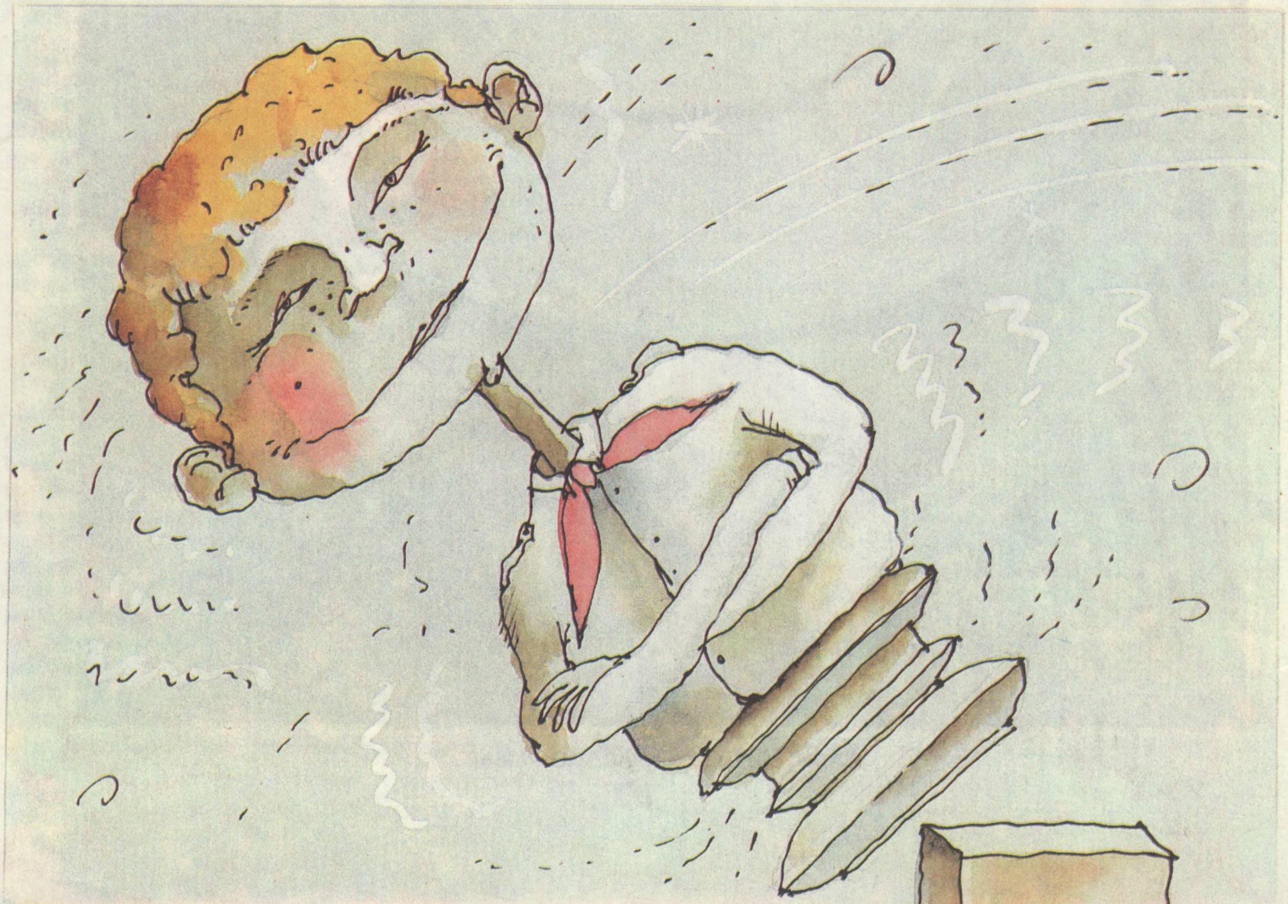
Взгляды всех пассажиров прикованы к пионеру. Он сияет, изо всех сил стараясь сохранить скромное выражение лица...

Федькин, надув щеки, стоит как памятник «Настоящему пионеру». Скосив глаза, он украдкой смотрит на пассажиров. Да, все лица обращены к нему, к Федькину! Вот две девчонки перешептываются, не отрывая глаз от Федькина — наверное, им очень хочется с ним познакомиться; а вот ветеран одобрительно кивает головой, он не зря проливал кровь, воевал, трудился... Но что это? Девочки задирают голову — да он же вырос!!! И намного! А какие у него теперь плечи!!! Это уже не просто пионер Федькин — это настоящий памятник...

Поезд резко тормозит... Девочки испуганно визжат...

Памятник пионеру Федькину, покачавшись немного, со звоном падает на пол...

КОНЕЦ

ТРЕТЬЯ КОВКА

СТИШОК

Ф. КРИВИН

ЗАПРЕТНЫЙ ПРИЕМ

Пожалейте детей, воспитатели!
Люди взрослые, как вам не совестно?
Вы удары наносите сзади им
И к тому же еще — ниже пояса!

ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ

Учительница: Ну что же ты, Федькин, молчишь? Не знаешь?

Федькин: Знаю!

— Тогда отвечай на вопрос.

— Я по этому вопросу, Ирина Николаевна, очень много чего знаю!

— Ну давай, говори!

— Не могу!

— Почему?

— Тише, Ирина Николаевна, пожалуйста, тише!

— Да в чем дело-то, Федькин?

Федькин (озираясь, шепотом): Боюсь!

Учительница (тоже шепотом): Чего?.. К-к-кого?

Федькин: Гангстеров!

Учительница: К-к-каких г-г-гангстеров?

Федькин: Я их вчера в кино видел. Они там одного убили, а потом говорят: ОН СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЛ!

АБЗАЦ

Плохо ли учиться плохо?

Ответ на этот вопрос до недавнего времени казался всем очевидным: «Конечно, плохо!» Но пионер Федькин все-таки сумел поставить его под сомнение: учится он плохо, а ему хорошо!

Про то, какой пионер Федькин принципиальный

Пионер Федькин очень принципиальный пионер.

Вот однажды он проснулся, а солнца нет! «Та-а-ак, солнце не взошло,— подумал Федькин,— Ну тогда-а-а... тогда-а-а-а... и я в школу не пойду!»

О том, какой Федькин честный человек

Пионер Федькин очень честный.

Очень. Он всегда говорит правду.

Но иногда врет.

И довольно часто.

Поэтому, если по правде, то Федькин просто-напросто врун, каких мало.

Кем хочет стать пионер Федькин

Пионер Федькин хочет стать сначала генералом.

А потом уже маршалом.

Рисунки А. МАРТЫНОВА

Рисунки
А. БАЛДИНА.

В редакции журнала «Пионер» — предпраздничное оживление. С утра до вечера почтальон носит поздравительные открытки и телеграммы. Друзья «пионерцев» входят в редакцию с мороза, разрумяненные, поздравляют сотрудников с новым, наступающим 1990 годом.

А в шахматной гостиной кипит самовар, грудой на блюде лежат мягкие бублики, искрится в вазочках варенье. Дедушка Остап Бендер восседает за столом как именинник. Как же — рядом с ним его внук Ося Б. (г. Новые Васюки), только что возвратившийся из своих странствий! Последним Осиным путешествием были пути-дороги России. О небольшом эпизоде России шахматной — наш заключительный рассказ.

МЕЛКИЙ ЧИНОВНИК ЕДЕТ В ПАВЛОВСК...

Петербургский генерал-губернатор, граф Михаил Андреевич Милорадович, «страстный охотник до шахматной игры», был раздосадован. Еще бы! Совсем недавно его постоянный партнер за шахматной доской Петров показал ему свою прекрасную задачу, которая называлась «Бегство Наполеона из Москвы в Париж». Восхищенный замыслом составителя граф решил показать ее матери царя Марии Федоровне, интересовавшейся шахматами. Однако вот здесь-то и произошло досадное для графа недоразумение. Храбрый герой Отечественной войны 1812 года позицию задачи запомнил, но забыл ее решение и не смог припомнить стремительных маневров и наскоков шахматной «конницы Платова». За шахматной доской граф был менее решителен, нежели на поле боя. Кстати, любители истории, вероятно, помнят, что во время выступления декабристов 1825 года Милорадович не побоялся в одиночку выехать на Сенатскую площадь навстречу восставшим и был застрелен Каховским...

А тогда, пятью годами ранее, пришлось графу сначала извиниться, а затем пригласить мелкого чиновника Петрова в Павловск и представить его императрице. Автор продемонстрировал решение своей, ставшей вскоре знаменитой и опубликованной во всех шахматных изданиях мира того времени, задачи.

Диаграмма 1

Белые начинают и дают мат в 14 ходов.

Шахматные фигурки живут по собственным, составленным лишь для них законам. Однако иногда в задачах или этюдах расположение сил, ход решения отображают, разумеется, с определенной долей условности, и какое-нибудь реальное событие настоящей жизни. Среди изобразительных задач произведение Петрова до сих пор остается на недосягаемой высоте. Судите сами.

В этой позиции кавалерия Платова (белые кони) гонит черного короля (Наполеона) из Москвы (поле b1)в Париж (поле h8). 1. Kd2+ Kpa2 2. Kc3+ Kpa3 3. Kdb1+ Kpb4 4. Ka2+Kpb5 5. Kc3+ Kpa6. Любопытный эпизод. Большая белопольная диагональ изображает на доске реку Березину, где Наполеон рисковал попасть в плен. Петров подчеркивает этот исторический факт — белые могут поставить мат — 6. Фа8×, но пропускают эту возможность и продолжают атаковать конями.

6. Kb4+ Kpa7 7. Kb5+ Kpb8 8. Ka6+ Kpc8 9. Ka7+ Kpd7 10. Kph8+ Kpe7 11. Kc8+ Kpf8 12. Kd7+ Kpg8 13. Ke7+ Kph8 14. Kpg2×.

И еще два интересных момента, отраженных в задаче, о которых вспоминали чрезвычайно редко. Белый король — это царь Александр I, который объявляет мат из Петербурга (поле h1) именно на 14-м ходу — первое отречение Наполеона было как раз в 1814 году...

Учителями за шахматной доской первого русского мастера Александра Дмитриевича Петрова (1794—1867) были отец и дед И. А. Соколов, известный и очень сильный по тем временам игрок. Когда мальчику исполнилось четыре года, дед подарил ему шахматы, а отец обучил правилам, и уже в семь лет «Александр играл изрядно». Однако с дедом ему разрешили сыграть лишь в двенадцать лет. Естественно, вначале мальчик проигрывал, но уже через год старик сам признал полное превосходство своего внука и был этим очень горд. Юного Петрова стали приглашать в дома, где собирались шахматисты, и он, легко победив всех противников, стал сильнейшим шахматистом Петербурга, а затем и всей России.

Знакомство с «сильными мира сего» оказалось полезным и для служебной карьеры, и для шахматной деятельности Петрова. Через несколько лет он дослужился до чина тайного советника, и материальная независимость позволила ему уделять шахматам больше внимания.

Еще молодым человеком Петров понимал, что для развития шахмат в России необходим хороший отечественный учебник, и он пишет книгу «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок...», которая вышла в свет в 1824 году. Не одно поколение шахматистов изучало эту книгу, которая способствовала появлению целой группы сильных русских мастеров. Тем не менее в течение почти пятидесяти лет, до самой смерти Петров оставался сильнейшим шахматистом России...

Диаграмма 1

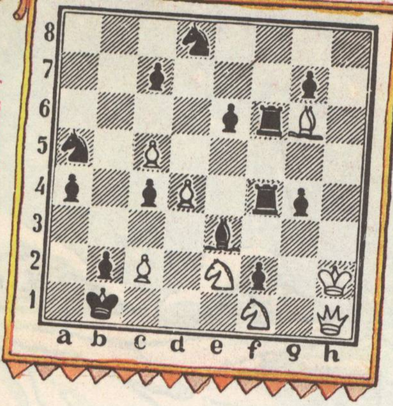

Диаграмма 2

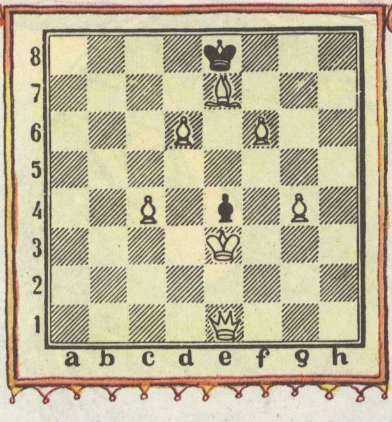
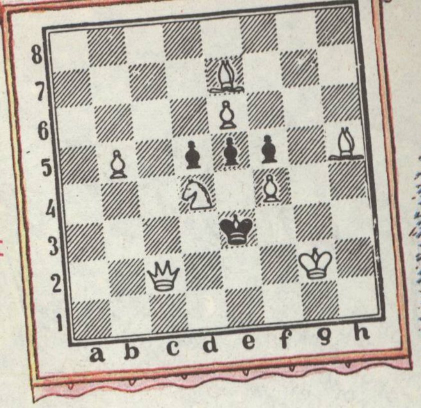

Диаграмма 3

**ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
«ОСИНА ЕЛКА» РАСКРЫВАЕТ СВОИ ТАЙНЫ!
ПОДВОДИМ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ!**

«Пионер» № 12, 1988 г. «Осина елка».

Диаграмма 1. В «вертикальных» задачах мат в три хода.

а) 1. Фd7+ Кpb3 2. Фd1+ Кpc4 3. Фd5×.

в) 1. Лd8+Кра5 2. Лd6 Кpb5 (2...b5 3. Ла6×) 3. Лd5×.

c) 1. Кpb2 Кpd5 2. Кd4+ Кpc4 3. Са6×, 1... Кpb5 2. Кd4+ Кpc4 3. Се6×, 1... Ch2 2. Са6+ или 2. Се6+.

d) 1. Л:d6+ Кp:d6 2. Ф:d4+ Кpc6 (2... Кре6 3. Фf6×) 3. Фb6×, 1... Л:d6 2. Ф:d6+, 1...Кре8 2. Фg6+, 1... Кpc8 2. Фа6+.

e) 1. Ф: e7 Кpd5 2. Фc7 и 3. Кf4×, 1... Кpf5 2. Фg7 и 3. Кd4×.

f) 1. Л:f8 Кре3 2. Лd8 и 3. Лd3×, 1... Кpg3 2. Лh8 и 3. Лh3×.

g) 1. Cd1 Кpf5 2. Ле1 g5 (2... Кpg5 3. Ле5×) 3. Сc2×.

h) 1. Лg2 Сf8 2. Лg7 (самый красивый вариант этой трудной по сравнению с другими задачи) 2... К:h4 (2... С:g7 3. Кp:g7×) 3. Кpg8×.

В задаче на седьмой горизонтали мат в два хода.

1. Фc5 (с угрозой 2. Ф:е7×) 1... Cd6 2. Фc8×, 1... Cd8 2. Фc6×.

Диаграмма 2. Мат в два хода.

1. d8Ф+Кре6 2. Фе7×.

Далее, последовательно поворачивая доску на 90° против часовой стрелки, получаем еще три двухходовки с такими решениями:

1. b8Л Кpf4 2. Лf8×,
1. d8C Кpd4 2. Cf6×,
1. f8K Кpd5 2. Cb7×.

Интересно, что белые пешки превращаются во все фигуры — ферзя, ладью, слона и коня.

Диаграмма 3. Мат в три хода.

1.Фа8 g3 Кpg4 (или 2... е4) 3. Ф:g3×, 1... е4 2. Фа3 Кре5 (2...е3 3. Ф:е3×, 2... g3 3. Ф:g3×) 3. Фd6×.

После сдвига всех фигур на одну вертикаль влево — 1. Фg1 f3 2. Фf2, 1...d4 2. Фh1+ Кре3 (2... f3 3.Ф: f3×) 3. Фе1×.

Победителями шахматного конкурса «Осина елка» стали: Р. Азаматов (г. Нефтекамск, Башкирская АССР), Л. Беляева (п. Зачепиловка, Харьковская обл.), К. Березин (г. Комсомольск-на-Амуре), А. Выползов (с. Половиное, Курганская обл.), Л. Герасимова (г. Кинешма, Ивановская обл.), С. Зиборов (г. Владивосток), Д. Лапочкин (г. Камбарка, Удмуртская АССР), А. Лебедев (г. Бежецк, Калининская обл.), А. Серафимов (с. Камарь, Донецкая обл.), А. Чекина (г. Баку).

Победителям высланы призы.

**ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!
НОВЫЕ НОВОГОДНИЕ ЗАГАДКИ**

Наступает Новый год! Без елки представить себе этот праздник невозможно.

Диаграмма 2

Перед вами наша елочка на шахматной доске. Подумайте, как белые объявляют здесь **мат в три хода.**

А теперь на верхушке елки вспыхнула большая пятиконечная звезда.

Диаграмма 3

В этой задаче белые должны поставить **мат в два хода.**

Ответы присылать в «Пионер» до 1 февраля 1990 года.

* * *

А сейчас Ося Б. прощается с вами, дорогие юные шахматисты. Впереди Новый год.

О шахматных планах нашего журнала вы узнаете уже в наступающем году. Может быть, вы хотите что-то подсказать шахматному отделу? Дополнить его планы своими задумками? Тогда пишите! Адрес прежний:

Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала «Пионер», шахматному отделу.

Всех с праздником! Всем спасибо за внимание!

Юрий КУШАК

Гололедица

Гололед,
Гололед,
Гололедица —
Молодого мороза
Наследница!
Вся деревня в леденцах,
Все деревья в бубенцах,
Все дороги в наледи —
Как тут выйти на люди?!

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ

Две румяные старушки
Так и виснут
Друг на дружке:
Ступить боятся —
И ну смеяться!
Вот уж забава —
То влево,
То вправо,
Ну прямо как пьяные
Старушки румяные!

Гололед,
Гололед,
Гололедица —
Ах, как славно
На валенках едется!
Никогда у детворы
Лучше не было горы!
Никогда у детворы
Лучше не было поры!

Всех, кто стар,
Всех, кто мал,
Гололед околдовал!
И летают, как во сне,
Дед с вязанкой на спине,
Коромысла с ведрами
И хозяйки с метлами!
А хвостики у поросят,
Как пропеллеры, трещат!
Полетали
И — хлоп!
Пятачками
В сугроб!

Гололед,
Гололед,
Гололедица —
Вышла в небо
Большая Медведица.
Поскользнулась под луной —
Едет с горки ледяной...

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» ЗА 1989 ГОД

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ К ИГРЕ В. ГОЛИЦЫНА «БЕГЛЫЕ, ИЛИ ВОТ ТЕБЕ, БАБУШКА, И ЮРЬЕВ ДЕНЬ»

Монастырь, Помещик — Сидеть на месте до «побега» или «Юрьева дня». Человек, попавший в монастырь (пока он оттуда не ушел), не может быть посажен в острог.

Острог — Идти по этапу до Кирилло-Белозерского монастыря или до «побега». После каждого хода, если на кубике нет «побега», передвигают фигурку на север в следующий острог.

Заблудился в лесу — Идти по зигзагу. Едущий на коне за один пункт до дерева кидает кубик еще раз, чтобы знать, не заблудился ли он.

Зверь заел, Умер от болезни, Утоп в болоте, Утоп — Гибель. Начинать игру сначала.

Плен — Сидеть в плену (перенести фигурку в круг) у татар (т) или ногайцев (н) — до «побега».

Арест — Если второй раз выпадет на кубике «арест», то идет в острог. Если нет — идти дальше. При аресте говорить: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

Разбойник — Поступает в шайку разбойников — до «побега».

Лодка — Вниз по течению идти на три пункта, вверх — на два. В лодке плывут до тех пор, пока не потеряют при «аресте», плене и т.д. Лодка с фигуркой — попутчик. Плыть, куда указано.

Побег — Можно бежать из монастыря, тюрьмы, плена, от помещика. В награду кубик кидается еще раз.

Юрьев день — Можно «уходить» из монастыря, от помещика.

Лодка только для переправы.

Лошадь — Идти на два пункта. Лошадь с телегой — попутчик, идти, куда указано.

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

Пятое время года. — И. Андрианова. — № 2.
Товарищи дети, вас слышат. — Подготовила М. Матвеева. — № 4.
Как надо жить, чтобы октябренок Елисей Андреевич Бабенко не расхотел стать пионером. — И. Зарахович. — № 5.
Его величество коммунарский сбор. — В. Хилтунен. — № 6.
Почему жизнь «по законам братства» двадцать лет назад пришлась не ко двору. — В. Хилтунен. — № 7.
До встречи на сборах. — В. Хилтунен. — № 8.
Шумно, трудно и честно. Заметки с областного пионерского слета. — № 9.
Блондинка ищет друга. — Л. Матвеева. — № 12.

«ВПЕРЕД». Юнкоровская газета журнала «Пионер». — №№ 1—3, 5—12.

«ЗЕЛЕНАЯ КАРЕТА». — №№ 2, 5, 8, 11.

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

О некоторых интимных событиях в жизни девочек. — Ю. Гиппенрейтер. — № 1.
О том, как растут мальчики, и еще об одной деликатной теме. — Ю. Гиппенрейтер. — № 3.
Мужские и женские «роли». — Ю. Гиппенрейтер. — № 5.
Обретение друга. — Ю. Гиппенрейтер. — № 7.
О «холодной войне» с родителями и совместных поисках мира. — Ю. Гиппенрейтер. — № 9.
О первых влюбленностях и искусстве нравиться. — Т. Марасанов. — № 11.

ЖИЗНЬ СТРАНЫ СОВЕТОВ

«Я» и «мы». — О. Кучкина. — № 1.
Монолог без рецептов. — С. Баруздин. — № 2.
Дорога в мечту. — А. Маркуша. — № 3.
Цитаты и жизнь. — Р. Медведев. — № 4.
Последний бой у Севастополя. — А. Черцов. — № 5.
Фонд нашей доброты. — А. Лиханов. — № 6.
«Мы прыгали с третьего этажа...» — Элс де Грун. — № 7.
Любовь, уважение, знание. — Д. Лихачев. — № 8.
Если б я был учеником... — Г. Ягодин. — № 9.
«Хотел ли я, чтобы ты плакала?» — А. Приставкин. — № 11.
Валентин Дикуль против Рэмбо. — А. Безбородова. — № 12.

ПЕРЕСТРОЙКА:
ЧТО ТАКОЕ? КТО ТАКОЙ?

Право выбора. — А. Васильев. — № 3.
Общество памяти. — М. Салыкова. — № 5.
Хорошо ли быть богатым. — А. Сергеев. — № 7.
Новый смысл старинного слова. — А. Сергеев. — № 10.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Школы вместо казарм. — А. Киселев. — № 1.
Будь здоров, не кашляй. — А. Черняховская. — № 3.
У нас в гостях журнал «Пионир». — № 4.
В гостях у ребят из школы Максима Горького. — Л. Симонова. — № 5.
Легко ли быть «жирафом»? — А. Черняховская. — № 10.

ТЕЛЕПАНОРАМА «ПИОНЕРА»

Там, за Пиренеями. — И. Кудрин. — № 2.

ПЛАНЕТА ДЕТЕЙ

Сувениры для Пхеньяна. — № 3.
Мы открываем страну фестиваля. — № 5.
Адрес фестиваля — Кванбок. — № 6.
Браво, Майорет. — П. Онищенко. — № 6.
Красный галстук — символ стойкости и дружбы. Мир глазами Херлуфа Бидструпа. — № 6.
Санкюлоты, гаврوши и пионеры. — Н. Тарасенко. — № 7.
Мосты дружбы. — А. Ашерова. — № 8.
Председателю... пятнадцать лет. — Н. Алексеев. — № 8.
Три недели в американской школе. — Е. Лученков. — № 9.
«Гласность — это замечательно...» — Американские школьники пишут Михаилу Сергеевичу Горбачеву. — № 9.
Почта «Планеты детей». Индекс 500 000. — № 9.

КРУГОСВЕТНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ «ПИОНЕРА»

У синего моря, на краю Сахары. — К. Климовский. — № 12.

ОСТРОВ СОКРОВИЩ
Ведет Н. Голь

Караван сказок. — № 1.
Свадьба в Версале. — № 3.
Про королей и сказочников. — № 4.
Годы странствий. — № 6.
Итальянская сказка. — № 9.
Воспоминания о сказке. — № 11.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАРТА

«Я люблю Россию до боли сердечной...» — Е. Селезнева. — № 1.
«Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...» — С. Богатырева. — № 8.
«Но я люблю — за что, не знаю сам...» — С. Богатырева. — № 10.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Воля к жизни. — Б. Камир. — № 2.
Двойной портрет. — В. Друк — № 5.

СЛОВО ОБ ИСКУССТВЕ

Задумчивый праздник. — В. Кожемякин. — № 11.
О страшных цифрах и прекрасном искусстве. — Н. Ламм. — № 11.

МУЗЕЙ ОДНОЙ КАРТИНЫ
Ведет Л. Яхнин

Вернисаж. — № 4.
Тайна света. — № 6.
Последний день Герники. — № 8.
Шаги навстречу. — № 10.
Фрески на облаках. — № 12.

ДЕКАБРЬ

пн		4	11	18	25
вт		5	12	19	26
ср		6	13	20	27
чт		7	14	21	28
пт	1	8	15	22	29
сб	2	9	16	23	30
вс	3	10	17	24	31

Все больше и больше появляется в нашем небе дельтапланеристов. Проходят между ними соревнования. На дальность полета. На высоту. И кто же «самый-самый»? Можем ответить на этот вопрос: один из них — англичанин Боб Калверт. Он поднял свой дельтаплан на высоту 4928 метров.

Вырежи развертку, наклей на деревянную основу кубика. Не забудь из бумаги вырезать фигуры беглых крестьян. Теперь можно играть. Желаем успеха!

В ОФОРМЛЕНИИ ЖУРНАЛА
УЧАСТВОВАЛИ ХУДОЖНИКИ:
А. Балдин, А. Борисов, В. Бурмистров, А. Бухарев, Ю. Ващенко, А. Вовикова, А. Гришин, А. Державин, В. Дудкин, Т. Ильина, Д. Каменьщиков, Ю. Карпова, В. Лосев, А. Мартынов, Е. Медведев, А. Мелик-Саркисян, Е. Мокроусова, А. Остроменцкий, Ю. Пак, И. Панков, М. Петров, В. Перцов, Е. Стерлигова, Л. Тишков, В. Шкарбан, К. Ясинская.

ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТЫ:
Д. Бальтерманц, Н. Бликов, М. Вылегжанин, Д. Дебабов, А. Задикян, А. Каспаров, А. Крупников, М. Кузминский, И. Куликов, А. Либерман, Е. Лученков, Е. Матвеев, П. Мокроусов, Р. Папкьян, В. Пищальников, Л. Придорогин, С. Сафонова, Н. Степаненков, В. Сухомлинов.

ЛАУРЕАТЫ «ПИОНЕРА» 1989 года

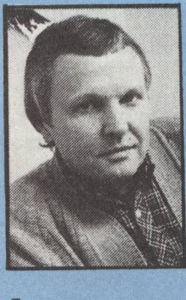

Юлий Маркович ДАНИЭЛЬ

Москва 30-х годов. Он учится в школе на Чистых прудах. Он бежит на уроки по Большевистскому переулку, бывшему Гусятникову, а там на доме рыцари. И как бы он ни опаздывал, всегда успевает отдать рыцарям честь. Потом война, фронт, тяжелое ранение, госпиталь. Потом пединститут, учительство в школе. Потом — литература. И уже на всю жизнь. 60-е годы. Его писательское имя уже «на слуху». И вдруг — широкий судебный процесс. Он и Андрей Синявский обвиняются в создании антисоветских произведений. Несмотря на протест группы известных писателей, суровый приговор. Годы лагерей строгого режима. Потом возвращение и очень трудная жизнь (ему почти не разрешали печататься). Потом полная реабилитация и — неизлечимая болезнь...

Повесть, которая явилась причиной суда над ним, вышла в № 11 «Юности» за прошлый год. Эта публикация — то немногое и... последнее, что он увидел напечатанным. В канун 1989 года Юлия Марковича Даниэля не стало.

Повесть «Бегство» («Пионер» №№ 6—8) он передал редакции поздней осенью 1988 года... За эту повесть Юлию Марковичу Даниэлю присуждены премия и диплом имени А. П. Гайдара посмертно.

Александр Михайлович ГРИШИН

Перелистайте хотя бы этот номер журнала «Пионер». Как много цветных иллюстраций, фотографий. Все к месту, хотя какие разные и художники, и фотографы! Значит, кто-то об этом думает, делает так, чтобы журнал был красиво оформлен, глаз радовал. Конечно же, есть в журнале такой человек! Это главный художник. Многие годы главным художником «Пионера» был Александр Гришин. Да вы наверняка видели оформленные им стихи, рассказы, и не только в «Пионере». В свободное от работы над журналом время он тоже много рисует: природу, старинную архитектуру. Рисует и знаменитое Замоскворечье с его извилистыми переулками и тихими двориками. Здесь он родился, вырос, здесь учился в Художественной школе имени Сурикова. Теперь художник работает в другом, взрослом журнале, но часто заходит в «Пионер», продолжает считать журнал своим. И мы всегда рады ему. За многолетнюю работу в журнале «Пионер» Александру Михайловичу Гришину присуждены премия и диплом имени Н. Н. Жукова.

Многие сейчас задают себе и окружающим вопрос: нужна ли нам пионерская организация? А вот члены разновозрастных пионерских отрядов «Каравелла», «Кондорито», «Цунами» из Свердловска и «Эврика» из Каменск-Уральского Свердловской области таких вопросов не задают. Они на деле доказывают, что пионерская организация нам необходима. Только организация настоящая, а не показушная. Живут свердловские разновозрастные отряды шумно, трудно и честно. Умеют отстаивать свои позиции. В общем, без таких ребят у перестройки не было бы будущего. За совместный материал «Шумно, трудно и честно», опубликованный в № 9 журнала «Пионер», разновозрастные отряды «Каравелла», «Кондорито», «Цунами» и «Эврика» награждены дипломом имени Льва Кассиля и премией.

Главный редактор А. С. МОРОЗ.

Спасибо всем, кто читал «Пионер» в 1989 году. А что можно будет прочесть в январском номере нашего журнала? Об этом узнают те, кто подписался на «Пионер»-1990.

Сдано в набор 04.10.89.
Подписано к печати 19.10.89. А 00387.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1368.
Цена 30 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Как-то очень быстро кружится Земля! — сказал Винни-Пух.— Не успели оглянуться, а уже снова Новый год. Кажется, только-только год Змеи встречали, а уже Лошадь Змею копытом гонит...

— И правда, пора к празднику готовиться,— согласились все с Винни.— Всем известно: экспромты хороши, но не всегда. Поэтому лучше некоторые вещи приготовить заранее.

— Особенно если эти вещи — подарки! — заметил Домовенок.— А на Новый год ведь обязательно подарки дарить.

— Можно даже небольшие...— решил Колобок.

— А что лучше,— поинтересовался хитрый Матроскин,— один большой подарок или много маленьких?

— Чем биться над этой неразрешимой проблемой, лучше бы начали эти самые подарки готовить! — решительно заявил человек действия, папа Карло.

— Я, например, могу Деда Мороза сделать,— предложила Белоснежка.

— Хм, эка невидаль,— хмыкнул папа Карло,— Дед Мороз в Новый год! Деда Мороза и я могу сделать...

— А давайте несколько дедушек сделаем,— предложил миротворец Домовенок.— Чтобы им не скучно было...

Дед — тыщу лет

— Ну, хорошо,— сказала Белоснежка,— сначала я скажу, как сделать Деда Мороза. Итак, из картона вырезаем кольцо. Перевязываем его посередине нитью, на которой закрепим две одинаковые бусинки — глаза и бумажный нос — овал. Глаза тоже можно сделать из белой бумаги и посредине наклеить черные кружочки. Теперь берем красные и белые шерстяные нитки. Нарезаем их одинаковой длины и закрепляем на кольце петлей. Причем красные нитки привязываются на верхнюю половину кольца, а белые — на нижнюю. Красные нити поднимаем повыше и связываем их узлом. Это шапочка Деда Мороза. Нижние белые нити подстригаем в форме бороды.

Таких Дедов Морозов можно изготовить несколько и развесить по всей комнате, где будет стоять елка. Можно привязывать такого нитяного дедушку и к подарку.

— Мой Дед Мороз покрепче будет,— уверенно начал папа Карло.— Он из дерева. Вначале надо сделать деревянную заготовку, по форме напоминающую кеглю. Можно приклеить деревянный шарик к брусочку, а затем выровнять форму туловища. Можно использовать шарик от настольного тенниса для головы. Это не столь важно, потому что потом на такое туловище мы наденем шубу и шапку. Как это сделать? А вот как. Туловище загрунтуйте красной краской. На шарике красками нарисуйте лицо и покройте всю фигурку бесцветным лаком. Потом приклеиваете ватную бороду, а из красной материи шьете шапку с пумпончиком, которую тоже хорошо приклеить поверх головы. Шапку можно оторочить ватой. Ноги можно вырезать из кожи или использовать половинки деревянных кругляшек. Сбоку к туловищу стоит приклеить еще и традиционный посох.

— Ага,— обрадовался Матроскин,— и папа Карло о мешке заговорил. А в мешке известно что — подарочки... Но вот какие?

— Конечно, подарок должен быть сюрпризом,— сказала Белоснежка.— Я очень рекомендую сделать вот какой сюрприз... Но прежде ответьте на вопрос:

Когда можно спокойно спать на льве?

— Когда лев дрессированный! — выпалил Колобок.

— Когда лев — подушка! — ответила Белоснежка.— Так, что я предлагаю подарок красивый и полезный. Отыщите мягкую ткань — годится фланель, байка, шерсть — двух сочетающихся друг с другом цветов. Скажем, коричневый и рыжий или желтый и рыжий. Словом, здесь дело вкуса, ну, и, конечно, имеющейся под рукой ткани. Не увлекайтесь гигантоманией, прикиньте, хватит ли материала? Детали выкройки раскладываете на ткани, даете по 0,5 см на швы и вырезаете их. Туловище одного цвета, лапы и живот — другого.

И можно шить. Детали сшиваем попарно и набиваем их ватой. Потом сшиваем уши. Теперь очередь за туловищем. Прихватив уши и передние лапы, сшиваем две половинки туловища и набиваем его ватой. Прихватив задние лапы, зашиваем туловище. Сверху нашиваем живот и язык — язык лучше сделать из материала третьего цвета. Потом прикрепляем усы, глаза и нос. На больших тканевых усах хорошо вышить ниточки маленьких усов. Из материала нарезать гриву и пришить по периметру головы. Из толстой шерсти сплести хвостсосичку и пришить к голове.

Теплый подарок

— А я, знаете, что бы хотел получить в подарок? — спросил Колобок.

— Волшебный горшок, который бы сам все варил! — предположил Винни-Пух.

— Это было бы слишком шикарно!..— ответил Колобок.— Я бы хотел получить грелку, которая бы грела всю приготовленную мной еду.

— А я исполню твою просьбу,— пообещала Белоснежка.— Сошью тебе чудо-грелку. Правда, годится такая грелка только для вареных яиц. Но, по-моему, это довольно типичный завтрак. Ткань для грелки необходима толстая, например, фетр. Годится, кстати, старая фетровая шляпа. Вырезаем полуовал, гребешок и клюв, как показано на рисунке. Затем вырезаем полосы шириной 1 см и кружки для глаз. Длина полосы соответствует ширине нижней части полуовала. Полосы эти делаем из яркого красивого материала. Годится тесьма. Полосы нашиваем на обе части полуовала. Прикрепляем гребешок, клюв к полуовалу булавками. Сшиваем обе части полуовала, гребешок и клюв. Пришиваем глаза. Если вы украсили изделие полосами из материала, можно сделать бахрому. Такие грелки можно сшить для всей семьи.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

30 коп. Индекс 70694.

ISSN 0130—8009. Пионер. 1989. № 12. 1—64.